

Леонард Золотарев

НЕОПАЛИМЫЕ

Роман в стихах

ДРАМА

ЛИРИКА

Орел
2006

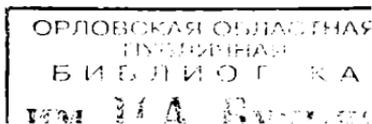

Орловская
Сибиряковская ул. Куркина,
июль 2010г.
Давыд

НЕОПАЛИМЫЕ

КНИГА ТРЕТЬЯ

из романа-эпопеи в стихах «Арсений Чигринев»

ББК 83.3
(2-Рус)
9
380
ISBN 58991-006-3

Автор: Леонард Михайлович Золотарев

НЕОПАЛИМЫЕ

(3-я книга романа-эпопеи в стихах «Арсений Чигринев»)

Рецензенты:

Курляндская Галина Борисовна – доктор филологических наук,
профессор

Осмоловский Олег Николаевич – доктор филологических наук,
профессор

Узилевский Геннадий Яковлевич – доктор филологических наук,
профессор

Ответственный редактор: Осмоловский Олег Николаевич – доктор
филологических наук, профессор

Это третья книга романа-эпопеи в стихах, объединенная общим названием «Арсений Чигринев». Ранее вышли в свет первые две книги современного романа-эпопеи большого русского писателя, мастера поэтической речи Леонарда Михайловича Золотарева «Библейское имя Мария», «Кремль. Соловки», в которых поднимаются важнейшие, острые социально-исторические, нравственно-психологические проблемы XX-XXI веков, решаемых с новейших эстетических позиций. Автор применяет научные и художественные достижения так называемой «квантовой» поэзии, фантастического реализма, рассматривающих внутренний мир человека в ракурсе «двоемирия», романтизации реальной действительности с применением фантастических элементов. В этой книге показана жизнь одного из районов срединной Руси, выявляются проблемы обетования человека в современных условиях. Выделяется вставная повесть в стихах «Ходынка. Аппиева дорога» о похоронах Сталина в Москве, соотношение нашего времени с бюрократической эпохой Древнего Рима, нынешних героев – с гладиатором Спартаксом.

Книга интересна широкому кругу читателей, умеющему настроить себя на восприятие подобного рода историко-социального, нравственно-психологического, универсального, порой инобытийного текста.

© Л.М.Золотарев.
Орел, 2006.

Были перевоплощений, мистика превращений

Вместо предисловия

«Защита поэзии»

Среди ощущений есть приятные, среди чувств – добрые, в искусстве присутствует красота, а в человеческих отношениях - любовь.

Способность приблизиться к прекрасному у кого-либо исключительно велика. Те, кто наделен ею в избытке, и являются поэтами <...> Однако поэты являются не только творцами языка и музыки, танца и архитектуры, скульптуры и живописи, они – создатели законов, основатели общества, изобретатели ремесел и наставники.

Поэты являются пророками в прямом смысле слова и могут предсказывать формы будущего так же уверенно, как они предсказывают его дух. Поэт причастен к вечному, бесконечному и единому, для его замыслов не существует времени, места и множественности.

Слова скульпторов, живописцев и музыкантов – даже тогда, когда силой таланта великие мастера этих искусств ничуть не уступают тем, кто для выражения своих мыслей избрал язык, - никогда не могла сравниться со славой поэтов в собственном смысле слова.

Перси Биши Шелли

Диалог уходит внутрь, в каждое слово романа, в каждый жест, в каждое движение.

М.М.Бахтин

Слова, подобно татарскому луку, действуют обратно на самый мудрый разум, сильно путают и извращают мышление.

Фрэнсис Бэкон

Мне много ль надо?

Коврига хлеба

И капля молока.

Да это небо.

Да эти облака

Из «Каменной бабы» Велимира Хлебникова

ПРОЛОГ

Какое-то словцо в тебе витает,
Скользит сквозь мистику, вдоль пенной яви в сны.
Кромешной тьмой, как жгучим перцем,
Святое в бесовство вдруг превращает.
Так все-таки чего нам не хватает?
Всегда, во всем, естественно и мудро,
Над нами пламенея златокудро,
Нас просто подворотня подpiraет.
Чтоб выпить электричество твое,
Что понял ты за жизнь, за эти годы?
Так все-таки
Чего нам не хватает всем? Свободы!
Жизнь полновесно ощущать,
Вдыхать – вменять, внимать – вминать,
Купить – продать, копить – копать, -
Какой-то неизбывный на Земле
Путь, воплощенный в презытке света
Не только Прометеем на Скале.
Его отмщенный мета.
А дай крыло нам, проявись Свобода –
Летай, долби, рви печень у народа.
Всегда к Свободе плюс еще чего-то.
Три слова в кубе, клон и святотатство, -
Уж было это. В духе революций
Клонировали небо, семена поллюций,
Слова вождей на знамени идей.
И что уходит в архетип людей,
Так это то, что тройственно людской

Гремит прибой морской.
Дух океанский один на всех,
Ста дней Наполеона
Мистралем до Парижа краток бег.
И пламень эволюций рыжий
Там на фасадах выжжен, выжат –
Три слова обоюдоострых тех,
А тут у нас откликнулось в России,
Что там тогда аукнулось у них.
Три слова бредят, бредят по Мессии,
Стенают, не влезают в стих:
«Православие, Самодержавие и Народность».
Вместилась в память сумасбродность
Страны моей на два материка.
Нацеленность пока невелика,
На первых двух - один через века.
По букве отщипнув в той иерархии
И пребывает случай у монархии.
Лишь те же узкие, благие,
В зеленой бронзе, вседержавной бонзе
В углу зияют тусклые лампы,
И в людях блики лампы Ильича. -
И чичичи, и чачача...
В итоге видел я вчера бомжа.
Скамейка под бомжом, как лезвие ножа.
За нею возвышался «Коллизей», -
Свежестроен. В горсаду музей –
Под нынешних князей.
А бомж был весь в моче, вонюч, вобще...
А люди шли, несли свои подарки.

Катили римлян иномарки – под арки...
Он умирал в погоде буской,
А тоже – русский...
Он – бомж, без жительство он, некто...
Когда-то главный инженер проекта...
В окно того же «Колизея»
Проект упал под тень музея...
И понял я всей жизни кредо,
Особо творческой у нас,
Чтоб засветилась победа,
Дабы попасть не в бровь, а в глаз, -
Наперекор все надо! Много!
Когда чего-то не хватает.
И надо мало нам, ей богу,
Когда нас по миру мотает.
Как быть? Как жить? Вопрос не нов,
Но не решился в книге первой.
Мир оказался слишком нервный,
И во втором – он был таков.
Вот и приходится за третий
Засесть, приняться, влазя в том.
То наш герой в деревню метил,
К народу ближе, в отчий дом,
А то теперь, наоборот, -
В бадью чего-то потянуло,
В рай, в райцентр – всего оплот,
Где и качается народ
От райских кущей Вельзевула
То вверх, то вниз. До дна колодца,
Где звезды снова наверху.

Чего-то братцы, нам нейдет.
Страничку, что ль, перевернем
Да и войдем в свой третий том?
Вперед, алле! По дну колодца
В неверотия души.
Звезде в горсти не расколется,
По кружке брякнул и в тиши
Дни бессознательно верши
В соцветьях мистики души.

СТОЛИЦА БЕЛОЙ ГЛИНЫ

Глава первая

I.

Сидел Арсений в кабинете
Главы района. Не в спектакле,
А в настоящем – стены эти,
Портреты чьи-то. Тут он, так ли?
Уж не подвел ли алкоголь
После Григорьевой рюмашки?
Вот влез в бессмысленную роль.
Сидит, уткнулся он в бумажки,
В каких предшественник тонул.
А это что за «простыня»?
Ишь, выдал смене Рейган-дока:
«Парень! Как будет тебе очень плохо,
Вали все на меня»
Арсений усмехнулся: «Вот стервец!
Не доморощен юмор, мирового класса!»
Не дураки сидят тут, наконец,
Дрожат, выбрируют портреты Фортенбраса.

И как он тут, простите, оказался?
Игра судьбы, судьба и время оно –
Он в главном кресле своего района!

* * *

Опять сошлись с Григорием, сплотились,
За все друг другом прощены.

В театре так: за что вчера мутились,
Костюми за что вчера ложились,
Сегодня уж, как Брахмапутры, сны.

- Видал? – сказал Григорий. - Наша секретарша
«Прихватизировала» баню, магазин.

У Лаймы парикма... А дальше че? –

Упали цены на бензин...

И Чигринев вздохнул,

Как и положено поэтам.

И потянулся бы к конфетам,

Завел глаза на небеса:

- Тьма денег, чертова ведь пропасть!

Уж и не знают, куда деть!

В столице центр решили слопать:

Крушат гостиницу «Москва»,

Трясут Мессию,

Саму Россию,

Восстав едва,

Чтобы держаться наплаву,

Какую-то сплетают сеть,

Вернее, думают сплести,

Чтоб инвестиции внести.

ГРИГОРИЙ: А у тебя тут, Чигринев, мошна пуста,

В провинции насчет деньжонок туго.

Вот и валяй, организуй места,
А мы поможем, поддержим друга!..
И, надо ж, выборы как раз
Пришлись в Адамовском районе.
Арсений внес кандидатуру – аз...
Буки... веди... -
И вынесли артиста звери-кони!
Вот на его примере
И видны эти кони-звери!

* * *

Вошел Питецкий – его первый зам.
Без стука, мимо секретарши.
Единственный из всех, кто входит сам,
Он, видите ли, чином всех постарше.
А сам глава пускал бы всех подряд,
Но целый день учила секретарша,
Да орготдел поддакивал ей в лад
Про метод, что ль, субординации,
Введенный в нации,
В учи-рижденьях.
Из чувства бденья
И преуспеянья, рвенья.
Талдычит этот самый Паршин,
Заворг, кто ниже, выше, звяньше,
Такая создана система,
Такая иерархия, страна –
Особая. чиновная, без дна,
Но это уж другая тема.
Сама проявится, поди.
Лишь в кабинете посиди,

И вылепят из бедного артиста
Угодного системе толмудиста,
Танцора, исполнителя – штабиста
Под барабанный бой,
Да с язвой прободной.
Еще когда князь Алексей Михалыч –
Всея Руси чин первый, самодержец –
Завел все это.
С той поры и мы пахали;
Чего б ни пели хали-гали,
А метод жив. госаппараты те же.
Сквозь войны, революции рули,
Как бы грибы к нам прут из-под земли.
Вот гриб очередной –
Зам первый мой.
На выборах моя альтернатива,
Шиповник, слива,
Платил за все натурой –
От имени и по... поручению
Всему ее сиятельству свячению
Электрогруши, лампы Ильича...
И хи-хи-хи... и ча-ча-ча...
И, сделав в сторону отмашку,
Вздыхнул он: – Что там у тебя, Питецкий,
Орел мой грецкий?
Какую ты принес бумажку?
- Да ничего. Я, собственно, ни с чем.
- Вот, видишь? А зашел, глаза слепя.
Был, кажется, вторым? Стал первым.
- Да, был... вторым... секретарем...

Ниче.

Ходил по стервам...

- Не бойся, я тебя не съем, -

Сказал Арсений, глядя в ели. –

Какие голубые! Между тем,

Вы даже в год голодный их не съели.

- В какой?

- Когда рубили лапы... иль забыли?

Запаривали мешанку коровам.

Ты был тогда вторым... в сельхозартели...

- Ну будь здорова, матушка корова!

Питецкий вспыхнул, сделался, как мак:

- Вменить мне это не удастся!

Ушел. Арсений Чигринев вскочил:

«Какой же я дурак!

Опять сказал не так.

Едва не замочил,

Все в лоб ломлю,

А надо на карачках, подбираться»...

Качалась дверь, скрипела.

«Учесть придется это дело, -

Пихал Арсений «Рейгана» поглубже –

В свой долгий ящик. –

Перевоплощайся же, Артист!

Не дуб же! Но и не мальчишка!

Не будь наружи так уж слишком,

А в роль потуже превоплощайся,

Натягивай струну

И действуй-то умишком.

Зачем врагов плодить?

И сами ведь найдутся,
Когда ямки с ямками-то сойдутся.
Возжой, однако, хлопнуть погодить –
Хомут на шее, шеей повертеть,
Вглядеться ближе, присмотреть –
Куда к кому какую тянет плеть.
Свой аппарат иметь,
Чужой годами создавался,
Да так тут и остался.

* * *

Как круты эти берега!
За всякой жизненной дилеммой!
Ну вот ты и завел себе врага
Со всюю этой солнечной системой.
На воеводстве самый первый день,
И сразу тень да не на плеть – плетень.

* * *

Стук в дверь. Как мышка поскреблась.
- Входите!
В дверь взгромоздилась каланча:
- Тут заседает Власть?
- Входи, входи же, тонкая свеча!
Вот выбухал, росточком верстовой,
Большой какой!
Единственный такой на всю округу.
Товарищ давний, еще школьный мой!
Ну, Шурик Родькин, дорогой!
Чего тебе? Не в зуб ногой? -
И Воевода, потянулся к другу.
- Так с чем пришел?

- Поздравить вот явился,
Надежды на тебя питаю.
- Это хорошо! Это хорошо!
Что тянет в стаю.
- В пищекомбинате. Пряники печем,
Народ свой кормим.
-Х-ха! Знаешь, что по чем.
Все, значит, в норме...
Присели на диванчик. В общем,
К графинчику тянулись с минералкой.
Припомнились былые дни и ночи.
С мозгой был в школе парень, со смекалкой.
Практичный, что ли. Первый в классе.
Шурей был вроде голова,
Все выкрутас на выкрутасе,
На слово находил слова...
Так хорошо, что свой стал Первым,
А не «варяг», как прежде.
Все опасались ставить своего, –
Мол, больно много у него родни,
Знакомых.
Как топором по нервам,
Съедят бюджет в надежде,
Что, мол, берут часть своего –
Всего
От мес, от должностей искомых, -
Любой съест за один присест...
И вот теперь эксперимент:
Впервые – свой, такой клиент!
Да, кстати, к старшим классам

Учиться Сеня перешел в Адамов.
Поближе, что ль, к научным массам –
К буграм районным, классным дамам.
Бывалыча, гуляли вечерком
С дружками по степному городку,
Такой момент, кровь с молоком,
На молодом веку чего им ни сулили,
Как их Адамов из малых станет вдруг великим
Неугомонен,
Геологи, что ль, чертё под ним отыщут.
И, боковым бурением истыкан,
Адамов из-под себя начнет качать
За тыщей тыщу
И, сам себя тем самым величать,
Всей области не даст покою.
- Ты, правда, в пищекомбинате
Печенье, пряники печешь?
- Да нет, в управе... на зарплате...
По специальности сейчас я...
- И что же?
- Да так,
Все пряники жую.
- Ну-ну.
- Змустроитель был в управе.
На том стою
В своей сельхоздержаве!
- Да, ну и что? – плеснул Арсений Шуре минералки. -
Идеи те же, все насчет той «нефти»?
- А как же, - рассмеялся Шурик. - елки-палки!
Хотите – нет, хотите – верьте.

- Давай, выкладывай, чего там.
- Давно ношу идеечку, идею, -
Вскочил, забегал Родькин по кабинету,
Рассыпался горохом по паркету. –
Да кто сидел тут? Всякие злодеи.
Для них я кто был? Пустобрех,
Лягушка – жаба
Мелкого масштаба.

II.

- Короче, че там у тебя?
Давай, браток, гони.
- План первый – малый.
И план второй – большой, сурьезный.
- Опять про «нефть»?
- Не меньше. Но не гни
Дугу, я человек тверезый,
Ты, меня знаешь.
Так с чего начни:
Три фактора стоят перед тобой,
Они - гурьбой.
Да, три! Идеино – сдвинуть, удивить, украсить.
На чем стоим мы, на какой земле?
Фактически – я постоянно ясен:
Журчит под нами там, в бездонной мгле,
Наш Среднерусский холм,
Вода течет направо и налево,
Мы – степняки, но на воде живем,
Текущей из-под нас в речные чрева.
Вон Трубочка одна – на Дайменке, в конце,
Неиссякаема, века уже течет

Струю толщиной в две детские руки...
- Так немцы, говорят, поставили. А че?
Когда была война. Таки-сяки,
А догадались, хитроумы, -
Арсений вставил тут свое словечко.
- Ну, немцы – да! Вот толстосумы!
Течет как бы в карман такая речка.
В Адамове теперь водопровод
Всем провели. Из-под земли словечко –
Артезианской скважиной течет.
Качают и течет –
Какую воду дают народу?
Что пьет народ?
Любую, ржавую, из труб водопроводных.
А ты назад взгляни – из недр народных.
Земля дает нам питье, как дань.
Все от нее мы – рось и инородцы,
Вновь прибывшие изо всех краев,
Теперь уж пьем ликер – «бенедиктин».
Так вот в степи хозяйство и ведем.
Вода похлеще, чем вино?
Разлей, родную, по бутылкам
Да и вези в любые веси –
Товар всем интересен.
Вот и найдутся деньги, средства
На город малый, милый с детства.
А то в грязи, гляди, утоп.
Раздулся маленький, как клоп.
Жгуч и вонюч,
Хотя и внутренне могуч.

Вон приезжают ветераны
Со всей страны, так им видны
Грехи все наши, упущенья.
Грязь до колен, плохое освещение...
Клянут Адамов, местных, власть:
«За что сражались, носим шрамы!
Такой же, как и был когда-то отродясь -
Адамов этот! Все мы виноваты.
Лежат в болоте герои тут, солдаты
Еще от битвы той – дуги
Орловско-Курской,
Ее железной, злой пурги»...
Тут Родькин веши чуть сомкнул, всплакнул.
- Ну что ты, Шурик? Что ты, брат? -
Арсений взял его за плечи.
- Родные тут мои лежат...
Молчу, молчу, уж плакать нечем...
- Ну что ты, Шурик! – слегка икнув,
Арсений положил на плечи руку
Былому однокашнику и другу. –
А главный праздник не заметен,
Вот мы с тобой его и встретим.
Начнем с истоков. Подыдем весь Адамов,
Реконструируем ключи,
А там, надеюсь, и пойдет.
И добьремся мы до че?
- До храмов!
- Ты, Шурик, лучше помолчи.
Хошь, я стихи тебе напомним,
Что еще в школе написал?

Теперь пою...

- Все про каменоломню?

- Про наш Адамов, мадригал.

Про те же самые ключи,

Но по-другому, вроде гимна.

Ну, в общем, все во мне стучит

Свое, адамовское дивно!

СТЕПНАЯ ПЕСНЯ

(гимн Адамова)

«В когорте малых городов,

Возможно, и не самый малый, -

Он весь из парков и садов,

На стелах павшим звезды алы,

Мы тут живем, на видном месте,

Как раз меж Курском и Орлом,

Где ключ Оки, родные песни

И синий-синий окоем.

ПРИПЕВ. А степь – а степь, а степь – а степь,

А степь широкая,

А по степи кресты да колея.

А ключ – река, а небо синеокое,

Глубинка русская моя.

Мое высокое раздолье,

Плесни из кружки, и течет

Одна река – на Черноморье,

Другая – до Каспийских вод.

Как назвала Екатерина,

Так и стоим мы на своем.

Адамо-ангельск – слово длинно,

Но кратко – на сердце моем.

ПРИПЕВ. А степь – а степь, а степь – а степь,

А степь широкая,

А по степи кресты да колея.

А ключ – река, а небо синеокое,

Глубинка русская моя.

Он крепко шит и ладно скроен,

Георгиевский кавалер.

Как у Москвы, святой Егорий

Венчает наш духовный герб.

Мы у архангелов в чести,

Как Феникс, встаем из пепла.

Любимый город мой, расти!

Да будет мне с тобою светло!

ПРИПЕВ. А степь – а степь, а степь – а степь.

А степь широкая.

А по степи кресты да колея.

А ключ – река, а небо синеокое,

Глубинка русская моя.

Судьба мой, душа моя глубокая,

Россия – родина моя.

Судьба моя, душа моя глубокая.

Святая родина моя».

Не поздновато ли. Семен.

Еще ведь в юности сварганил! -

Сказал дружок. – Стишок длиннен,

Ниче, как будто... мандригален...

А в дверь сюда уже ломались,

И надрывался телефон.

Бомжи приветствовать явились –

Отрыжка жреческих времен.

* * *

Сидят, чуют Семен с Шуреем

В тот самый первый день вдвоем.

Вот усидимся тут, упреем,

Тогда и кой-чего пойдем.

- Так ты про храм затронул тему?

Сказал Арсений. -- Говори.

- А че там? Не про ту систему?

Там все один, а тут все – три.

- Да говори же, наконец! -

Арсений высказался мой. –

Что понял я - твой бог-отец,

Бог-сын, а также дух святой?

И Родькин взгляд упер в сонет:

- Ишь, пятнышко, не вы-цве-ло.

Вот кто нас слушает – портрет!

Стена, ставрида и стело...

- Так ты о чем – о храме

Иль об этом хламе? -

Кивнул Арсений на книжный шкаф в углу.

Еще «политбюро», наверно,

Точило там на нас иглу,

На всех штук сто примерно.

- В соседней Пузановке

Уж храм стоит, добротная работа.

В других районах все на изготовке,

И только мы не чешемся чего-то.

То храм взорвали еще немцы,
То сами тоже хороши.
- Все чешемся?
- Как бык о сенцы!
- Но на какие строить нам шиши?
- А может быть, как в этой Пузановке?
Часовню просто?
- Сегодня не вчера,
Мы все же город!
- Кровь на полукровке!
Глянь, на кафтане с яблоко дыра!
Храм создадим!
Пусть не такой, как прежде,
Но все-таки и мы не «бишмала»,
Чтоб ветер в сени.
Воздвигнем, ух, такой собор!
Чтобы слепило вежды,
Рождало нам надежды,
Дух воздымали купола!
Чтоб к Красоте мог каждый прикоснуться,
Стоял без шапки перед Красотой,
Тут проявляя облик свой -
Небесный и земной.
Но деньги где? Где средства, мистер Твистер?
- На хлебе взять!
Так, открываем фронт
И создаем свой фонд.
«Пусть чистят щетки
Подол молоде.

А все-таки, а все-таки, а все же, -

Арсений усмехнулся про себя. –
Вот надоели прежние-то рожи!»
- Небольно лезь, сомнут они тебя, -
Сказал ему уж вслух Шурей. –
Такие хитроумы... хан Гирей...
Сжал Родькин губы как потоньше. –
Был, помнишь, Ярузельский в Польше?...
- Да, хватит! Ведь и мы не лыком шиты.
Мы не шииты
И нас не трое в лодке,
Разговор короткий. -
Арсений так ему сказал:
- В Москву мне, завтра еду на вокзал.
Встречаемся через неделку – ты и я,
Где те обширные ракиты,
Что под бугром ключами перемыты
Куликоржавского ручья.

III.

И запуржило, закружило Чигринева
Вокруг всего «райка» и воеводства.
Да есть ли в его должности сверхновой
Со старопрежним хоть какое сходство?
Артист он был, как будто ничего,
Дошел ведь до народного, прелестно!
Поднахватался, кажется, всего.
Вот и теперь в берлоге своей местной
Осуществляйся, травоядный зверь!
Включай, артист, фантомы лицедейства.
Во-первых, рот, конечно, на замок,
Не сыпь словами, что тебя кормили

Прежде, ныне – «йок».

А во-вторых, так действуй между строк,
Чтобы попутно привлекались были.
Знай тех людей, во имя чьих идей
И составляются доклады, речи, акты.
Не подвели б задумчивые факты,
Чтоб не висеть, как прежний «амадей»,
На дефиците в пик очередей.
Сумели ж так разрисовать картину,
Кубышку так свою набить,
Что под Москвой себе и сыну
Дом безмянно взгромоздить.
Все применимо было в той стране,
Где властвовали Понтии одне.

* * *

Неделька мухой просвистела.
Живем-живем, и нет тебя.
Из глаз аж искры, такое дело,
Поток к потоку все бездонней.
Всем от него чего-то надо:
То справедливости, то денег, места, ала.
Дожить, добыть, добить любого гада,
То учинить ужимку гнусную –
Печатную и устную,
Такая неподъемная громада!
Куда девались рожи сверх лимита,
Что были прежде.
Однако в день назначенный к ракигам,
Что моют ветки над Куликоржавцем,

Явился он, как бы Хрушев Никита
К своим коллегам и хриstopродавцам.
Сидел на камне, вглядываясь в воды –
Стоячие, текущие слегка.
Вот взялись эти черти – воды моды
Стоять иль течь по чуточку века.
А-а, вот и Родькин!
- И что же, милый! Где ты был?
- Сундук тяжел! Два дня его ташил.
Да еще тетка прогнала за хлебом,
Дохлебывали утренние ши.
- Какой сундук? Откуда и зачем? –
Арсений брови сдвинул так, для виду.
- Сундук? Да мой сундук, -
Шурей ответил, друг его исконный. –
Документация. Восторг сердечных мук!
Земельные дела. Район как на ладони,
Вся нация,
Все дно морей,
Как где-то у Японии.
- Куда, зачем ташил?
Скажи на милость.
- Где он и был.
- Что – новая вакансия открылась?
- Прогнали с этой! И теперь я в коме.
Землеустройство будет в Белом Доме,
Где был райком. Где прежде рай витал.
- И кто тебе сказал?
- В четвертом томе.
Сам анадясь в газетке прочитал.

Хотя, заметим, Совет про то еще не просвистал,
Не перелил слова в металл.
- Куда ж я с этим сундуком – в райком?
Тут и умру –
На сундуке своем.
- Нет, ты скажи, - настаивал Арсений.-
Кто приказал? Затеял кто игру?
- Никто. А все ж как был Питецкий,
Так и сидит все вроде ни на чем,
Как и при власти той, турецкой.
- Ты вот что! – вскипел Арсений-воевода,
Служака новый у народа. –
Иди-ка, дядя, к сундуку!
И сторожи замок, строку,
И чертежи свои, и миражи.
А я дела подразгребу...
Видали мы таких в гробу! –
И кинулся к машине он в тени,
Что прикорнула к ивняку.
Кричал во след ему Шурей:
- Гляди, Арсений!
Сам не повисни на суку!

* * *

Один остался Шурик Родькин
Куликовать у ручейка.
Племянник своей тетки Мотьки
И бабки правая рука.
Известен род его тут в городке,
Протянут еще с прасольских времен,
Да весь войной почти что истреблен.

Маячат где-то вдалеке
В остатке старых две сестры,
Две его тетки,
Как явствуется из сводки.
Одна надежда, что Шурей,
Сундук их – целые миры,
Работа, смысл жизни всей.
Все средства вбухал, как еврей,
В свой дом, в сундук,
Который любит!
«Любовь, дабль ру в квадрате, в кубе».
Откуда еще брать навроде?
Все «бантики» да «бантики»
Зовут их род в народе,
С бантом Мавроди.
Мой друг! Он сам меня нашел,
Когда еще ходили в школу,
Были привержены футболу.
Я вечерами в звезды пел,
Он подошел и в ночь со мной глядел,
И это было очень хорошо!
Так с той поры мы с ним и вместе,
Вдвоем - два друга при одной невесте.
Вот были прежние «годки» –
Сережки, Катьки, Леньки, Витьки, Шурки.
От той войны остались лишь «ошурки»:
Кто с голоду, а кто погиб на mine
В послевоенной той картине.
Всеобуч в зиму ту не дал ему обувки,
Он и отстал на класс,

Бедняцкий босоногий класс...
Вот чем хорош роман в стихах!
Перехожу все грани я свободно.
Что в мыслях, то и на устах –
Гуляю по «прешпектам» слов подобно.
Какие жанры выдвинули предки!
В канву какую руку завернул!
Вон прибежали утром две соседки,
И мадригалом ветер полыхнул.
Опять в квартале нынче похоронка,
Через дорогу в окна воют тонко,
Под автобан попал их свет, внучонок.
А стресс во мне! Я в ад по горло влез!
Горит в душе моей заледенелой
Чертенок одномастный, черно-белый.
Вот душа! Когда кому-то плохо,
Ей еще хуже. Ни выдоха – ни вздоха
Мне в тишине. Все бедствия во мне!

* * *

Роман на то роман, что линий много,
Расходятся, как всером лучи,
Чтоб днешь и присно восходя от бога,
Сойтись в одно. А ты сиди, молчи,
Сами собой все скажутся печали.
В какую боги втянут круговерть,
Те времена закутав в перманент
В один момент,
Представ перед очами.
Вот Шурик, как и я,
Как все мои друзья

От безотцовства, из семей сиротских –
Младые люди, от сараев скотских,
Ушли учиться где-то на копейки.
Росли на кильке и воде
Учебный кодекс чтя,
Чтобы в судьбе – зломанке и злодейке
Не просвистеть страну, себя не просвистя.

* * *

Учился Родькин в Питере,
В нордической столице,
К земным кадастрам духом припадал.
На «землемера» пожелав учиться,
Судьбу земли, с булыжником связал.
Вы «землемеров» с бантиком видали,
Чем род его в Адамове и слыл?
Он в Вологде потом, в Электростали
По экспедициям какой-нибудь медали
Так за труды-то и не отхватил.
Домой вернулся – в свой родной Адамов,
Мать с теткой – инвалидкой подпереть.
Клал по бревнинке в бревна за палатку,
Мечтал построить дом
С большими окнами. Стоял на том!
Упрямо по тесинке,
По копейке – на одну зарплатку
И строил свой тот самый пресловутый дом.
Как я – никак не проберусь в четвертый том.
Хотя б до половины тома, для отчета,
А дальше - продолженье.
Сундук свой он везет уже с почетом

В свой «офис».

Куда, куда? То в «офис», то до дому?

Устал я что-то, не хуже бегемота,

Тащить сундук тот в фаз, тот профиль,

Где все бумаги содержал:

Подшивки годовые, квартальные отчеты...

Чертил на нем ночами. И на нем же спал.

Такая мистика бралась от сундука!

Такая шла тут адова работа!

Мы в этом мире, живы мы пока,

Покамест существует база, квота.

Кто бы в глаза тогда ему взглянул,

Тот сразу б в них, цыганских, утонул.

Какие-то неведомые тени

Косились немо в щели сундука.

За пузырьком не бегалось из лени,

А не из-за решения ЦК.

И посылал кого бы моложе,

Да, боже! Найди такого дурака,

Чтоб бегал в лавку, с уголка.

Чужая тетка тогда Арсению сказала:

«Сынок, с кем дружишь? Аккуратней с ним!»

Валялся он вчерась, собака оближала

Его в сирени у автовокзала,

Там оказался с санкюлотиком одним»

- «А что такое санкюлотик, знаешь?»

- «А бояться кто, какой-то легкобыт».

- «Вот то-то и оно, не знаем, где лежим,

Какая над тобою вьется стая,

В каких «метаморфозах» тут сидим.

А Родькин честно составлял проекты.
И строил дом. На сколько средств хватало.
Но в том проруха, в том-то и затор,
Конфетки и «конфекты», -
Не знал, как точно называть,
Такую мать! –
Когда его собака облизала,
Он не довез досок с автовокзала,
А без досок какой же коридор?
Какие сенцы!
Какие там в райфо коленца!
С сирот, детей войны, три шкуры драть!
Ей богу, вот пишу, а прочитают
В Адамове, как сразу всех узнают,
Тут про кого я душу свою лью –
Страдалицу мою.
Ах, мои тезки, тес и доски!
То крыша, пол, то дверь, отмостки!
Попробуй в одни руки строй
Ну че ты, друже мой,
Не женишься? Повел дружка купить костюм,
Постричься – вид подмарафетить.
«Навроде гений, а живешь в халупе», -
Григорий – друг Сени по театру
Ему так скажет «опосля» однажды,
Пригнав сюда, в Адамов, свою «Татру».
А может, был он тут и дважды?
Григорий – Гриша! Говори потише!
Не то ведь окончательно съедят.

У нас таланты любят тихие, чужие,
Свои – как язвы прободные,
Как солнце, с тополя глядят.
Полсуток спят, полсуток бдят,
Пространства аппаратные смердят,
Кому-то надо!
С побороту – любому обормоту,
Какой все надвое делил бы,
Елей себе бы лил бы.
Любая власть не даст пропасть,
И яви вель не рада,
Когда меж личностью
И всеми есть край, преграда
И существует стенка.
Так легче капать в водоем
Алисовы капли,
Чтоб образовалась пленка.
Пленяй-же, летка-енка!
Ломись, кормушка, но где же кружка?!
Давай, присядет тут вдвоем,
Да песнь про бабушек споём.
Уж говорю я то ли, так ли,
В провалы глядя, в глаз проем?
В цыганский этот дикий глаз,
Всегда настроенный на нас?
Взгляд впери, Чигринев
В те елки, что напротив,
Тут за окном, качались, голубые. --
Союз огромен был. И в общей квоте
Как не хватало серединки

В той заминке, плацдарма – нашей роте.
Остатки нам любые на работе.
«Вот скоро праздник и отметим,
День Независимости нашей, –
Вздохнул Арсений. -
А то вон сколько было
Всего-то в нашей хате -
Одно другого краше.
Навьючено на старшем брате.
И я теперь начальник,
Как на конфорке чайник».

IV.

А вот и праздник День Березки Русской.
И я, - ну надо ж, - в этот день рожден.
Отсеялись. Покосы. Дождик буский.
А ничего, мы все перепогем.
И брызнул солнцем радостный денек!
Гуляние по Пастуховой роще.
Катание на тройках. Возбужден,
Весь съехался Адамовский район.
А я про то же – про судьбу дружка.
Пусть реет песнь, полощут всюду флаги,
И речи где-то там читают по бумаге,
Ладонь на плечи, коль высказаться нечем.
А я все о судьбе о человеческой,
О жизни друга – Бантика Витька
Под именем Шуря – земляка.
Арсений как с трибуны слез,
Как увидал дружка в толпе,
Так и ушел с ним в дебри, в самый лес.

Где долго-долго рощицей бродили,
Толкал туда их ангел, что ли, бес,
Где они прежде молодыми были,
Вот тут втроем тогда они сидели.
Привел он Кланю Ветрову Шурею.
Хотелось, чтобы друг друга полюбили,
И Кланя улыбалась, не краснея,
И было грустно, им обоим, всем,
Понятно, что к чему, зачем.
Вот и сейчас все пробегает мимо бес,
Вон где, так с древа и не слез.
- Ты помнишь, дорогой мой Шурик,
Как мы шавель искали тут втроем?
Все кисленького Клавочке хотелось,
На шавелечке проявлялась смелость.
Так правилось богам
Ей - не последней дуре,
Глядящей не в тебя, а в окоем.
Скатилась слеза –
С березы на тебя,
Паверно, с неба кануло любя.
И заходила где-то там гроза.
По чертежам земли
Шла в шорох ватмана.
Она платок купила в лавке
У Янки Блатмана...
- Идем к машине! – как отрезал Родькин,
Решительно стряхнув оценененье. --
Что покажу! Не надо больше водки,
И так произойдет процесс опохмеленья!..

Приехали куда-то под Орлянку,
Где след от Сучьей – речки чуть пролит.
От Пастуховой рощи сквозь полянку
Протюлюпал проворный инвалид.
Вот там, где инвалид тот прилунился,
Чтобы испить из родника свое,
Автомобиль их и остановился.
И подошли они к ключу вдвоем.
- То самое, что я давно искал, -
Шурей раздумчиво сказал.
И отблеснул в воде цыганский глаз.
Не глаз его, скорее, ватерпас
Смотрел из родника сюда на нас.
«Мечты из юности,
Вы грезы и сегодня?» –
Арсений улыбнулся отраженью,
Значенья не придав движенью,
Какое, сделав Шуру благородней,
Вдруг обнаружилось в лице,
На том его значительном венце,
Где мыслям стало посвободней.
Когда, алкая по простору,
Взберешься в гору,
Стеречь рассвет – Аврору,
Какая даль, какие километры!
Какая степь прибегла тут к холмам!
Вольготно как! Да вот седые метры –
Без ковылей, как лысина гробам,
Земля знак делает умам.
- Вот где месторожденье Белой Глины!

- Девонская, дар миллионов лет, -
Сказал Шурей. – Я ем вместо «конфekt»
Те «монтигомы» или «монготимы».
Зачем в Америку бежать,
Как чеховским мальчишкам?
И тут вольготно, благодать,
И даже очень, слишком.
Сюда хожу, на шины те гляжу
И слышу звон витийственных монет.
Со всех степей округи,
Широт Адамо-городка,
Несутся кони, натянув подпруги,
И шевелят седой ковыль слегка.
Арсений! Помнишь Прометей?
Что говорил нам из подземных недр?
Так вот, и мне тут глас Амфиарей
Все чудится, как голос двойника, -
Ты понял или нет?
Он рассказал мне миф о Белой Глине,
Способной возбуждаться в Красоту.
Вобщем, способной все тут возродить.
Вот мы в войну на малой на «дуге»
И победили! Адамов возродили!
- Все чудеса – от этой Белой Глины,
Амфиарей мне миф и напентал.
Под шум ключа спит краснопал.
Сюда хожу, когда мне плохо
И даже когда очень хорошо.
Такая перманентная эпоха,
Речушка эта – перетень, просинь, кроха,

Вот зачеркнул – что хочет,
Чтоб Родина – эклога
Была тут в образе богатого стола,
Белым-белая.
Внутри земли все красное клокочет,
Там ад крошечный, там булат уют.
Все клокотанье магмы стечь в нас хочет,
Да вверх прорваться глины не дают.
Они меня мою натуру лечат,
Из мук бездомных прогоняют беса.
Почище астероида Велеса
Такие перлы в душу мою мечут.
Я тут – таки наплачусь, наревусь,
К Амфиарею яростно стремлюсь...
- Ого! – прервал его Арсений,
Почуяв серный запах потрясений. –
Не упади хоть тут, не затрясись,
Не зарази болезнью «дяди Вити».
Стань, брат, маленько позакрытей,
На то, как понимаете, и жизнь...
Шурей сорвал лопух и рассмеялся,
Испить дал Чигриню из лопуха.
А сам, попив, ловить рыбешку взялся,
Не сняв штанов последних, от греха.
Ловил руками пескаря, гольца,
Красивым сделался с лица.
На прутик насадил гольца,
Затеял невеликий костерок.
Дружка кормил, сам ел он, сколько мог.
Хрустеть бросался первым со всех ног.

Ах, обжора! Был съеден, кстати, впрок
Диагональный сапог.
Какие кости у гольца!
Арсений перепачкал рот и нос.
Вот, понимаешь, в чем вопрос:
- Как есть горелым стервеца?
С какого, пняете, конца?
Шурей ему:
- А как селедку.
С любого - чисть, с любого – ешь,
А хату глиной, как молодку,
Облагородь. Забей любую брешь,
Щель устрани. Теперь живешь
И стресса уж не ощущаешь.
Лишь кой-когда встаешь с утра,
Как бы мешком побитый,
А глинки съешь, край отпустил и – сытый.
Понохаешь стену, пошвыряешь,
И, как вчера, на белый свет родился.
Как повенький, возник и засветился.
- Пейсяжаем твой родник, пейсяжаем!
Шурей! Сюда клади корец,
И будет как у Бунина, смекаем?
Давай его брат, почитаем?
Возьмем и каншем в глубь сердец,
Как в слове, люди, тасем!..
И вот со сцены, как артист,
Стихи читать стал Чигринев,
Чем и привлек к себе коров,
Ходивших под стрижиный свист.

Стихи, но не мои. И что?
Зато читал он их отменно,
Так грохотал тот бас, металл!
Как эти пушки на макушке!
Отменное вещал отменно!
А я люблю военных!
По лугам баталия гуляет,
Пчелка разнотравье опыляет.

В лесу, в горе...

(Стихи Бунина)

«В лесу, в горе, родник, живой и звонкий.
Над родником старинный голубец
С лубочной почерневшею иконкой,
А в роднике березовый корец.
Я не люблю, о Русь, твоей несмелой,
Тысячелетней рабской нищеты.
Но этот крест, но этот ковшик белый...
Смиренные, родимые черты!»
Стих дочитал Арсений Чигринев,
А пчелка все летает, все витает.
И видится им, как Шурей огнем
Под Солнцем в одиночество играет.
- Стакан поставил бы хотя, -
Сказал Арсений, и Шурей ответил:
- Корец несут, свой лик перекрестя,
Чтоб дух был выражаем, чист и светел.
Вот как нам глину запустить
В три оборота!
Чтоб музыкаю мазать хаты –
Богов тут с бесами скрестить,
Амфиарея с Сатаной,
А Солнце, стало быть, с Луной,
И с белым – черное,
И рай небесный – с адом.
А наш Адамов все как-то ходит задом,

Сидят тут люди без зарплаты,
И бродят «луноходы»,
Ревут телята...
Истоки бед – работы нет.
В грязи, бывало, городок наш топ,
Теперь асфальт и в переулке,
По магазинам даже булки.
Так это то, что, как идея,
Стиль свой городок имеет.
Нет никаких трущоб,
Все домики как домики.
Салы, цветы по тротуарам,
А сонность все же в лоб!
Торговля, но чужая в кулуарах,
А своего – три бабки с половиной
Торгуют одной луковицей длинной.
Все задавили фирмы,
Посредники те – мымыры...
Попробуй только тронь
Провинцию чудесную – Гасконь...
Однако что-то дух нас похищает,
Смерть больно часто посещает,
Да прямо в лоб – за гробом гроб!
Так понял или нет?
Уже не требуя свободы,
По улицам такого городка,
За годом год, за годом годы
Бредут, миряне – «луноходы»,
Все безработные слегка.
То отдувалась картошка,
А то балдеют магазины,
Колбаска просто так лежит,
Лежит и потихоньку млеет.
Нам и такая хороша,
Хоть посвежее, чем из США.

Накрутки, значит, «от местов»
Зависят, будь здоров!
Зато восьми сортов!
Чего ж мы мрем?
Бежит дорожка,
До кладбища с бывшего рубежи.
- Не обобщай, – сказал Арсений, - сошка!
Мы кто – с тобою? Мошка.
Мрем, но не сразу, понемножку.
Мети, мети себе дорожку,
Знай меру, Джавахарлал Неру..
- Я про Адамов говорю, -
Сказал Шурей, на всех зверей
Катнул он иномарку. -
Из Белой Глины марку
На производстве тут творю.
- А! На начальство нам везет!
То сахзавод в Колпну спихнули,
То увезли один завод,
С другого гайку отвернули...
Взбежал Арсений на бугор –
Наполеон на воеводстве:
Какой обзор! И беспризор!
Поля не паханы, а фермы
Раскрыты, окна нараспашку.
Встояк проблемы иль враспяжку?
Среди икон да в этой давке?
Ну ты и слон
В посудной лавке!

Глава вторая

- «Понятно, что опять не Пушкин,
Какой свободою горел,
Верха с «Онегина», макушки

В сонеты бронзово одел,
И тот как бы забронзовел.
Но мы, свободою горя,
Через двадцатый век прошли,
И в том, что было все не зря,
Свой дух к возможностям свели.
Чтоб почитать не только «бронзу»,
Не только кованость и стать,
А посылать любого бонзу
И бронзу также посылать.
Я по крюкам куда хочу!
Любые ритмы накручу!
Кручу-верчу, слова точу,
Куда по ритмам залечу?
Но есть таинственный закон,
Закон ведь есть всегда закон.
Читатель, главное, такой,
Что белый стих
За что смог счесть?
Интриги плесть про вашу честь?
Вот расковали мысль поэты.
Уж после пушкинской поры
Необязательны сонеты,
В романе главное – миры.
«Вив потр, о пушкинская живость!
Букеты ветров и свобод!
Писпровергай любую лживость,
Фальшивость сладеньких красот!» –
Вот что изрек мой друг Арсений,
Не выходя из опасений,

Переворотов, потрясений. –
Иди в народ, люби народ!
А делай все наоборот,
И человек тебя поймет,
«Ле ливр» в кармане понесет
В трамвай, в окно, на огород,
Куда идет и где живет
Совсем наоборот!» -
Вот до чего дошел мой гений –
Артист народный Чигринев,
Когда без отчества – Арсений,
И так хорош. Вопрос не нов.
В Европе тоже нет отцов,
Все имена да имена –
По два-три враз. В конце концов,
Ну кто такой Ремарк?
А ситуация одна, а в чем она?
Ну кто вам скажет,
Что он был Эрих, плюс Мария?
А пред Ремарком шарк да шарк:
Мечта и мрия.

* * *

И Чигринев был так внимателен.
Поехал в область, пошумел.
Но мы забыли председателей,
Их лидером считал себя Питецкий
В системе прежней, протурецкой,
В которой жил он, как умел.
Арсений взять от Белой Глины
Хотел, а также от завода.

А пан Питецкий, этот длинный,
На хлебе выехать. С народа
Опять же соки выжимать,
В системе прежней выживать,
Еще с семнадцатого года.
Вот так и встали два коня
Друг перед другом из меня.
Арсений – другу,
Подтянув подпругу:
- Вот тут поставишь свой сундук!
Сундук накроешь крышей...
Да тише, Шурик, тише...
Тут огород, посадишь лук, -
Встречать, кого повыше.
И в качестве принятья мер
Мы открываем тут карьер!
Вот и возьмешь барьер с карьера,
Начальник будешь ты карьера
Всея Руси, иже еси
Вот и построятся завод –
Мильенов на осьмнадцать в год.

* * *

Все ждали Губернатора из области,
Он прибыл в «альму матер» из глубинки.
Такие рисовал картинки
Всякой доблести,
Водил обоих за нос среди дня –
Арсения с Питецким и меня.
Как за нос всех привык водить
Уж двадцать с лишним лет –
Как воробья вчера в обед.

Мол, поглядим, куда заедет
То белый конь, то черный конь.
Где Чигринев карьером бредит
И где Питецкий держит бронь.
Вот про него он и гутарит!
И далее – поговорим.

Вот фишки мы на что поставим –
На пар двупольный, отчий дым.

Арсений слушает, все молча:

«О вита дольча!»

Конечно, пахотна держава,
Конечно, хлеб насущен наш,
Но от чего не кормлен, право,
Наш всеаграрнейший пейзаж?
Колхоз как бы во сне недавнем,
Быки по фермам - короли.
В районе ближнем, идеальном,
В ЦК тогда «экспериментальном»,
Все по карманам размели.

* * *

И вот едва уехал Губернатор,
В карьер пригнали экскаватор.
Питецкий это перевозмог,
Насколько, понимаешь, мог.
Собрал комбригов, всяких предов,
Сбежались, те, не пообедав,
И так сказали:

- В годы оны

Теперь мы – «красные бароны».

Хлеб – наша главная задача.

Не молотба и хлебосдача,
А все ж кормление, икона
Народа в наше время оно.
- А рынки, что ж? - вопрос ехидный,
Когда уж слишком стали гнуть,
Задал Арсений, было, очевидно,
«Комплот» в чем местный упрекнуть. -
Ну, в общем, все в «экспериментальном»
Усопло, как в вагоне спальном.
Все растащили в пьяном бреде
Ретивые друзья – соседи.
А тут хоть что-то сохранилось
С того, что где-то развалилось», -
Сказал и смолк,
Зубами щелк.
Продолжил я.
Слова – змея,
Фонтан, струя.
Ну, это так, картинка в целом.
А в личной жизни, где роман
И напускает свой туман,
Такие вскрылись закоулки,
Хоть стой, хоть падай. В чем вопрос:
С чего скрипят в столицах втулки
От здешних, стало быть, колес?
Вот и Арсений хлеб не бросил,
На удобренье сделал понт.
И, между прочим, в ту же осень
Хлеб повезли в российский фонд.
Зима, мороз уж на дворе.

Снег лег на царство Белой Глины,
А в волчьем логове, в норе,
Полпред – хозяин этот длинный
(Да друг Питецкого Глушков)
Собрал «баронов» всех, дружков.
Охота! Всем надо что-то,
Блин, от кого-то!

* * *

Идет охота! Идет охота!
На лося, зайца, бегемота
И даже, видите ль, на волка, -
Такая, в общем, обстановка,
И где «зупынка» – остановка?
А остановки быть не может,
Не ест нас совесть и не гложет.
Питецкий прибыл с дочкой Клани, -
Ну прямо егерь, бражник наш,
Какие, ветром сердце ранив,
Подувшего не из села,
Нашли приют у дяди Вани,
Каким родная сторона
Особо стала вдруг нужна.
Питецкий Клавдию возил,
Почти что на руках носил,
С утра по весям колесил,
Как бес, с села и до села.
И что Питецкий протурецкий,
Адамов зять?
Любил наш дядя погулять,
Пображничать, ладонь пожать,

Из себя культ изображать,
Сливать, сливать, переливать,
В системе прежней обожать,
Любую школу открывать,
Язв до конца не обнажать,
Куш остороженько сорвать,
В чужую заглянуть кровать.
И он собрался на охоту
Скорее по привычке.
Вот подошел к системе той
Своей натурой налитой,
Как ключ к отмычке!
Весь корпус к этому привлек,
Наверняка, всех было с роту.
Глушков пускал через порог,
Не скольких знал, а сколько мог.
Телушек пару подвалил,
Расчет был и на лосе.
Мы те расчеты с шеи сбросим,
Умерим наш удельный пыл,
Еще добавочки попросим.
Да тут вся область шиковала!
Начальство всяческих мастей!
Два короля на кон попало,
Туз бубен, пик валет, крестей.
Чего ж сюда их затащило?
Во-первых, эко-ло-гия,
Какая все предвосхитила
(Ей-ей, все так, ей богу я),
И все такое превзошла.

А все такое было в чем:
Глушков борзых держал,
При том – при сем
Чем всем и щекотал по нервам.
Борзые русские – стрела,
Поджары, втянуты бока,
В подпалах белых.
Как спустят, звякнут удила,
За зайцем пулей, и пока.
Идет охота! Идет охота!
Пешком, трусцой, пехота!
На лося, волка, короля!
Обгоготали бегемота,
Обескуражили поля.

* * *

Сплотились, в общий монолит.
Забыли, кто и где сидит.
Кто, может, даже инвалид,
Для льгот себя уже оформил,
А тут так чешет по всей форме –
По полной выкладке, по норме.
В ногах борзые так и вьются –
Кольцом, винтом -
Меж кланом, шпаком и ментом, -
Все сбоку, бог у ног Глушкова.
Вот перевес в чем у второго:
Питецкий знает, кто откуда,
Питецкий знает, что куда,
Охота царская! Покуда
Вкушают воздух господа,

Клубок борзых, их целых восемь,
По полю веером, враскат.
- Своих четыре, - бось за лосем.
- А те четыре, - говорят. -
А те – от друга. Сторож он,
Друг в данный день за рубежом.
Он в Швеции, открыл в себе их кровь,
Попал себе не в глаз, а в бровь.
Пока там «пачпорт» оформляется,
Всех прописать их постарается...
Тут Кланы подошла. Стояла тут
Всего-то несколько минут.
С Глушковым говорила, -
Очень мило.
Но как же пред насторожился:
Неужто он в нее влюбился?
Сидели у костра и пили.
За Кланю - тост, за дух, свободу!
Реальный план, простые были.
Но тут волнение - по народу.
Как Горбачев когда-то к нам в Орел,
Пожаловал,
Где Лихачев хотел генсека свергнуть,
Пройдясь по желобам,
Так Воевода сам сюда явился, –
Арсений Чигринев.
Да будь здоров!
И тут зловещность табор приобрел!
Костерчик даже задымился
И начал меркнуть,

Дым сделался вдруг сизый, терпкий.
И полетели те миры –
В тартары,
Владенья Белой Глины, -
Такие-то картины.
Внизу и сверху –
На одной ножке стерхи,
Как будто журавли
Летели, сели посередь земли,
Померкли.

VI.

Изнемоглось Арсению в трудах,
Уж надоело перевоплощаться.
Входить то в песнопения, то в страх,
В бездонные фрагменты помещаться.
Как джин забрался в глиняный кувшин,
В своем четырехстенном кабинете
Искал Арсений пятый угол. В чин
Вплетал с небес вышестоящий ветер.
Глас ветра раздражен был, но отчасти.
Не той была охота, водка, виски.
А после (где кому какое счастье)
И там они достанут, свергнут, стиснут.
Теперь ты блеф в бесповоротном плане,
Попробуй в стерха перевоплотись,
Сам постепенно в этом убедись.
Какое кресло, такова и жизнь.
О, Господи! Все нервы, все дела.
Как говорится у Минервы.

Жена кого-то, стерва, родила,
Что до того им, угрызеньям, стервы!
Он в маске повернулся ликом к Клане
Но не забыл и Машу Чигриневу,
Ведь и она в Адамове теперь,
Он, собственно, сюда по ее зову
Попал-таки, подранок, битый зверь,
Не вынося и временных потерь.
Закрылась школа в бедной Чигриневке,
Иссяк необходимый континент.
И вот опять же рядом тут, в Дубровке,
Директором – она в один момент
Назначена.
Встречаются ж с Арсением у Камня,
Как и обычно, у себя в Бобрах.
Все, как и прежде, чтоб чирикнуть в ставне,
Как воробьям на Ленинских горах.

* * *

И вот после охоты в той картине
Они метнулись уж к другой реке.
Зовется речка Сучьей,
Та на Белой Глине, -
И посидели тут на берегу,
У Родькина на старом сундуке.
Сундук открыли собственным ключом.
Ключ оказался не при чем –
Старинный.
Камергерский, длинный.
Какая предначертанность судьбы,
Сплошные блики, перевоплощенья!

Дни Озириса, все внутри борьбы,
Все требует, подвижности, движенья.
То в рай войдешь, то выйдешь из него.
То все стоит, такая пустота.
То в пустоте болезни от всего,
По «эрээсам» – бруцеллез, глиста.
Войдешь в бомжи, а выйти невозможно.
Свободен вход, но стенки хоть убей,
И под ногтями грязь из тьмы дорожной
Летит, как по сараю воробей.
Пустой желудок, беспросветность суток,
И кладбище маячит впереди.
А ведь недавно чувствовалось круто
Адамово сияние в груди.
Теперь везде с протянутой рукой
Мерещатся такие «луноходы» –
Куда, зачем? Какой тебе покой?
Одной ногой уж там, где мрак и воды.
Где тени беспросветные бредут,
Где Сатана, кривляясь, правит бал.
Так было, и теперь так оно тут.
Как бы ни воскресал
Тот мир твой,
Один он вопиет за двух.
Соседние умельцы – воеводы,
Встречаясь по районам у границ, -
Ответственные лица, неиссякаем дух,
Винь, похихатывать сегодня взяли моды.
И то же от тоски, тоска хоть удавись.
Зашел на днях он в отделение ЗАГСа:

Умерших – двести, родилось – под сто.
Не дома, в кресле,
Если вставить в ряд,
Сидит там в ЗАГСе пожилая плакса,
Всем лепит «смертную» подряд.
И призадумался он, глядя в перспективу!
В Москве людей полно, уж некуда девать,
А тут на вас выписывают «ксиву»
И отправляют в ад за ратью рать.

* * *

Арсений жил пока что без квартиры,
Не заработал, видимо, пока.
Спал в кабинете, на столе. Кефиры
Пил и пролеживал бока.
Продукт хранил в кладовке – так, где мыши
Пришли, что ль, сверху, черти, с крыши.

* * *

И вот сегодня на столе, как бомж,
Семен Клевцов, в прозреньях весь, явился.
Когда-то в школе тоже с ним учился.
Главой был сельсовета тут.
Все б ничего, да тромб, -
Алес капут, -
В ноге едва не отвалился,
Клевцов с системой вместе развалился.
Ушла жена, продал Семен квартиру –
Проссал деньжонки, снизил круг друзей.
И вот во снах, являясь с того миру,
Изображать стал всяческих язей.

Плывет Арсений в жутковатом сне
На своем чинном творческом столе,
И нет ручью тому конца и краю.
И в том ручье язи на дне в вине,
Акулы в воздухе витают,
И язи-князи прут со всех концов,
Рядочки клавишей в себя впивают.
И Чигринев, как и Клевцов,
С окурками, шуршащими в руке...
Очнулся Чигринев глядит в окно –
Прямо какое-то кино.
Привстал маленько, лоб утер
И к мэрше города попер –
Насчет жилья, глядеть квартиры,
В которых были бы сортиры.
Или хотя бы эти ели
Вам в душу вечно не глядели -
И в хлад, и в зной
Своею хвоей грозной,
Голубишной своей
Амбициозной.

* * *

В другой раз в ревизора превратился.
Легенда тут в Адамове жила,
Вот местушко какое обрела.
Мол, ехал Пушкин, тут остановился,
И принят был за человека КРУ,
Давал тут всем искру
И к Гоголю с сюжетом обратился...
Тут Хлестаков как чмякнет со стола,

Едва, как ваза, не разбился.
А после в роли ревизора
Ходил по городу один,
Искал все пятнышки позора –
По базам, фазам лбов и лбин.
Где дед Мороз лишь господин,
Под арки гонит «иномарки»,
А получает пыль и дым...
Вот до чего Арсений тут дожил,ся,
Когда в кошмарах со стола свалился.
Не только днем, но даже на ночь, ночью
Такие видел сны воочию.
Вот мистика, вот где перьвопощенье!
Что значат должность, положение.
«Демо-демо... крати-крати... тизируя»,
Не выговорить, бутерброд жуя.
Так что, в народ уйти?
К Марии или Клане?
По крайней мере, не есть хоть в ресторане,
Не спать тут на чиновничьем столе –
В самосожженье по уши в золе.

* * *

А время шло. Вагончики везли,
Строительство на этом проявилось.
Завоз кирпичный. Сдвинулись рули.
Спираль вокруг адамов закрутилась,
Сулила сделать городок большим,
Вложить в воспроизводство капиталы.
Даё круг с девонской глиной завершим,
Карьер откроем, дело не за малым...

Развесив уши, слушал Чигринев
Ту песню песен, слово Соломона.
Пел Губернатор - песни будь здоров,
Опять про креативы, дух зеленый.
Ловил Арсений мифы, как Клевцов,
Какой шофером был,
Рулить умел, рулил!
Мечтал к рулю вернуть и время оно.
Рабочие места, как пыль с креста, -
Что к нам все это валится, что ль, сверху?
Любил Чигрень экспромты не с листа,
А став на ножку, уподобясь стерху,
Перед начальством и не лебезим,
В дух инвестиций вкладывая силы,
И силы те не тянем из резин
Желдофрезин.
Прожект Григорий составлять любил,
Пусть вкладывают в землю, крокодилы,
Богатеньки московские дебилы.
Все ждал валюты – от Скуратова Малюты,
Валюта же крутила головой.
Ведь факт, под самолетный вой,
Изобретен был подноготный тон:
«С полей-пырей!»
«Какой тебе контакт!
И так все недра – федеральный фонд.
Помрешь и так!»
И мимо. Зато губернская элита
Сочла фонд за свое корыто.
И вот уже движение открыто:

Карьер, Адамов – и вперед,
В губернский город, на ВИЛОР
А как же, спросите, завод
С недавних пор?
Жива ль идея, не помрет?
Какой толчок, какие там надежды!
Невежды!
Вскочив поднялись и ушли.
И за собой идею унесли.
Остались только пятна
От портретов.
Что говорят? Понятно, -
Про поэтов.
Они-де виноваты,
С них требовать ответов,
С их сонетов.
Они все виноваты,
Когда заводы рушатся, зарплаты,
А все про это говорят.
Пардон, виват!
Вот вурдалаки их и месят.
Да не всех подряд -
В интриги, под домкрат,
А тех, что куролесят,
По-честному свою корову доят.
Коровы – первое,
Они же и второе.

* * *

И сделали «бетонку» сквозь Адамов,
«КАМАЗы» с белой глиной побежали.

Орел - Вилор, плита и облицовка,
Идеи всей перелицовка,
Скрижаль к скрижали.
Квартиры станут вроде храмов,
Шик европейский. Сдвинулись рули
В щедротах матушки Земли...
И заметался Чигринев:
- Да как же так?
- Да будь здоров.
- Да где ж завод?
- Да не вали все сразу в рот!
Ты это хоть прожуй,
Буржуй!..
Не знал Арсений всех тех нитей,
В карман какие выливают сбитень,
На шею валят, трали-вали.
Но это, братцы, извините!
И, неподкупностью увенчан,
Ходил Арсений в старом френче,
Какой ему еще в столице,
Друг Жуков – Гриша подарил,
Чтоб Сеня маршалов творил –
Злодей на сцене,
Весь в мыле, в пене.
«Мчатся тучи, выются тучи!
Невидимкою Луна!» –
Это Пушкин наш могучий,
Всем поэзия нужна.
Мчится Сеня по «бетонке»,
Это очень хорошо!

У «КАМАЗа» голос тонкий,
Навалили, и еще!
Глину белую везем,
Марафет поднаведем,
Европейский лоск лоснится
Наподобие столицы,
Мчит Арсений на ВИЛОР,
Полный оптимизма.
А себе и до сих пор,
Ничего от жизни,
От земли родной, землицы...
Сердце мечется в груди,
Выкомаривает.
Все, что будет впереди,
Выговаривает.

VII.

Так вот, с грудью нараспашку
И явился он в ВИЛОР.
Показали там бумажку:
Вот адамовский колер,
Понимаете, карьер, -
Эти недра, этот флер!
Это федеральный фонд –
Вся его прерогатива,
Что на нас тут смотрит криво.
Ну, естественно, не так
Стилизованно, как я.
Но поймет любой дурак.
По законам бытия
Рассказали – показали:

Пальца три, один кулак.
- Ха-ха-ха! – сказал Арсений. –
Мы – Вахтанговский театр!
В силу всяких потрясений
Сотворим для вас поп-арт!
- Что такое? – говорят
Там, в своем ВИЛОРе,
И ужалил аппарат
Сеню в жарком споре.
- Рынок? Стало быть, платите.
Иль пожалеюь Никите.
- Где?
- В Кремле. Алле, алле!
На вилорские бумажки
Мы свои найдем канашки...
Возвратился он в Адамов,
Дал понять всем, что по чем.
«Пушки к бою едут задом!» –
Из Твардовского прочел.
И собрал он рай – совет,
Объяснял всем все Питецкий:
- Звон монет есть звон монет!
Нам такой тут камуфлет,
Нам колоть орех наш грецкий,
Нам хлеба, поле и фермы.
- А дороги, а асфальт?
Уточнял его всемерно
Воевода. – Как бальзам,
Нагрузив по поездам,
Прут щебенку из Ростова.

Показательный момент:
Говорухин от Толстого
Кажет важный документ.
И ВИЛОР ту нашу землю
Возит мимо, тет-а-тет,
Ни копейки в наши семьи -
Фантастический сюжет.
В год по телику цветному
Отобрал у каж-до-го.
- Господи! Да что ж такое? –
Поднялась Муратова,
Мэрша города. – Ну да!
Мы привыкли тут к иному
Шелесту бумажного.
- Это так! – взметнулся Родькин
На защиту Чигринева. –
Что не так тут? Что тут ново?
Он – Артист! Наш человек!
Бомба весь, хоть внешне кроткий.
Разговор его короткий.
Как взволнуется – фольклор!
Вроде трехэтажного
Тут же вставит в разговор
Компромат сермяжного.
- Вот какой несем мы вздор, -
Заключает Родькин. –
Чем и платим до сих пор...
В общем, так поставновили,
Записали в протокол:
«Договор оставить в силе»,

А не то карьерчик, мол,
Мы поставим на прикол.
И, пока в верхах решали,
Родькин выставил сундук
На бетонку, трали-вали,
От козюлей и гадюк.
В соответствии с карьером,
С Белой Глиной заодно,
Не ходить чтоб за примером,
Как в каком-нибудь кино,
Он белилами сундук
Выкрасил да в белое:
«Стой, сундук! Один за двух!
Фронт держи тут! Левое –
Наше дело правое!»
И поставил посреди
У дороги на груди –
Ни проехать, ни пройти
По камазному пути.
Чтоб в кювет не сбросили, -
Дело, знамо, к осени, -
Он замок к нему привесил,
Мину им подрисовал.
Как в мистической поэзии,
В сундук, мол, бес Ваал.

* * *

К сундуку помчался Родькин,
Чигринев за ним во-след,
Весь из нервов бесом соткан,

Натворит там всяких бед.
Как увиделся сундук,
Отлегло от сердца.
На замке – висит плакат,
На плакате, -
- Ну и фрукт! –
Мина в водке с перцем.
Прикатили на карьер –
Пусто, тили-тили.
Вот какой они барьер,
Псы, тут сотворили!
- Ничего, - сказал Арсений,
Оглядев пейзаж из линий, –
Пусть начислят лучше «пеню»
За сундук твой, за постой.
Я – мужик, мон шер, простой:
«Пеню» мы оплатим в глине.
Подобьем к деньжонкам клинья...
И из ветра песнопений
Стал улавливать слова
Про себя, свои права.
Вот как лопнуло терпенье,
Как вскружилась голова!
Перед снегом, с Покрова!
Что в душе его запелось,
В монолит как все скипелось, -
Всенародная молва.

СТОЛИЦА БЕЛОЙ ГЛИНЫ

(песня Арсения)

«Нечаянно открыл: живу в столице!
Даже на хлеба скифского, а глины.
В столице Белой Глины Русь коренится,
Наш городок старинный.
Адам – из «глины человек»,
Так в переводе,
А Ева – из ребра его.
Все человечество навроде
В девонских глинах от него.
Я с детства чувствовал, тут в недрах
Таится что-то от Творца.
Дает луне, погоде ведра,
Болезни гонит, хмарь с лица.
Стоит за Правду, за Свободу!
Как мы, как будто человек.
Победу тут дала народу,
Перемогла двадцатый век.
Но, как бывало, в сорок третьем
И, кровь впитав, не стала рыжей,
А самой белою на свете
Так и осталось, к тайнам ближе.
Когда везут в ВИЛОР отсюда
И украшают ею век,
Я знаю, что такое чудо!
Оно от нас, из недр, откуда
И самый первый человек.
Влетит в Москву какая птица,
Крылом трепещет, в окна бьет.

- И мы, - скажу, - живем в столице,
Где человечество живет!»

* * *

Тут одно сказал ему Питецкий,
Но другое где-то, и не сразу.
И, клаксоня, улицей Турецкой
Проходили тяжкие КАМАЗы.
Выражали так они протест
Улицам степного городка.
Весь его аграрный тяжкий крест
Не слышал такого за века.
И еще КАМАЗы подошли,
Сотрясая почву и дома.
Свадьбу на машинах отмели,
Похоронный ход притих весьма.
Тут и Воевода подскочил,
Перед первым колесом стоял.
Не большой, но главный в рае чин
Богонос, перпетуум, Ваал.
Пришел бугор – бригады их начальник,
Как бы заварку положил на чайник.
Застуна тех, что лет уж восемь, сразу за семью,
В путях-дорогах сутками тряслись,
Чтобы хоть что-то принести в семью,
Ублажить жеп своих и, в общем, жизнь.
- Чего ты унижаешь человека? –
К Арсению придвинулся бугор (иль бригадир?) –
Хотя бы, блин, маленько померкал, -
Пасели шею, пьете рыбий жир.
Жизнь на хрину чужом прокукарекал...

Арсений обмер;
«Чей-то, может, зять?
Чего ему сказать?
И как ему все это объяснить,
Как на таком не оборвать
Такую тоненькую нить?»
Сошлась толпа. Стоят себе, глазуют.
Как скрипачи – молчат – собачья стойка.
Чуть что- и неустойка.
Все изваянья сбросят с Колизея.
Помрут молчком, и только.
Глянул вождь, а там еще бредут
Улицей Турецкой «луноходы».
Позвал Клевцова:
- Видишь, Брут!
Ты посеял, а вот это – всходы.
И на все решительно КАМАЗы
Так и лепит по трибуне фразы:
- Это тоже, слушайте, народ!
Вот водитель! Он имеет квоту.
Обманули! Вывезли завод!
Вы! Отняли у него работу!
А была и у него семья.
От такой же, как и вы, и я.
Все мы люди, все из Белой Глины,
Мы – Адамы, Евы... Пети и Арины...
«Уж давно бы не было Чечни,
А верней, чеченского вопроса, -
Шел Арсений к истине, к спасенью,
Что любому томно поколенью, -

Кабы пропускались наши дни
Через совесть, мистику, геносы,
Белой Глины, матери Земли.
Нам нужны такие тут рули,
Чтобы каждый божий человек
Не грешил, не греховодил век.
Вон, глядите! Наши похоронки!
По три в день. А свадьба в месяц раз»... -
И сорвался голос Сенин тонкий,
Вот и я с ним авторски погас.
Упаду вдруг в прерии романа,
Затмевает горечь белый свет,
Мать ушла как с месяц. Эта рана
Не даст забыться им вослед.
Возвратитесь ко второму тому,
Гляньте, как прирос Арсений к дому.
Мать его к отцу, как декабристка,
Ездил туда совсем ведь близко.
«(Поезжай любой! Да хоть сейчас! -
И сверкнул Арсений из-под век. -
Только виждь! Эх, только знайте, люди!
Отчего бывает все и будет:
На карьере совести, на нас
И проверен каждый человек!
А точнее, на троне на узкой --
Каждый русский!»

* * *

- Сильно ты сказал! – пожал Питецкий
Руку Чигриневу. – Ну, артист!
А уж Манна мчалась по Турецкой,

Прибежала. Падал с липы лист.
Завертелся в воздухе меж ними –
Близкими адами, своими.
Белой-белой доцветала лилия...
Взгляд соединял глубины их.
Отвернулись люди! Общая фамилия,
Так ведь и осталась у них,
Тут одна на пару их двоих.

VIII.

Церковь уж построена на хлебе,
И колодцы сделаны уже.
Батюшка на Трубочке молебен
Закатил намедни в неглиже.
Закатал по локоть рукава,
Чтоб не омочила трын-трава.
Дальше – поле. Дайминка-горбушка,
Край непыльный в тихом городке.
Тут, под тенью - ивовой макушкой,
Иордань и села в топняке.
Из окон, из бревен городили,
Обликом в зеркальное глядись.
Провожая в армию, крестили,
Говорили, что такое жисть.
Чтобы там, где быть им, тем ребятам,
Было бы не страшно. А еще,
Чтобы наше дело было свято,
Чтобы каждый жив домой пришел.
Чигринев стоял в воде разутый.
Батюшка и Сеню покропил.
Вот такие светлые минуты

Я тут с Чигриновым пережил.
Подходил с крестом отец Фарлафий.
Выходя, я спрашивал его:
«Как дела на церкви?» Эпитафий
Тот не пел, и больше ничего,
Стало легче. По душе стелилась
Солнечная стрежень – полоса.
Я желал, чтоб золотом покрылась
Колокольня, славя чудеса.
Были б деньги – золото найдется,
Получился урожайный год.
Батюшка Арсению смеется:
- Ничего, само собой придет...
Не придет, а сделасм, конечно.
Города украсятся, поди.
Из безверья, изо тьмы кромешной
Заглянем, что будет впереди.
Церковь зрит. Из двух тысячелетий –
Все насквозь, в любые времена.
Ну, а мы ее родные дети,
Пусть уходят мраки, Сатана.

* * *

Все ж с ВИЛЮРа выбил он краюшку.
Достигали в городе асфальт.
Губернатор отщипнул полушку
Из бюджета области. «Гецфаль» -
Агрофирма - что-то там дала.
Прошнывали всячески дела
И «грехи» хоть чуточки прикрыли.
Шевельнулись небыли и были,

Появились лозунги другие:
«Сделаем город красивым»,
«Мы любим свой город».
И сбивались мысли в мысль тугие,
В узелки завязывалась память
Через горечь, через боль и зямь.

* * *

Пустить хотели в городе автобус,
Уж остановки, сделано кольцо,
Но люди как ходили через «глобус»,
Так все и ходят улицей, с ленцой.
А ведь уже несутся большегрузы.
Хоть светофоры там, где надо, ставь.
Но любви людям их «гипотенузы»,
Срезают путь по памятным местам.
И магазины частники открыли,
И запестрели вывески по центру.
По переулкам ямы позарыли
Ко Дню Победы – главному моменту.
Огонь зажгли мемориальный. Пушку
Поставили – стволом хоть не туда,
Куда ушла война – на города,
Поставили чего-то на Восток
Стволом глядящим. В пруду лягушку
Не укротили только. Ну, и сток
В трубу жерлоподобно заключили,
А вот про дух людской чуть не забыли.
Но ничего, и это мы учтем.
Мы до всего, в конце концов, дойдем.

Асфальт на переулке закруглили,
Где Чигринев к своей Марии шел.
Ну что тут за названия лепили?
То Адлер, то Урицкий, что еще?
Реалии новы, да старый стих.
Вон даже немцы, что тут воевали,
Заметили в Адамове своих.
А главную – так «Гитлер – штрассе» звали,
Когда в сорок втором тут побывали.
Вот хали-гали! Слава богу,
Отсюда их мы вовремя прогнали.
Вот Чечнева и путь на Чигриневку,
Сабуровское поле впереди.
«Красноармейский – пусть! Такую обстановку
Еще мы сменим, только погоди».
Остановился он у «мэрии»,
Хорош был, что ж, и «горсовет».
Зайти к хозяйке? На доверии
Ей, может быть, и дать какой совет?
Хе-хе, хо-хо! Куда завел роман,
В какие сочинительские дебри.
Вот тут жил парикмахер Леонард,
А там – художник, чей портрет на вербе,
Верней, на елке во дворе мотается.
И там же где-то Кланы обретаются,
С девицей – дочкой Юлей.
И не дошел Арсений в том июле
До Чигриневской лебединой стаи,
К себе вернулся,

Все перед мифом гнулся.

* * *

Ждала Мария. С год уже ждала.
Терпела всячески, страдала.
Не комнатушка тут была мала,
А воздуху все, духу не хватало.
Все понимала: ничего нельзя,
А чего можно, только осторожно.
Кругом же все подруги и друзья,
Коммерческие тайны, корм подножный,
Как сыр творожный...
Творог он ест, как драники Шукшин.
Для пользы пульса, для желудка тоже.
Тут продают и кое-что с машин,
Ему, наверно, на дом носят все же.
Когда он шел проулочком сюда,
Вещунье ей и это подсказало,
Какая-то вечерняя звезда, -
Что может много, а что может мало.
Такое-то в ней развилось чутье.
Она его в затылок увидала,
По-бабьи намекнулось про свое,
А может, он зашел туда по делу?
На воеводстве много всяких дел.
Как он тогда, у колеса, вспотел
И был белее полотна и мелу.
Но, главное, она была при нем,
В Адамове тут, а не в Чигриневке.
Такой оказан был радушный ей прием.
В предвыборной нелегкой обстановке.

Питецкий оказал, ее не бросил,
Когда закрылась школа в Чигринях.
Какой-то смысл в себе, друг в друге носим,
Как и тогда, в предвыборных тех днях.
Какие-то фигуры и интриги
Мерещились ей около него.
Такие неподъемные вериги,
Возможные инфаркты оттого.
Пошла к цыганке, положили карты.
- «Бубновая присутствует при нем».
- «Вот вам и бубны, вот вам и инфаркты».
И все взялось в ней внутренним огнем.
Словам открылся яростный простор.
Дела важны, какие же дела?
Все бы шутил, кого там родила
Ему жена? И получался вздор.
Так и всегда, так и во всем абсурд:
По морде красной тряпкой, кирпичом.
Душа болит, а за него, за Сенью:
«Что плохо, ну а что-то хорошо».
Мария бродит за спиною тенью,
А подойти боится, что еще?
Чего она боится? Чтоб не навредить.
Такое время – рисковать опасно,
Да за любое могут посадить,
Артист, глава Адамова несчастный!
Однажды он сказал ей тихо-тихо,
Кого всех более боится,
Так это скифов.
«- Какие скифы? – легонько Чигринова

До рукава дотронулась. –
Чего тебе все мнится?
- От мифов, понимаешь ли, от скифов –
Вопрос не новый.
Есть скифский план ведения войны.
- Нам все война, - скажи ему она.
- Заманят в глубь себя и переварят,
Или в объятиях удавят.
А попадись какой-то идиот,
Так и в руках тебя сомнет.
Не брать все в разум надо,
Не то пойдет все задом наперед.
Берешь, хоть сердце и не радо.
- И вот, и вот, - она ему сказала
Туда же, глядя наперед.
Но слопал он. Еще Екатерина
Сказала баснописцу, как воеводе своему,
Мол, критикуй пороки,
Не суй фамилии-то в строки
И не расписывай картинно, так длинно.
Что с Кланькой делать – и не знаю.
От всех себя отмежевать?
Такую мать!
Иль помолчать, понаблюдать?
Досье составить? Все на ус мотаю,
Сам как-нибудь дыру и залатаю.

* * *

О Господи! Работа уж не та,
Не то директорство
На новой местности.

Бывало, вся купаюсь в красоте,
Родные дети, лучшие на свете,
А тут какие-то все нехристи...
Может, привыкну, а?..
Поехала к себе, в свое село,
В свое родное Чигринево.
На Радуницу, есть денек такой –
Родительский, поминовения усопших, –
Ему звонила – все «алло», «алло»,
Не отвечает.
Ну, думаю, и сам придет на общий
Наш деревенский праздник, на покой.
Уж до него подать рукой
В той обстановке новой.
Пройдет, в слезах себя утопит,
У могилки свежей,
Под веткою еловой.
Весь вторник прождала,
Пи в зуб ногой.
Наверно, обнимался с той, с другой.
Вот так вот и живет,
Такой-то верный,
С тремя одновременно:
Со мной, с женой,
Что где-то там в Москве,
И с этой тут, адамовой вдовой, -
Примерной.
Герни, Мария, коли любишь,
Не то свою любовь погубишь,
Стакан возьмешь, чуть-чуть пригубишь,

На стол поставишь, вот дела.
Жена уже не негра родила,
И оттого, как говорится,
Возможность есть не застрелиться.

Глава третья

IX.

Грядут иные времена,
Придут другие племена.
И все тут будет по-английски.
И эсперанто. И бельканто.
С латиницы начнут. Дела благие.
Как тень ушедшего таланта.
И имена совсем другие.
И узелки свои тугие
Развязывает Воевода
Во имя местного народа.
Когда дают, но мало, что ли,
На все потребности «генух».
А он, помимо своей воли,
Уже из гордости
Не в ритм:
«Орел не берет мух».
Марии пошептал про Кланьку
В такой интерпретации: «Кино!
Орел – де не работает на двух».
Изобразил при этом Ваньку
И налету поймал трех жирных мух.
Поерничал, «генух!» Потешил слух!
Достаточно!

Тушите, братцы, свет, -
Так понял или нет?
Живем не столько для конфет.
Как наш сосед, -
Всю жизнь работает на глыжку,
А ест пустую кочерыжку.
Наверно, скоро в свои годы
Пойдет по улице Свободы,
Как все тут ходят «луноходы».
И все ж, пока жена настроже,
Пределы те же.
А как уйдет,
Так крыша и падет.
Он гроб на потолке себе уж держит,
Те удочки из ивняка себе уж режет,
Все удочки из ивняка и верши.
И вирши!
Верлибром пишутся стихи
Но все глухи,
А гонорар в эфире,
Держи карманы шире.
Вот образ краток тут в романе,
Изобразим ведь на любом экране.
Так говорят адамовцы про секс.
Но всех тайком оповещает бес,
Что вытворяют наши дамочки.
Что ж вытекает из того,
Куда оно втекает,
Мамочки!

Итак, про Кланю-дочечку ее,
Про Юлю Клавдии Андревны,
Мы дифирамбы пропоем
Второй профессии той древней.
Иди и бороду побрей, Андрей!
Зарос ведь, старый дуралей!
«Мы ходим, бродим, бороды не бреем,
Походка наша, братцы, такова.
Как сто пудов... чего... у нас на теле?
Зато пустая голова-а-а»...
Все это, значит, про ее отца.
Спасибо после всяких культпоходов
Ей дали крышу, но с того конца,
На улице все той же,
Где дед, то есть отец, электриком
На горэлектростанции работал.
Та первая была, давала ток:
По меркам нынешним
Отец не так уж стар был рожей,
Как бес в какой-то Кинешме,
И что же?
Пока не пил.
Но, как ту станцию сломали
И дали ток от Волги старики,
Авторитет потерян был, о хали-гали, -
Ну, понял или нет? -
Его подсократили остряки,
На основании бездействия Луки.
На атом всех перевели

Каналы те, что ток вели
Сюда от матушки-то Волги.
Вопросец долгий,
Жизнь коротка.
Но длится, ничего пока.
Когда ж она опять свихнется, -
Ее та сумасбродка-дочка,
А мать-бочка.
Все бочке мало, мало,
Хотя асфальт уж до автовокзала.
Такие просто люди есть -
Привыкли лбами в стенку биться,
Хотя ворота по традиции
Давно открыты в нашу честь.
Да сам проход, заметим, именем
Другим сменен, кисель на шее.
Да иней на земле –
Седьмой мороз на киселе.
Так мать со сцены и ушла,
Вот Юлечка и расцвела,
Ее восторженная доча. Короче,
Та на другом конце жила,
Как телефон на том краю стола,
Но крест родительский несл
В таком же плане,
Как - в любом адеме.
В Адамовом уж если припадают
Отцу или матери,
А то еще и деду,
Так будешь век имать,

Что я имаю.
Как банный лист – соседу,
Легенду – «веду».
Вон «бантики», вон «шулера», «сальветы».
Уж дед давным-давно в могиле,
Что в карты-то играл,
Дом проиграл, а внуки, -
Такие штуки им бы в брюки, -
Все «шулера»,
Несут его наветы,
Как мы, поэты.
Или хотя б «сальветы» –
Все черная дыра, все на уме игра.
Их дед – еще австрийский пленный
От по за той поры военной,
Оставил тоже не конфеты,
А то же самое – заветы.
Сальвета косточки уж сгнили,
В сонеты фишки превратили,
Весь род его «гробокопатель».
Когда-то дед сбивал гробы,
Всех истин был правдоискатель,
А кто их любит, те чубы,
Что все кладут на те гробы?
Кто хоть и любит землю-матерь,
А всех – по матери! Дабы
Не распускали тут чубы.
Ну, в общем, так они и жили –
Сальваты, те еще приметы,
Как бы печальники в раю

Легли на скатерть.
Дочь с внучкой на Москве учили,
Дочь все умела, все имела,
Все песни знала, песни пела
На все «белькантию» свою,
Жила, как там - в раю.
Как Пугачева Алла.
Вот так! А как же!
И даже больше дважды.
А.Б. три съезда
Писательских клеймили,
А ей все мало.
Уж те давно в могиле,
Ниче по телевизору не скажут.
И Клане все непонятно, что к чему.
И почему ее все грязью мажут,
Все врут, клянусь; и это я к тому,
У нас умы
Талантливое очень любят,
Хотя, известно, горе от ума.
Уж очень интересны у нас люди,
Грань интересней, чем сама крома,
Какой все вместе топчутся и бродят.
Бывало, все читали сочиненья,
Что сочиляла Клава на уроках,
А вот медали по начальству дали,
Их детям, - из чувства повышенья бденья
Во власти восхваленья.
Ибо медали
Не зав. столовой дали,

А просто ее дети –
Лучшие на свете.
А у самого директора школы тоже ведь были дети,
И тоже лучшие на свете.
А Кланы все ж поехала в Москву
И разогнала там тоску
С лица экзаменаторов, борцов и ликвидаторов.
Вернулась с дипломом красным
При солнышке-то ясном.
И кое-чего тут стала говорить, творить
По специальности – по зубной-то части.
А тут подумали, что так оно отчасти,
А вообще, на что-то намекает:
Сначала выбьет, а потом вставляет.
И вот теперь ей никаких вакансий.
И не помог, как видите, диплом –
Ишь, красный,
Какой огнеопасный,
Такой апломб! Литой, без пломб!
С холерой ясной!
И вот она,
Как и при том, крутом,
Как космонавт в свой заданный район
И ездит по соседству на работу,
Встречая там заботу.
А в спину ей дипломом тут блевоту:
Во, во! Во, во!
Устали все мы от всего!
«А в очереди люди ахают,
Ахают и прут.

Почему не дают сахару?
Сахару почему не дают!
Такую бы жизнь Левину,
Хорошую, как у нас».
Левин – который в Спасском,
В Спасском плюс Лутовиново,
Согласно гению, -
Приватизирует что-то ласково –
Шапку себе и Тургеневу.
И шьют шапку Левину
По самые брови сейчас.
Тоже ведь Ильичу,
Но под именем царским.
И я тоже такую хочу
Вместе с эмиром бухарским!
Вон в Адамове улица –
Ленинская по сей день,
А по ней гуляет курица,
Спотыкаясь о пень.
Это еще что! Так себе, пусть.
Но вот подряд одна за одной
По улицам курицы –
То еврейские, то телецкие,
Как орехи-то грецкие, -
Подлетающие то к Урицкому,
То к Либнехту, а то к Марксу,
А других тут и нет.
А ведь это матушка – Русь!
Глубинка.
Вот такая живопись –

Рахиты от ракиты к раките, картинка.
Обо всем этом и говорит вслух
Какая-то Кланы, чего ради?
До того и договорилась – бубух и бубух.
Вот те взяли и отправили ее
В соседний район на заданье, - «генух», -
Эту самую зубопротезную Клавдию,
Чтоб свободу любила,
Чтоб остались тут после нее
Одни только воспоминания.
Как у какого-нибудь дебила.
Не знаю, как все это прочтут в Адамове.
Тоже ведь там родился,
А возрастал на Москве.
Вот мой оберег! Москва храмова.
А чтобы с пути кто не сбился,
Кресты отражаются в мокрой листве,
Флора и фауна Адамова.
Тут ее, этой листвы, под ногами -
Море Хвалынское, ей богу!
Хорошо в вымирающем крае от моногамий,
Когда жен мно-о-го.
Как у мусульман, по две-три, как бы в рае.
Даже пять. В открытую.
А мы все в подкидного играем,
Носимся между адом и раем,
Моем шею немытую.
Так и рисуем, такую строим
Тактику и стратегию,
Что хоть стой, хоть падай,

А не меня замалчивай.
Хоть вниз куда-то кто-то летит
За наградой,
Груши перстом околачивай, бегай.
На высоту труднее потом подниматься,
Чтоб через истины пройти
И человеком остаться,
Для Родины постараться,
Чтобы брюки трещали в шагу,
А ты ни гу-гу –
Молча у нации!
У своего народа!
Не только с девяносто третьего года.

* * *

Так вот, к Клане Белугиной, Клавдии Андревне,
Чигринев кое-когда стал прохаживать.
Душу отвести. А Мария из ревности
Мысль в другую сторону и давай налаживать,
Личность ее омолаживать.
Ревность есть ревность - дело великое.
Господи! Один непокой.
Ни разу что-то под иконами, бликами
Не видывался по мужьям и женам с тоской, -
Под божьими ликами.

Х.

Так вот, как сделали главную улицу,
Асфальт разбежался дугой узкой –
Орловско-Курской.
Да еще и вышку поставили
На той стороне – на Курской.

А тут, на Орловской, - храм уже вырос,
Купола золотые, наввысот.
Так стыдно стало людям выгонять курицу –
На улицу. А городок – как по чертежу,
По оси - направо, налево – улицы.
Не то, что в других районах,
Кольца какие-то и завитушки.
А тут еще и памятник – Пушкин!
Один-единственный в области,
Поставленный без постановления,
Как и Есенин в Спас-Клепиках,
За ночь, в неистовстве и вдохновении.
И все увидели, красив городок,
Да и только.
Еще бы, правда, дома повыше,
Дом бы культуры где-то за Пушкиным,
А то этот просто жуть,
Еще от купца Кочергина,
Да горсад Никулинский обустроить, протянуть,
Как в Петергофе, водную линию
До самого Куликоржавца,
А по бокам, как на Мемориале с пушкой,
Бюсты поставить знатым адамовцам –
Героям нашенским, а не каким-то петрушкам,
Вот бы когда мы с Клавдией стали спокойнее.
Жилось бы всем тут, в Адамове, радостней.
И ветераны бы не ругались по-черному,
А говорили бы как-то по белому.
Вдруг сорвался вот на бесформицу,
От великих чувств, а ничего не поделаю.

Строю роман, как водится,
Свободнее сделалось без рифмы-то,
Разговорнее. За строчкой белою
Побежали верлибры проворнее –
Хлыщеватые, вздорные.
И в области заметили,
Вот и пошли акции
Под огни семафорные.
Проверки, экспедиции, делегации,
Сам Губернатор это отметил
Недешево.
Посидел предварительно на границе районов.
Поговорили там по-хорошему.
Повертел каждый свой вертел –
Для сугреву, укрошению телесных звонов.
На фоне зеленом.
Сделали точки отсчета
От взлета до деградации
Нации.

* * *

И заграница поехала. Даже немцы тут были,
Что тогда воевали.
Все кости свои тут искали,
Про траншеи спрашивали,
Где тогда их из пулеметов кашивали.
А к зиме французы прибыли –
Наполеоновские праправнуки.
Где еще когда-то
Тут им по два зуба выбили
И перо, куда надо, вставили.

Бравые такие, инспекторы и исправники.
Во главе с самим Жаком-Ивом Кусто.
Ничего себе мужик, лидер народа славного.
Питецкий давал на приезд их согласие
И был при этом за главного.
Резкости надо поменьше, побольше единогласия.
Как-то без скрипу в Адамове править начали, плавнее.
Как у французов главное –
«Свобода. Равенство. Братство»,
Парижская коммуна, в конце концов.
- А еще, - вставила Клавдия перед тем на совещании,
Под открытым небом. –
Кто первым это сказал:
«Хвала рукам, что пахнут хлебом?»
Эжен Потье – автор «Интернационала».
- Да ну? – изумился Питецкий,
За хлеб тут ответственный,
Первый зам. воеводы.
И так Клавдию зауважал,
Как личность высшей породы
С силой-то молодецкой,
Что сразу включил ее в состав делегации
На Беленькое, где встречались две нации.
Тем более фактор такой:
Немецкий знала, а шпрыхала по-французски.
А все, как сорока, - по-русски.
Лов подледный им тут устроили –
На этом Беленьком, где-то под городом.
Раскраснелись орды гальские, лики узкие.
Забили копытами, как жеребцы в стойле.

Ну, в общем, как мы – русские.
Вот нации! Интересны друг другу!
Клавдия была нарасхват.
Поговорили со Збигневом
(С Ярузельским, что ли?), пусть вдвоем посидят,
Если дочь умеет по-ихнему.
Тост за тостом за дружбу – «амить».
Да на морозце при капустке-то квашеной.
Ух! Может, они чему-нибудь
У нас еще тут научатся?
Пить, например, по-нашему?
Вот куда завело нас романом,
В какие дебри, под какие нюансы.
Сам Питецкий называл себя паном,
Пел романсы.
А потом дела в области потихоньку обтяпывал –
На почве дружбы.
С чигриневскими бабами в постели похрапывал.
Так воспрянул, как был когда-то второй,
Бык на корову лез под горой,
А Чигринев был нервный.
И Клавдия, Кланыя сказал про то:
- Ну и пусть лезет себе, паразит.
Рядом с кустиками, где Жак Ив Кустс пусть посидит.
Пролил тут со своими столько воды,
Во имя свободы - сколько влезет, а не вылезет.

* * *

Все б ничего, да дочурка Кланина,
Юля, взяв один адресок,
Со старичком одним присела в песок,

Счастье себе обстраивать.
Мать уже знала про то кое-что,
Но ничего не сказала, чтоб никого не расстраивать.
Это куда же вузы, как валюту,
Кадры клепают! На Дальний Восток,
К Китаю, их не заманишь,
А вот в Америку только давай,
Ну и, конечно, в Европу.
Сваи под мостом как ни забивай,
Сдохнешь от конского топу.
Вот и в Адамове мама одна
Съездила к дочке в Америку.
Дом продала, стала одна
И закатила истерику.
- Вон чигриневские, умны всегда, -
Юлии Кланы сказала. -
Мимо Адамова да никуда!
Дальше автовокзала.
Видишь, соседка в Америку шлет
Дочке лекарства, беда.
Вон чигриневские – умный народ!
Дальше Москвы – никуда!
- Мне надоело, - сказала ей Юля, -
Тут все такое терпеть!
В марте, апреле, июне, июле
Все мы им мрази, никто!
- Надо терпеть! Чтобы иметь!
Строят же люди дома.
Все перемелется... надо терпеть...
- Что ж ты не терпишь сама!

* * *

Все рассказала Клава ему,
Как зазвала да в глаза,
Прямо из глаз, катилась слеза,
Ей бы советчика, ну почему
Все ей один к одному,
Как на духу, в образа?
- Вот приезжает к нам этот француз,
Чтоб увезти дочь с собой...
Кланя, включив клайдермановский блюз,
Сделалась нервной, рябой.
Точки по шее пошли, по лицу,
И присмирел Чигринев.
Даже не знал, кто она по отцу?
«Ездила мама в Венев», -
Так говорили в Адамове тут,
«Это дитя... от кого?»..
И засмеялся он:
- Гитлер «капут»?
Гитлер давно уж, давно уж «капут»,
Мы все хороним его.
- Если подумать получше тебе,
Как нам быть дальше, скажи?
Старый отец мой, как слег, все лежит,
Переселила б к себе.
Словно колода, уже не встает.
Не подыму уж и я.
Он – инвалид, воевал за народ,
А у меня, дорогие друзья,
Не получилась семья.

Что же нас с Юленькой дальше-то ждет?

Дед обездви... «луноход»...

Держится все тут на Юленьке вот.

Сад и базар, огород,

Я кой-когда помогу.

Езжу в другой район, он как пижон

Где-то на том берегу.

Скоро, наверное, дед наш помрет,

Все остальное негом.

Пенсию хоть государство дает,

Вот в основном и живем.

Вот я и думаю, может... того...

Молодость лучше нас?

Дочь понимает, что отчего,

Делает дело сейчас.

- Где она может работать у вас?

- Где же? Да там, где и я.

- Я бы подумал: может, не в раз

И создается семья?

- «Десять девчонок на восемь ребят», -

Как оно в песне поется.

Так и скажи им, что все говорят,

Если детей их коснется.

* * *

И так была Андреевна растеряна.

А где-то там дивизия расстреляна.

У них все получалось ностальгически.

Мелькнула за окном его Мария,

По переулку далее прошла.

«Да хоть о чем тут с ней ни говори я,

А все передо мной она была»...

- Да, да! Дела, дела, конечно,
Жена негра родила, сердечный, -
Сказала Кланя вслух.

- А че? Когда работаешь за двух...

- Захватывает дух, - он подтвердил
И начал собираться.

Так все у них покуда и не вышло.
Коровы и быки, - да будь здоровы!
Туды их в дышло!

Французов этих, -

Понял или нет?

Откуда и какой поныне ветер?

И наши дети – лучшие на свете,

И Родина фактически одна.

И Сатана гуляет по планете

И пламена рисует, пламена.

Вон Вельзевул под Чигринева метил,

Да пьяным оказался без вина.

И вот теперь меж тем и тем стена.

Невидима, как Жак Превер в берете.

XI.

Сундук свой – белый,

Белоснежно-белый, исконый,

Поставил Родькин на карьере,

На самом видном месте.

И восседал тут, как на троне,

Начальник все же, в нашей эре.

Хоть «предан, но без лести».

Бес лести. И то, и это –

Понемножку
Мы пеплом посыпаем на дорожку.
Все-таки школьные друзья,
Арсения товарищи былые.
Хотя на должностях таких
Дружить нельзя,
Чтоб не искал углы им я.
Так вот, под свой сундук
Подвел Шурей шатер –
Брезент зеленый распростер
И сделал временно контору.
На сундуке колот фундук,
Пошел начальник в гору.
Карьер, карьера – нет барьера.
Одно смущало в разговорах:
Кирпичный свернут был завод.
Рабочие места, светился смысл во взорах,
Да, надо же, свернули вот...
Втроем сидели, обсуждали
Живой адамовский вопрос,
Что в землю врос.
И в рот и в нос
Давно пророс,
Такой спесивый,
Важный для России.
Арсен поддерживал Шурея,
Впервые Воевода свой.
Чтоб малый город поскорее
Рос, превращался бы в большой.
Как раз меж Курском и Орлом

Вот и заполнил бы проем.
Зато теперь Клевцов Семен
Тут, в общем, третье лицо,
Вносил свои корректировки,
Мужик-то ловкий.
Как взяли шоферить в ВИЛОР
Да посадили на КАМАЗ
Возить куда-то в область глину,
Так с этих пор
Другой уж класс,
Другую сделал перед всеми мину:
- Кому работать тут всерьез?
Уж с горсть осталось, да и те
Попривыкали к пустоте,
Какой заказ, какой вопрос?
Могилку выкопать им лень,
Котях откинуть за плетень,
Отремонтировать квартиру.
Но все же, все же
Надо что-то роже,
Хоть, понимаешь, не до жиру.
Но кадры все-таки росли бы.
А то все белорусы, турки
Насчет ремонта, штукатурки...
- Ты что, всерьез?
Как в область врос! :-
Шурей к Клевцову с кулаками. –
ВИЛОРа выставяешь знамя?!
- Не горячитесь вы, злодеи, -
Мирил обоих Чигринев. –

Нет, право, как же без завода
Тут с восемнадцатого года,
У нас в Вандее?
Вопрос не нов.
- Не нов! Не нов! -
Вопил наш Родькин будь здоров.
- Ну хорошо, - сказал Клевцов. -
Вот отвезу тебя в Орел,
На силикатный циль в ВИЛОР,
Посмотришь, как работает конвейер.
Чтобы давать продукт, доход,
Как силу, человека жрет.
- Да знаем, знаем, - махнул рукой Шурей. -
В системе потогонной Тейлор,
Американец, мордовал народ.
Арсений, так? От них все перлы!
- Да помню что-то, с института вот...
Какой-то политэконом, -
Смутился Чигринев,
А сам подумал:
«С ВИЛЮРа надо потянуть.
Ишь, как гребут - лопатой!
Себе зарплату за зарплатой,
А тут – проблема за проблемой.
Готова каждая согнуть
В дугу
На этом самом берегу.
Хотя б для тех же для бомжей
Построить, что ли, Колизей,
Колхоз расширить,

Благоустройством бы заняться.
Как и обычно было в мире,
Хоть в Австро-Венгрии.
Вот, братцы!
Где города-красивы»...
- Так то столицы, - Шурей сказал плаксиво,
Как мысли-то читал спесиво
Чужие вслух. -
Лопух! Вон Вена, Прага, Краков, Брно...
- Нам все равно! – сказал Арсений прямо. -
Бывали там и, может быть, не раз.
Но нас интересует наш Адамов!
Его престиж, международный класс!
- Международный?! – оторопел Шурей. -
Давайте будем без прикрас,
Чуть поскромней.
Всего-то был уезд.
- Уехал за один присест.
Тут, кроме немцев, в сорок первом
По сорок третий... да еще эти – гости,
Из Пер ля Шез...
- Шез-лонг имеет отношенье
К Жак-Ив Кусто? -
Спросил Клевцов. -
И я имею возраженье:
В международные Адамов
Не тянет из своих кустов.
- Наладь контроль, - сказал Арсений.-
Родькин! Машины, что ль, считайте врозь.
А то орлы, - кивок Клевцову, - тут из бассейна

Воздвигнут живо яму,
Всю землю прошибут насквозь,
К Нью-Йорку прямо.
А ни за грош...
- Ни за понюшку табаку, -
За Чигринева встал наш Бант.
Ну Бантик, Бантик,
Когда про род их говорят.
Про всех в роду родряд.
- Им каждый рейс рисуй в строку
Ни за понюшку табаку.
А смотаюсь на ВИЛОР,
Расширю общий кругозор.
Как там свидетельствует Тейлор?
Из глины нашей перлы Перла...
шез... куда, какая облицовка?..
- Да, ловко! –
Сказал Шурей. –
Задумался о Тейлоре я что-то
В расцвете наших дней.
При том режиме вот была работа:
За пять минут давали десять лет –
Заметим, не десять дней!
А лет!
КЛЕВИЦОВ (*Архентию*). Ты понял что-то или нет?
ЧИГРИНЕВ. Ну, я пошел.
Мне завтра на ВИЛОР.
РОДЬКИН. Привет их Тейлору отсюда,
С белых гор!

Триумвират. То неформал, то заседание
На этом белом сундуке -
Перевернули Чигриневу душу.
Отныне по-другому все он слушал.
Министр сказал. страну ждет испытанье:
В три года-треть учеников...
Уж рухнуло-то в Чигринях...
Заметим, ведь не зданье,
А мы не чешемся...
Черна лишь ночь,
А все кругом – бело, суть белая.
Сундук Шуреев, Белый Дом,
Где спит он на столе, что кабинете,
И Глина Белая кругом.
Я вижу Глину Белую,
Привстать уже не в мочь.
При том при сем,
И ничего с собою не подедаю.
Вот снег уже. Покров
И тот уж бел – предел
На черной нашей маленькой планете,
На белом свете.
Все в нем перевернулось.
Какой-то знак, не сон, а явь, а роли.
Галлюцинации. Артист, его сутулость, -
Они являются, а он за них глаголит.
Вот и сегодня превращен в Шурея,
Как автор я вошел в былую статью.
Все, что со мною было, как у змея,

Переползло к нему и стало вопиять.
Я – автор, из адамов, жил в городке,
И у меня ушла мать с год назад.
А в сентябре машиной сшибло
Соседского мальчишку.
Ну этого уже слишком!
Три дня, три ночи мне вподряд
Те окна в окна
Вопиют, вопят.
И у меня аж стресс,
Лег на душу, как пресс.
И плачу я, рыдаю
Да с бабкой, матерью их вместе,
В единый голос –
Криком голошу.
Качает в поле колос,
Я – таю, таю,
Жить спешу.
И стрессом «Рюрика» питаю,
За девять дней, хоть тресни,
Я к Гинессу свой эпос приобщаю.
И все перемещается во мне,
Сам все в себе перемещаю.
К нему, Арсению, от автора – к герою.
Чего я стою!
Во глубине!
Мне Керры черным
Вопиют одне!
Другим я становлюсь, покорным.
И тут вдруг появляется Есенин,

Стоит живьем в дому моем, в передней
Он предо мной, родной,
Такие бредни!
«Бери, - я говорю, - к тебе, Арсений,
Пришел отец духовный мой».
Послал его ко мне, наверно, Пушкин.
Был тут Григорь Григорич, в нашем доме,
В четвертом томе...
Да, боже мой, вот предо мной стоит –
Кумир мой, мой пиит!
И я пою ему, пою.
«Не жалею, не зову, не плачу»...
Ну, а как, а как еще иначе?
Всю душу выворачивал свою –
Все пел ему,
В его золотые кудри.
И все свое я Сене отдаю,
И с Сеней уж запел поэт,
Поет: «Ты запой мне ту песню,
Что прежде
Напевала мне старая мать»...
Ей богу, так оно и было!
Он тут же в сени, я – за ним.
Ушел за дверь входную.
Вдруг стала та прозрачной.
Оттуда смотрит на меня,
Какой-то мрачный.
И я туда, опять ему пою
Да «Просто песнь» на музыку свою...
«Голова ты моя удалая,

До чего ж ты меня довела»...

И Чигриневу все передаю.

XII.

Арсений ходит пумой

По кабинету, наискось – туда, сюда.

Как в камере, Ермак - его отец,

Объятый думой.

Про эти села, роли, города,

Народы, глины, воды;

Что всему этому конец,

Отец?

Да что же это, братцы!

Нет, надобно отсюда перебраться,

Из кабинета Первого,

К Муратовой идти,

Пускай найдет квартиру,

Не спать же вечно на столе.

Тут – при руле,

У воеводства на пути,

Все с этой должностью впритирку.

* * *

Через неделю нашли ему квартиру,

Теперь уж с кладбищем впритирку.

Да еще ешь, опять же голубая,
В окно торчит, как язва прободная,
Там в его кабинете –
Стена рябая, еще рябей.
И чайник где-то на буфете.
А из-за чайника опять-таки Шурей,
Ну да, который – Родькин, Бант,
Героем став, ложится в фолиант.
Перебуровил все внутри Арсения,
Сливаясь в золотые песнопения,
Которые нам не дают покоя,
Как дирижер: в душе моей -
Одной рукою,
А другой - в душе его,
И в тысячах огней семь нот
Полонут где-то в ней.
Пришла Мария – отчего-то в черном,
Явилась Клава – отчего-то в белом.
И в комнате не то, чтобы просторно.
А как-то стало низко, оробело.
Посередине - ни зима, ни лето –
Узко, как выстрел из пистолета.
Стенки рябые реально красуются,
А на них -
Образы, сцены, репризы,
Карьеры, карнизы,

Бюджеты, советы, сонеты,
В конце концов, и портреты
На деньгах рисуются.
Знал ведь, что пан Питецкий
При своей-то реальной жене
Подбивает к Марии клинья,
Вот Длинный!
Да еще и к Клавдии заодно подбирается.
Что ему нет, что ли, на стороне?
В «белькантии» этой бывшей турецкой?
Знает, что вытворяет.
Пусть, мол, Воевода помается,
Этот явный снаружи Артист,
А внутренне тоже пиит.
Ставят таких на должность,
Они нам в жизнь-то откроют путя.
Вон уж коров по фермам порезали,
Солому жгут на полях –
Не нужна.
А ведь мать Россия одна,
И славится не одними Крезами,
А металлоломом, железами.
И – тишина.
Тогда тебя, бывало, за одну корову
Скрутят в бараний рог.

- Да, в бараний рог? –

Сказал Арсений Марии.

- Ты про кого это? – насторожилась Мария.

- Да про меня, - сказал он. –

С ними ты, с теми, какие – вторые?

Сны мои, бредни, мечты бывлые,

Больные какие-то мрии.

- В рифмику стал говорить, - сказала она.

Рифмы грабить, ритмы гробить.

- Да, нет, - замушчался Арсений, - я не Сатана,

Да и не ангел, чтобы...

А так, перепутались ценности...

- В театре надо было сидеть, -

Сказала она, -

А не на этой брешности.

Одна у тебя только плеть,

А конфета уж и не видна.

- Так здесь же тоже театр,

Еще какие артисты!

Тоже танцуют твисты.

- Это люди так говорят,

Мария сказала, как отрезала, первой

Хлопнула дверью и вышла в сад

Для охлаждения нервов.

Это – реальность: Мария, Клавдия,
А где-то внутри поэзия, Сергей Есенин.
Думал Арсений: «По правде ль я
Живу тут, хожу, как по нотам,
Тихо что-то, без потрясений?
Меньше стало иллюзий,
Кошмары куда-то смылись.
Как к Робинзону Крузе,
Козы какие-то прицепились».
А Есенин – мой духовный отец –
Никуда не девается.
Ну, молодец!
Как пришел тогда в дом наш,
Где Пушкин бывал, этот... праправправнук поэта...
Так по сей день делает знак рукой.
Небывальщина, как реальность,
А реальность, как небывальщина.
Явился как-то домой Арсений,
Включил телевизор, а в нем –
Опять отец духовный - Сергей Есенин!
Кинофильм «Золотая голова на плахе».
Господи! Роман ведь в стихах пишу,
А тут опять омут, хомут, водоем,
Значит, перехожу на прием.

Как палачу, голова на плахе.
Вон сколько их, возле талантов-то,
Кормятся, ошиваются,
Сами маются
И тебя тоже мают,
С этого что-то имеют...
Господи! Вот на роль какого нашли –
Как и я был когда-то в юности,
Волосы, глаза такие же,
Посеред земли -
Рухнул, упал в меня, в мои руна и руности
Всей своей нежностью, болью!
Все мы такие-сякие же!
Господи! Неужто нельзя без боли,
Из-за нас люди стреляются?
Грачи грают. Фон черный.
Выстрел. Лановой Василий – в роли Держинского,
Прототип моего Арсения,
Прямо в лоб Есенину:
- «Что ж ты такой незащищенный!»
И романе после выстрела в самое сердце,
Уже после всхлипа,
Как из какого-то клина.
Не могу не петь его

В тех же сеницах,
У истока Оки, и что же?
Привет туда тебе,
Твоей широкой Оке, Сережа,
Отсюда, из Очки. Слеги из березы
И слезы.
Точки. Наши с Арсением грезы,
На нашем пути.
Не могу их туда не вести,
Текст этот – не привести.
«Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых.
Люди веселые в жизни забвенья,
Как велики вы в глазах у других
И как вы жалки во мраке паденья,
Нет утешенья вам в мире живых.
Капли осенние, сколько наводите
На душу грусти вы, чувства тяжелого.
Тихо скользите по стеклам и бродите,
Точно как ищете что-то веселого.
Люди несчастные; жизнью убитые,
С болью в душе вы свой век доживаете.
Милое прошлое, вам не забытое,

Часто назад вы его призываете.
Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых».

* * *

Арсений спал. А музыка звучала.
И Коля Басков век не пропадал.
И каждый раз все начинал сначала,
И так катил в снега за валом вал.
Оркестр тот президентский, дирижер
Овсянников с копной на белой гриве,
Переходя в архиерейский хор,
Зеленым расстилалися по крапиве.
Зеленый – цвет знамени и жизни,
Солнца с небом, чистый изумруд.
Они милы, они в моей Отчизне,
Они вели меня, они меня введут,
Любой берут во мне редут
И душу ни за грош не отдадут
Сермяжной тризне.
Клавдия подолом завертела.
Квартирку оглядела, говорит:
- Рябые стенки, разве это дело?
Для Восгоды маловат лимит.
Простому человеку и то не повернуться,
Не то, что одному тебе.
- Я и один, - сказал ей Чигринев.
- Так сколько вас?
- нас много.

И мы в тельняшках все, но без оков.

- Так сколько ж вас тут? мужиков? –

Упорно повторила Клава.

- Наверху, четверо, - пожал плечами Сеня. –

Забыла, что ль, что я еще и лицедей, артист.

Смешался каждым жестом в микст,

Микстура я, а все они – моя семья. Сьмь я!

- Не глупи! Я не глуплю.

Так вот,

Дзержинский, Лановой Василий,

Покуда он еще при силе.

- Во! – засмеялась Кланя. –

Семь я – а насчитал четыре.

Один ты в мире, все тебя в театры тянет,

Яволь – вся твоя роль! И ты при ней.

Не приживешься с таким комфортом здесь.

Вон и у нас уже за школой

«Поля чудес».

Как и в Москве, в Орле, - апломб!

Тугры! Бугры! А не диплом.

Гляди, свернут те шею...

- Есть одна хорошая

«Песня у соловушки,

Песня панихидная

По моей головушке...

Эх, раз, еще раз,

Еще много, много раз», -

Замурлыкал под нос себе

Чигринев Арсений,

Как сам когда-то Сергей Есенин.

Пели Лановой и Джержинский при этом
О моем духовном отце.
Сразу себе подпевали квартетом
С ореолом в лице.

Глава четвертая

XIII.

Шурей торчит перед глазами
Со своим белым сундуком.
Без дна сундук, со дна мы сами,
Когда стоишь в одном за двух.
Сидишь тут перед елью в кресле,
Уже мозоль на этом месте.
Бумажки, телефоны, заседанья –
Тут ты одно, а что тебя внутри давно,
То не для всех, а только для себя;
Перебирая, вежи тербя,
Тут каждого до винтика, до шпента
Подразделял ты до того момента,
Когда решать приходят за тебя;
Так дать иль не дать?
Иль подыграть судьбе,
Или не подыграть?
Сейчас монарх ты, фараон, правитель –
Кредитов всех распорядитель,
Ломают шапку все, трепещут,
Все над тобою флаги плещут.
Но время быстротечно, камуфляж
Другой уж смоем твой портрет.
Смертельный трюк. Сальто-мортале в дырке,

Любая подпись на пробирке,
Любая загогулина важна,
Как бдит страна!
Как зрит и страждет оком!
Попробуй ошибись тут ненароком,
Раздвоенность при этом не нужна:
Один – так Воевода, с ним печать,
Другой – так от народа, вся роль его – молчать,
Покуда действует печать...
Утерся Чигринев от поту и за работу,
Глубже в сейф:
Подалье от всех.
Эх, рыжий! Подалье положишь,
Возьмешь поближе.
Сидел, перебирал в районе квоты,
Все были – не были.
Уже вокруг него круговороты
Плетут комплоты
Еще от той системы, от турецкой,
От власти от октябрьской и коттеджной, сложной.
Один – «позволь», другой – вас «под контроль»,
А тут еще и третий в нем
Разводит «канифоль», -
Ну невозможно!
Шурей на берегу засел надолго.
Течет ручей – Куликоржавец,
Чей? Да ничей. Прет из очей.
А широко берет, как Волга.
И все в нем – плоты и плоть,
Вплоть –
До государственного долга...

В дверь постучали.

- Кто там?

- Да почтальон ваш Печкин, -

Протиснулся в дверь узенько поэт. -

Деньжонок бы, вот книжку написал...

- Что, про буфет?

- Да, да! Ах, как вы угадали!

«Дорогой, многоуважаемый шкаф!

Приветствую твое существование!»

Мне все равно, лишь только б денег дали.

- Согласен на издание, -

Вдохнул Арсений. -

Но деньги где? Что скажет С.Есенин?

Спрошу. Пока же в формуляры заношу.

Вот видите – пишу...

Ушел наш Печкин. В тыщу одну ночь.

Одев в колечко тыщу первую березу.

Еще одну, потом еще...

Товарищ Н.Хрущев!

«Где взять, как им помочь?» –

Сидит, как вкопанный, Арсений Чигринов

При новой роли,

Оторванный от сцены,

От изданий,

Прикованный, как Прометей,

К пороку зданий, мирозданий,

Заседаний, заданий, нищеты,

Рыданий, где сам бы был и ты

В протуберанцах дланей

Всевышнего, когда бы не судьба

Была не так к тебе груба...
Ах, боже мой! Ты – сын народа
Аж от осьмнадцатого года,
Где око за оком – идут потоком.
То – дом сгорел, то – делегация,
Солдатских матерей шлет нация,
То вычистить колодец бабке,
Обмыть медаль за сына на Чечне,
То дырка у индейки в левой лапке,
А то мужик гульнул на стороне...
Вот такие, брат, дела!
Жена негра родила!
Свои-то что – столица поднаселла:
Дай на «киятр» аль на поездку в Канн.
Какая там награда!
В Европу Дуньке надо,
Артисты ведь! Братва как окосела.
Бери, где хошь. Хоть плюнь на барабан.
Звонят, галдят, разбили телефоны,
Коллегами его себя зовут.
< Вот интересно, как же в годы оны
Выкручивался первый, сидя тут? » –
Спросил он как-то Родькина Шурея,
Все ж землемер, причастен ко всему.
Сидели там, на сундуке, балдея,
Под вечерок – болтали посему.
- Ха-ха! – сказал наш Бант, он же Шурей. –
Стратегия и тактика одна,
У первого была она видна
Все рисковали,

Он поболее других.
Однако не хотел, чтоб много дали --
За каждого из них.
Давал украсть и шил на том вину,
И дергал уж за ниточку одну.
Еще одну, потом еще, еще.
А ты – телись.
Такая жизнь!
Опять же на язык,
Я с языка-то дзык, –
Товарищ дорогой Хрущев!
Все вместе называлась «оттепель»,
Когда кругом была еще зима.
Довольны вроде бы
«Хрущобами» дома,
И члены «крембрюлле»
Запасят вас в свои тома.
Жить собирались вечно
На темноте запечной.
Чего боялись больше топора,
Так это жгучего пера,
А даже не милиции
Так жили по традиции,
Еще от Щедрина, наверно,
Совсем уж скверно...
Теперь ни первых, ни вторых, ни предков, -
Уехали, ушли, не пообедав.
А деньги - дай, а делегаций - рай, всех принимай,
А неформальный квоты никакой.
Где брать и чем кормить без квот

Наш православный творческий народ?
ЦК, о фартук обтерев бока,
Глядит на все теперь издалека.
- А все ж, а все ж, - сказал Шурей,
Держи язык-то за зубами, змей!
А то вон чепуха – Реникса
Употребил пословицу из древности
Про «красненькое» да про «дурака»,
Так вспомнили ему лет через сто в обед
И припаяли дырку от медали,
Аж потемнела, покачнулась фикса
Всея Руси – так, для примерности.
Ну дали чуть, слегка:
Десятка, и пока!
- Так вот, я думаю, пока! -
Вздыхнул Арсений Чигринев. -
Как в Вашингтоне Трумен,
Чего ты на «десятку» ополчился?
Ай в нее втюрился?
В тот раз сказал:
«... лет, а не десять дней».
- Сказал, - протер сундук Шурей,
Чтоб тот еще поболее светился. –
Как не сказать в расцвете наших дней?
И ночью поезда приходят на вокзал.
По расписанию,
Не подлежа списанию...
И вспомнился Арсению свой случай,
Свой, личный, прежде, в Чигринях.
Не мучай прошлым, жизнь, меня, не мучай!

Под осень по-иному в летних днях
Раскроешь суть. Не обессудь нас мыслью,
Засветится вдруг что-то изнутри,
Что значит «опыт». Как на коромыслах,
Несешь былое слитно –
Раз, два, три...
Приехал, помнит, Первый в Чигринево.
Кажись, Кулагин или Дербенев.
С их предом все ходили от столовой
До свинофермы, под руку. Не нов
Вопрос: к столу прирос,
Качай, насос!
Все Первый подхохатывал бы преду,
Заглядывал бы в самое лицо.
И, если верить в их Бобрах соседу,
То так и формируют подлещов.
Пред новый, молодой,
А Первый – дока.
И вот коровам как идти на передой,
Такая получилась склока.
Ушли налево поросята,
Когда смотрели все направо.
Потом все, правда, им списали.
Со стенок в красном уголке
Листочки долго вниз свисали.
В другой раз видел Сеня сам,
Как банки с мясом да с вареньем
В багажник тыкали им там
С таким почтеньем.
И вскоре этот самый пред

Был уже выбран в райсовет.
В речах других уже учил,
Как вытянуть деревню
За деревья, из бучил...
Ушел в сверканьях эпизод,
Всходила полная Луна.
И Воевода захотел
Вдруг отойти от всяких дел,
Пойти проветриться в народ,
Который сам себе живет
Без всяких квот вышестоящих,
Как и без льгот низкосидящих,
А то совсем наоборот
По своим пажитям идет.
Куда? Естественно – куда:
А в Чигрини к себе, в Бобры,
Туда-сюда,
В свои дворы.
Где не был он уже лет двести!
А может сто.
Сидел бы век на своем месте –
На воеводстве, без пальто.
Зачем пальто даже зимой?
На то – машина.
В тепле, приемник при руле.
Мотнулся в банк, к себе домой,
В Орел, пока не прокололась шина.
На то шофер, на то система.
Чтобы работала машина,

Гвоздями не кололась шина, -
Но то уже другая тема.

* * *

Дня на три или на недельку?
Кого же взять с собой в Бобры,
Где люди так к тебе добры?
Так Кланю, что ли, иль Марию?
Шурей опять там где-то в стельку
На этом самом сундуке,
С жезлом гаишника в руке.

XIV.

Присхал он в пенаты - в Чигринево,
А тут рукой подать и до Бобров.
С недельку тут побыть хоть у родного,
Забиться в эти хаты,
У очага, где вся твоя основа
Из всевозможных жизненных основ.
Шалит сердечко что-то там, в Адамах,
Средь воеводских дел и всяких местных Бв.
Пропешествовал на кладбище он прямо,
Проведать мать на Пасху не успев.
Андрей в порядке содержал могилку -
Брат все же старший, тоже ее сын.
Зашел к нему. Одну корову Милку
Нашел возле двора.
Так, ничего не попросив,
И отбыл бы в Бобры свои Арсений,
Да задержала бабушка - соседка,
Тетя Фрося, со двора напротив.
- Ну как, сынок, ты там, на той работе?

По глазу стебанула ветка,
Сломала ее тут же та соседка,
Швырнула в бочку метко.
- Да так, - помялся он, пожав плечами. –
Без матери-то плохо, не сплю ночами.
- Чего хорошего, - вздохнула тетя Фрося. –
Андрей вот фермер ныне,
Один плывет на тонкой льдине!
Видал, все техника тут у двора,
Так весь колхоз-то развалили,
Да, вот беда! Школеночку закрыли.
Блин! не рожают бабки,
Посвесили все лапки,
От фельшерицы таблетки носим по охапке –
Одни и те же, каждый день
От всех болезней.
Нет, мол, таких полезных.
- Ну я пошел тут напрямик в Бобры, -
Сжал рот Арсений строго. –
Скажи Андрею, был, мол...
- Ну что ж, привычная дорога.
И кто ж теперь у вас там дома, никого?
- Племянница из города... того...
Ну будь здорова,
Тетка Фрося,
Семья твоя, корова.
Свинья, небось, на опоросе.
- Как опоросится – дадим
Андрею...
Ну будь здоров.

В Адамове-то хорошо сидим?

Упрели в гнездышке?

- Упреем, - сказал Арсений тетке Фросе, -

Когда свинья при опоросе.

* * *

Свобода, воля – все в Бобрах.

Родные, милые пенаты.

Когда в Москве случался крах,

Сюда летел, от их зарплаты,

От их ролей, от сцены зрящей,

От жизни трепетной, столичной

К отчизне богоносной, вящей,

К братве приличной.

Вот и теперь, вот и теперь,

Как лось сюда, на лежку, зверь.

- На лежку и отлежку! –

Сказал он вслух привычно Валуну,

Тому базальту лысому-то, Камню,

Где лицезрели полную Луну

Они с Марией в брешности недавней.

И лес запелестел, возговорил с ним лес

И снова в душу влет.

Все те же песни и слова

Ему припомнились, едва

Он с поля в эту волну влет -

Дубров, березовых небес...

Душа запела, эхо дело!

Стихи, стихия слышались с дерев,

Да будь здоров!

Все прежним пело,
Все в душу так и село!

Рондо

«Поэзия – где-то такие крыла,
Свободна, светла и легка, -
Течет и течет, сквозь меня протекла
Вся музыка, как река.
Поэзия – где-то такие слова,
Почти бестелесны, пока
Текут и текут; такова, такова
И музыка, и река.
Поэзия – где-то была, не была,
Едва уловила рука.
Течет и течет; сквозь меня протекла
Вся музыка, все облака».

* * *

На третий день пришел до Камня,
Прилег щекой к шершавой мгле.
О Господи! Период славный,
Как лес – пирог на пироге,
Звучит на этой самой мгле.
Ее глаза – его Марии –
Вдруг засветились из глубин;
Там все мы первые – вторые,
Как остальные среди льдин,
У вот таких вот валунов -
Их сколько тут, а ты – один.
Шуми, шуми, зеленый лес!
Лечи, мой лес, мой бес,

Как в душу влез!
Запел Арсений,
Вошел в сонм песнопений.
Как стал перебирать слова,
Затрепетали листья и трава.
И появилась, и пришла Мария –
Его любовь, его надежда, мрия.
Присела рядом. Голову склонила.
Все как и было.
Молчала, молча – пела.
Такое дело!

Русский лес.

«Лес мой – славный русский!
На тропе на узкой!
Встреть меня, прими меня,
Мой зеленый лес.
Защити, горластого,
От булата властного,
Всю судьбу изведаю,
Извернусь, как бес.
Лес – отец мой русский!
При погоде буской
Сына одинокого
Встреть и приласкай.
Много ли мне надо ли, -
Чтобы листья падали,
Чтобы кони прядали,
Веселел мой край!»
- Что ж ты школу-то просвистела,

Дорогая моя директорша? –
- Сказал он ей, осящая тело,
Все ее направление векторское.
Не ответила она, не сказала, -
Ничего себе облака.
Лишь рука одна и дерзала,
И бежала по ней строка.
- «Хуторок»? – шевельнулась Мария,
Губы сложены в лепесток.
- «Хуторок, - он ответил, - Россия!» –
Головой вертел на Восток.
Подморгнула, слегка запела,
Обнаружила новый смысл
В тех слова, где душа кипела,
А Валун был все так же лыс.

Мой хуторок

(песня Арсения)

«Дом мой деревенский,
Хуторок в степи.
Мать уж не встречает,
Выйдя за порог.
Уж не обниму тебя,
Сеня, потерпи!
Как всегда терпелось,
Как сам терпит Бог.
Мама моя, мама!
Сгорбленные плечи,
Скорбная, святая –
Век меня ждала.

А теперь уж вечер,
И заплакать нечем.
Хуторок мой, мать моя –
В черном добела».

* * *

Снова Маша прынула в Адамов,
Как лосиха скрылась в ивняке.
Принесли письмо от тех «мадамов»,
Что в Москве там где-то вдалеке.
Дети живы. Роли не лопатой.
Коля этот новое кино
Затеваает, что мечтал давно,
Дело где-то только за зарплатой,
Чтоб в театре дали заодно.

* * *

Понедельник – день опохмеленья.
Утро наступало хмуровато.
Плоховаты что-то для Арсения
Все эти субботы, воскресенья.
Трудоголик – вот кто он, кажись.
Безо всяких дел тут окажись,
Без людей, звонков и аппарата,
Где и начисляется зарплата
Из того-сего, из госбюджета,
Где - то кнут тебе, а то – конфета.
Древнеримский принцип жив, нетленен.
Вот опять товарищ Ленин.
Все о нем все громко говорят,
Он не слышит, фараоны спят.
«Десять лет за пять минут,

Надо ж? – думалось Арсению о Банте. –

Если Бант – то красный, на груди.

Факт из революции, поди.

А еще ведь прасольского роду.

Говорили люди из народу».

А вот и Родькин сам опять явился.

Его товарищ, школьный друг Шурей!

- Не за кордон ли, думал, смылся

Тот самый Бантик, амадей?

Когда жениться будешь, Шурик?

Уж солнце вроде на закат.

- Да куликую вот, как кулик.

В Куликоржавце кнелу, брат...

Присели. В дрогнули маленько.

Рюмашка высохла сама.

И воздух все ему патренькал -

Свет откровенный, смыслу - тьма

- Судьба такая моя, Сенька,

Не знаешь ты, не говорил.

Даже с тобой не поделился!

Как я всю жизнь свою прожил.

Вот жизнь моя ко мне и боком!

Так и остался одиноким...

Не выберусь все из того, во что влезешь...

История про те же «пяты» и «десяты».

Фантазия, Ромео и Джульетта

В некотором роде эта.

Всего три дня

Любовь меня и грела у огня

- Да говори же, говори!

- Ну хорошо, даю – бери.
Тут – на свободе.
А дело к лету.
Скажу про речку Сучью эту.

ХОДЫНКА. АППИЕВА ДОРОГА

XV.

(Повесть Родькина)

Три дня в Москве 53-го

День первый

- Род такой у нас – одинокий,
Одинокство характерно, -
Начал Родькин свое повествование.
- Да, и как же вы не исчезли?
Не вышло вам боком?
Длился род-то, - не утерпел Арсений. –
Расскажи хоть примерно,
Что ты имеешь в виду,
Какое было тебе испытание?
- Да так, - засмутился Шурей. –
Как-то так все, ворошить неохота.
- Давай, давай – посмелей,
Пяточкой как-нибудь, вплавь,
В стороне ничего не оставь,
Так Сучью свою и переплывешь,
Уткнешься в поле -
В пшеничку, в рожь...
История! Как это ты, понимаешь,
Что ли, из Красоты -
Не смог, понимаешь, жениться?

- Да не из Красоты.

- Из верности?

- Из одиночества.

И еще одного, понимаешь, пророчества.

- Прямо Маркес какой-то

Вылезает наружу.

- Маркес тут не при чем, -

Ткнулся Шурей в костерок-то плечом. -

Тут Маркес, понимаешь, не нужен...

Вишь, наловили гольцов,

И дело с концом, -

Ужин...

Как и тогда было, в 53-м.

То в Москве номер – Сталин умер

А то тут на Сучьей -

После трагический случай.

Вот я, автор, что говорю

Какую преамбулу.

- Так ты про кого - боготворю или не боготворю?

Про Сталина, говорю?

Мастер великий,

Все про лики,

Как Леонардо.

И тоже ведь где-то он за чертой.

Как простой смертный. Как что-то среднее,

Там уж нам не нужен никто.

Газ инертный. Азот.

Многообразны, бедны, переходчивы крики –

Колом стоят за тишиной,

Столь привычной, мирской.

Как выше среднего, так нам колдун,
Магистр, орден его многозначный где-то.
Как с бодуна, все б отторгать тот бодун,
Что не ложится в средние меты.
Так и поэты.
К примеру, Есенин и я –
Он отец мой духовный, я – его сын,
А мой духовный сын – Николай, Коля Басков.
Как мы внутренне схожи, поем с ним!
А если с Есениным, то – втроем.
А они метлой его из театра,
С ним заодно меня и Есенина... Огня! -
Кричат. - Дайте огня!
Пришли с огнем –
В наш окоем
И вывели его, как и меня с Есениным,
Вместе с огнем.
Это они остались там без огня!
Без колдуна, без магистра,
Без многозначных, значительных сфер,
Где все они – его, моего народного артиста,
Пихают в лоно собственных полумер.
В искусстве их нет, он вам не землемер,
Нет в искусстве каких-нибудь половинок.
Где-нибудь у осинок.
Плачу и плачу я. не за себя, за другого - мальчишку,
Итак нас мало, даже слишком,
А он упал на тяжкий путь,
И печем, нечем дыхнуть!
Плачу и плачу за весь народ,

А как иначе, иначе нам – крышка!
- Не распускайся, - сказал мне Шурей,
Как все услышал от Чигринова –
Всю внутренность прочувствовал, что от чего.
Ах, амадей! Ах, прохиндей!
Прослушивать лоно Боброва!
Бобры мы, да, мы – бобры,
Какие ко мне так добры!
Все остальное – основа.
Да, матушка, будь здорова,
Небесная моя ты корова!
Такой зачин глубокий мной взят,
Родькины не завопят.

* * *

Так - Сталин, гроб его, чья-то невеста, -
Нашли в Родькине место.
В году том было пятьдесят плюс третий.
Движение, как «мобиле перпетуум».
В связи с чем меняем ритмы
Для прочищенья молитвы.
- Ты что – совсем, что ль, офонарел? -
Сказал Шурею-то Чигринов. –
Лепить лепи, да меру знай,
Как, оторвав от всяческих дел,
Совать кого-то тут под трамвай,
Чтоб он как вождь, дав квоту,
Работу, льготу -- кашалоту,
Мимозу – розу, гипотенузу – прозу.
Мы про поэзию после, потом,
Как суп дохлебаем с котом.

Тут даль свободного романа,
Свободен дух наш в том раю,
Где прозы два-три килограмма,
Три слова ввинтятся винтом
В историю свою!
Да, брат, ты побывал в раю
И потерял в нем что-то,
Кого-то,
А может, много, все?
И это очень «карасе».
А может, и не очень.
Так, между прочим.
Все дело даже не в сюжете –
В свободе слов, как в духе на планете,
Как в квантовой поэзии – свобода,
Для выраженья вех дает сама природа.
Никак не подберусь к сюжету,
Под прозу эту.
Так что там - Сталин помер?
Вот это номер!
Рыдать взялись?
Так страшно! Туда-сюда душой поткались –
В Москву на погребение помчались.
Так, да? Шурей!
Помчались?
Такие мысли тут у меня закрались.
ШУРЕЙ: - Не надо, князь!
Мой черный князь!
Мы не такие отродясь.
А вот попал туда я – белый

И стал совсем осиротелый.
Отца убили на войне,
Мать помирает на гумне.
Дом на последние гроши,
Хоть вдрызг разбейся, а верши.
Такая жизнь – крепись, держись!
Под каждого – стелись,
Под паровоз башкой ложись!
А красным чем-нибудь маши!
Ты помнишь, в техникум ушел
После седьмого – ну, в ж/д?
В жел... в железно...
- Ах, дорожный?
- Ну, да, в тот самый, что везде,
Локомотивы водят по ... но где?...
Везде... везде...
И тут, как блин на бороде, -
Мол, умер вождь.
Лежит в Москве.
Народ в тоске...
Схватились патриоты:
- Да что ты, что ты!
Наш паровоз, вперед лети!
Вдруг лопнут шпалы на пути,
Мир рухнет, завершатся квоты,
И мы усохнем без работы!
Вот это ноты!
Собралось нас двенадцать человек.
Учащиеся все, студенты молодые,
Жерсбчики гнедые.

Все мужики! И среди нас она – одна,
Землячка - тут, из Подгородней.
Из Первой, Первой – не Второй.
Анюта! И я с тобою тута.
Глаза в глаза, одна слеза.
Поедем да поедемте в Москву, столицу –
Проститься!
Так первый и начался день.

* * *

Двенадцать нас – двенадцать душ,
Двенадцать фактов, аргументов,
Объединенных в общий куш,
От исторических моментов
До монументов.
Сказали: - Как же без него?
Вся в яму ахнется страна -
Армагеддон и Сатана
Во мрак погрузят кой-кого,
Вот это да! Всех от седых до молодых
Под самый дых!
Двенадцать апостолов
Без билетов – пустопорожники,
А просто так, они же
Железнодорожники! –
Собираются ехать в Москву,
Когда уже все перекрыто,
Дождик льется с крыши в корыто,
А ты разгоняй тут тоску –
Отправляйся в Москву!
В Подольске ссадили,

На Москве-товарной тоже.
О боже! И тут уже смотрят в паспорт, в фамилии.
Да где там!
Одни рожи кривые!
Сотни тысяч! Красивы!
Откуда взялись хоть?
Все Подмосковье!
Пол – России!
И четверть Союза!
И для Москвы все это даже обуза!
Ну, как тут, в Адамове,
После войны ходили мы напрямую –
С угла на угол в прямоугольнике –
Гипотенуза.
А в Москве-то еще и кольца –
Одно Садовое чего стоит,
Ловлю, усложняя движение, –
Ничего себе обстановка!
Не принимает столица нашего добровольца,
Не взирая на его внутренние побуждения.
Отрицает идеологию патриотическую,
Из-за чего он тут, на паперти.
Двенадцать апостолов этих,
Втюрились в эру мифическую,
Атмосферу эпическую.
Но как не отрицать все это
И в то же время отвергнуть -
Порыв народный?
К миссии благородной
Прибегнуть?

Как за столом на «тайной вечере»
У Иисуса Христа –
Вся суть в солонке на белой скатерти.
Вот Леонардо что сотворил –
Великий магистр – тайно, какая засада:
Справа от самого себя ее отклонил,
Нам, мол, матриархата не надо.
Понимаете, что-нибудь?
Века переходчивы:
Что там тогда жало и жило –
У Иегудиила,
То тут теперь, где дуги гнут
Из того, что прямое тогда у них было.
На одном курсе учились мы все –
На последнем, четвертом.
Скоро поезда станем водить туда, к колбасе,
На работе вертеться чертом.
А тут такое, такое!
Дороги эти железные
Станут совсем бесполезные:
Кого и что с кем связывать?
Чем шпалы-то смазывать?
Анюта жметя ко мне,
Одна из двенадцати, -
Как к там, у да Винчи при грации!

XVI.

Думал Арсений:
«Если б так писал как когда-то Пушкин, -
Лирику, барышни чтобы читали,
Золотые дворяночки и генеральши,

То в пруду по сей день квакали бы одни лягушки,
До Есенина не добрались бы,
Чтобы писать и читать «звяньше».

Квантовая поэзия
Распростерла крылья.
А слушаешь дистиллированное,
Просыпается зверь
В этих энергетических куцах.
Может только бородовское,
По-эзковски больное и вопиющее,
Угомонить нервы,
Ряску сшибить, с бурьяна будылья.

Обнаженная концентрация,
Сдвоенная, как и вся нация,
Обеспокоенная,
Смертная,
А не красивость академическая, инертная.

Вот как сдернуто-то со слова:
«Я – с полей»
В ноздри – свободы налей!»
Или как у Есенина,
На «золотой плахе»:
Внешне «батрахомиомахия»!
Откуда-то все извне,
А внутри как?
«Люди несчастные, жизнью убитые!
С болью в душе вы свой век доживаете!»
Слышите? Не возражаете?
Как все мы, смертью уже покрытые,
Вместе со мной исчезаете?

Шорохи только останутся.
Скифы мы, вместе с викингами –
В сколотствах резких –
Хлеб растили,
Делами квасили из зерен молотых,
Возили путем из «варяг в греки».
Вскормили Гомера и Аристотеля,
Всю европейскую цивилизацию
Создали,
Всю эту атмосферу.
– Грацию!

* * *

Итак, начинает Шурик Родькин,
По-адамовски Бантик то есть,
Свою эту самую повесть
От первого лица.
Скачет, как «Красные кони» у стервеца,
На крупе - Петров – Водкин.

* * *

«На практику мы собрались –
Движенцы, на паровозе ехать –
От Орла и до Курска,
А может, еще куда далее,
В необъятности коммунизма,
В свои молодые иллюзии,
Как нате вам: это известие
О смерти товарища Сталина.
В шок нас всех это повергло,
Рифму куда-то выбило,
Ритм лишь железный оставило,

Поступь холодную смерти,
Сокрушающую всякое жизнеобеспечение.
Стали ребята по углам кучковаться,
Воздух ртом открытым ловить.
Слова подбирать и словечки,
Ритмы плясать от печки,
Рифмы опять-таки стараясь привить,
Чтобы текст привести хоть в какую-то норму,
Придать движению форму.
«Наш паровоз, вперед лети!..
Иного нет у нас пути»...
Группа у нас была –
Ударная, идеалистическая.
Двенадцать человек – двенадцать «апостолов»,
Все деревенские, из села.
Когда минута критическая,
Все заодно, кулаками по столу,
Как в романе каком-нибудь, как в кино.
Эх, была не была!
Так вот, там где-то вождь лежит,
А тут кругом все кипит,
Настроение до нуля,
Страх обуял всех мистический
В ситуации этой критической.
Запад на страну грянет или Восток упадет –
Ранит всего тебя, в сердце войдет,
В мозгах где-то капет.
«Стипуху» как раз получили –
Повышенную – за отличную учебу,
Двойную -- от техникума и железной дороги.

Там диктатура где-то в Чили,
А тут не так уж страшно чтобы,
За эту самую Чили, -
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» –
Так нас учили.
И было нас в группе «двенадцать апостолов» –
Ребята, все мужики,
А тринадцатая – девчонка, Анюта,
Как метафора, торчит из строки,
Хорошенькая такая, худенькая, но рослая,
Не девочка уже, но еще и не взрослая,
Родом землячка моя, адамовская, из Орлянки,
Где Белая Глина, делянки.
«Анюта, Анюта! – Я тута».
Волосы золотые, глаза фиалковые.
Родители откуда-то из-под Измалково,
Где казаки, казачий край,
У которых на крышке внутри сундука
Еще царские портреты,
Не пускают в рай
Какого-нибудь старика –
То большевики, то кадеты.
Вот Анюта и подала идею.
- А что говорит, - ребята,
«На цветы, что ль, собрать нам вождю
Да в Москву послать кого-нибудь?»
- А кого?
- Да тебя хоть. Медею...
Медузу – Горгону, с золотистыми волосами...
- Ну уж, - подал голос Петров этот самый,

Который Водкин,
По кличке Коля Брюньон,
Язык у него без костей,
Один такой в группе всей.
Конкурент мой – к Анюте все клеился,
А она мне и самому нравилась,
Я на что-то надеялся.
- Мы и сами, сами, -
    Говорит этот Коля Брюньон, -
    Испить способны, пить свой одеколон.
Одеколон мы тогда, конечно, не пили,
Не было такой моды.
Слишком молоды были,
Жизнь любили,
Всякие «интернационалы», народы.
Анюта и говорит:
- Давайте сами в Москву махнем,
Проезд же бесплатный,
Все же мы железнодорожники...
Напечем лепешек – в сумку творожники
Да и поедем.
Вон уж люди к вокзалу двинулись.
Врозь и группами,
С чемоданами деревянными,
С мешками за спиной – «парашютность»...
Там цветы и купим.
- В самом деле, не будем баранами! -
Воскликнул и я.
Все мы в некотором роде артисты
В поле-то чистом!

Скинулись – мало,
Взаймы попросили.
Главное, чтоб никто из начальства не знал –
Тайно.
Однако по техникуму уже понеслось,
Загудели все, заколбасили,
Понесли нас сюда кто что «имал»,
Кусок каждый от себя оторвал –
Сознательно, а не случайно.
Казначеем выбрали Колю Брюньона,
Мне – отвечать за охрану,
За всякие внешние действия,
Особенно, как, я понимал, за нашу «корону» –
За Анюту, чтобы никто ее не хватал,
Не водил по девичьему хрупкому стану,
Как когда-то голубые мундиры,
Грязной лапой по морде декабристу Пестелю.
Они все ко мне тогда, тет-а-тет:
- Как это, - говорят, - понимать?
- Это, - говорю, - так: есть поэзия или нет,
Твою мать!
В курсе?
Я тогда уж был самый начитанный на курсе.
Встал я ни свет ни заря,
Достал из-под кровати деревянный свой чемодан –
Еще дедов сундук, бабкиного чуть поменее,
Тоже внутри с портретом царя,
Только один в нем изъян,
Откровенно говоря,
Что царь не похож на Ленина, -

Да и предложил «апостолам»
Под деньги его, под перлы –
Капли жемчужные,
Слезы народные.
Такие по тем временам свободные.
Сами лились они, никто ведь не понуждал
Голосить всех и перлами литься.
Все были зарюмзаны лица,
Жемчугами как по скатерти белой, -
Не знали все, что в стране будем дальше-то делать.
Заревана была и Анюта --
Откровение за откровение.
Последние она, наверно, половину суток
Плыла в слезах по течению.

* * *

Начало марта. По крышам капель,
Февральский пока что морозец.
Скрипит под ногами, как коростель,
Лопаясь, влага в мимозе,
Какую с Кавказа уже подвезли
К рынку под восьмое марта.
Дальше Орла добирались все, как могли.
Кто и на чем, просто пешком,
Грузовыми – обочиной
Двинулись люди, идут молчком,
Сосредоточенно -
По направлению к Северу.
Размеренны, каменны лица:
В Москву нам, в столицу!
Отловят, отвезут назад в Курск,

А те опять возвращаются –
Идут лицами к Северу, темен мангуст
Слухами отовсюду питается.
Поехали на вокзал траваем и мы,
Но от кольца уже оцепление,
Не пропускают.
- Мы, - говорим, - учащиеся, тем не менее,
Сами железнодорожники.
На практику нам, водить паровозы.
Без нас паровоз вперед не полетит!
Кому ни говорим – остановка!
Такая-то обстановка!
- А чемодан зачем, - орут, - лыком шит,
Под мышкой тащите ловко?!
- А в чемодане, - говорим, - гаечный ключ,
Гайки свинчивать с рельсов,
Как у Чехова в «Злоумышленнике».
- О, великий русский, ну ты и могуч!
Проходите, что ль, до своих рейсов,
Туды ее в дышло – в каждой строке
Валите слова до кучи!
А там грузовые – товарняки
Обвешаны «паранютистами»,
Созданая движению сквозняки,
С грохотом мчатся на Север неистово.
Под составами лезут тоже «паранютисты»,
Горбами за колесные пары цепляются.
Честные, блатные, рецидивисты,
Даже такие, как мы тут.
Стоят, молодые, в Ашоту нашу влюбляются.

Анюта между нами такая вся краснощекая,
Хрупенькая, обворожительна.
На что башня водонапорная над паровозом
Высоченна, одинока
И та глядит на нее одним окном
Длительно.

Глава пятая

XVII.

Сели в какой-то мы товарняк –
Микояновские вагончики кудые.
Скот в Москву возят в таких на мясокомбинат,
Выкачивают отсюда продукцию.
Едем по направлению к Северу,
Версты одну за другой считаем,
Товарища Сталина вспоминаем.
Господи! Чего только не воображаем
В эту нашу убитую эру.
- Что было до того и что будет после?
Страшно подумать, -
Кола Брюньон этот
Петров – Водкин племянник Чепухи,
По соседству живет с ним, возле -
Сказал такие слова не очень уверенно,
Не как его дядька. «Десятку» за чьи-то грехи
Сидел, копейки разменивал, -
Так вот, этот Петров
Держит бутылку в руках, дегустирует –
Молчком,
К горлышку прикладывается тайком,

Смотрит в дырку наружу
И комментирует:
- Воркута впереди, Воркута!
Нас туда! Нас туда!
Да и мурлычет под нос себе песенку,
Какая только будет в проекте.
Да с лесенки на лесенку,
Спускаясь вниз, куда-то прет,
Как это делает уже по поездам народ:
- «Ах, Воркута! Холодный город Заполярья!
Столица тундры!
Нас мчат туда -
Мы из Сухума и Пицунды».
- Глядите, - говорит, - холмы вдоль обочин!
Поперек всей страны.
Это все тысячи тысяч, между прочим,
Кость на кость,
Дорога на костях,
Как у Некрасова.
Мать, прости!
Тут мы в гостях...
Армии Власова...
Ашота и говорит ему:
- Ты бы рот прикрыл,
Дышишь перегаром сюда, перегарчиком.
- Это, - отвечает он, - так потому,
Что ворона без крыл,
Не дает летать мальчикам.
- Розы, - она говорит, -
Мы ему тут купим

Где-нибудь в магазинчике.
А Петров достает мой бантик,
Толчет в ступе и дарит,
Играя колечком у нее на мизинчике.
Храбро!
Абракадабра!

* * *

Остановили нас в Подольске,
Загнали на запасные пути.
Рельсы там что-то скользки:
Аннушка разлила масло,
Чтоб не идти
Всем нам к победам геройски.
А у Берлиоза голова соскочила,
Попаив на Чистых прудах под трамвай.
Вон жизнь скольких нас замочила,
Укрощали бы лучше раздрай,
Чем их до Волги-то допустили,
Где руки все кровью мыли.
И тут возникает вроде как церковь,
И мы взошли на паперть,
На ней вроде стол поставлен, расстелена скатерть,
А на скатерти – все по норме,
Время одно только лишнее,
Вот его у всех и забирают,
В вагоны сажают
И на Воркуту отправляют,
Как корзины с вишнями.
Сидит офицер прямо на асфальте,
На баяне играет,

Сальто у него на «мортале», нервы мотает.
Сам без погонов, но при ремне,
Звездочек в биографии – легкая стая.
Где-то во глубине
Интеллигент какой-то,
Бывший учитель, наверное,
С шеей плотной,
Видимо, военнопленный,
Временно безработный.
Вот какую песню поет,
Я запомнил ее, есть основа,
Повторить дайте вот,
Записал слово в слово.

Черная вуаль

(песня Пезнакомца)

«Уж не зальется Россия гармониями,
Как-то по-дикому кычет сова.
Все прокутили мы, все проворонили,
Опустошили святые слова.
Было ль былое да жили иль нежили?
В прошлом какой-то кровавый туман.
Как же себя мы иллюзией нежили,
Как на сплошной попадались обман.
Как нас на Север свозили вагонами,
Как по теплушкам сгорали до тла...
Вот за такими стальными прогонами
Дама никовая вкось и легла.
Так и останусь, наверно, в меченых.
На ночь опять же разводят мосты,

Снова калечат уже покалеченных:
Кто-то в Париж, а кого-то – в Кресты...
Силы небесные душу рисковую
Розгами молний секут пополам.
Свежими брызгами даму пиковую –
Вас, как в шампанском, купают, мадам!
Круглая-круглая, - от постороннего
Черной вуалью укрыта Луна.
Все прокутили да все проворонили,
А ведь Россия, простите, одна!»
Люди, вокруг собрались –
Толпы, толпища, -
Стоят, слушают.
Подошли и мы, потолкались малость,
Посмотрели, откуда пища,
Как ее люди кушают.
Спрашиваем его: откуда, мол, и куда?
- Да туда же, - говорит, - куда и все, туда!
И я, - говорит, - из Орла.
Эх, была не была!
Еду вот посмотреть в последний раз хоть в глаза
Вождю. А туда мне нельзя!
Хоть я москвич и коренной,
А выслан, живу в Орле, за трехсотой верстой.
- Как фамилия? – спрашиваем.
- Соломатин Валерий Федорович, - отвечает.
Герой французского Сопротивления,
Командир партизанского отряда
Имени Парижской Коммуны.
- Тот самый? – ахаем. – За кого душа

Болит ночами?

- Не простили мне контузии в атаке,

Плена последующего, пленения,

Всей моей военной фортуны...

И тут милиция стала хватать всех,

Всех хватать,

Проверять документы.

Свалились менты, как прошлогодний снег,

Стали факты назад пихать, в аргументы.

Петров-Водкин сунул

Одному тут бутылку,

Те «коридор» нам дали.

В дежурке нам после дрова на распилку,

А вечером вывезли в поле,

Под зад поддали,

Из чемодана спирт взяли -

Себе на растирку.

И как он тут оказался – этот герой Соломатин,

Не знаю, -

Тут уж он, в самой последней хате?

Подвел нас к корове в сарае,

Папойл молоком,

Поблагодарил хозяев.

Спросили мы:

- Как пройти к железной дороге,

Чтобы продолжить движение?

- Да, - говорят, - там везде опенление.

Сплошь. Остановили многих.

Напрямую вряд ли пройдемь.

А Соломатин и говорит:

- Ничего, мы партизаны,
Нам к этому не привыкать.
Дай маленько залижем раны,
Будет что вспоминать.
- Где-то тут, - говорят, – родник святой
В этой окрестности, -
Неопалимая купина!
Все туда идут в этой местности –
Кормится, поится
Православная сторона.
Через купину на Москву
И шмыгнете далее,
Калики перехожие...
Осмотрел Соломатин нас,
Построил братву –
Ничего, на солдат похожие,
И скомандовал:
- Шагом арш!
А Анята? И дали Аняте мы
Полевую сумку
С красным крестом:
- Неси, душка, проявляй усердие,
Сестра милосердия!
Шли полем.
Переходили окопы – следы войны,
Танки битые еще кое-где.
Снежинки летели с той – западной стороны,
Клеились, мокрые, к бороде.
- Слышали про Курсантов Подольских? –
Спросил Соломатин.

- Как не слышать про геройских
Этих Курсантов Подольских?
- Вот тут они и сражались, кстати.
Идем и идем. Полями, лесами,
Лугами и перелесками.
А люди, идучи впереди, путь указывают сами,
Сумари несут на себе с какими-то там подвесками.
И все – за святой водой,
Которая – неопалима.
Вблизи она этой самой горы седой,
Никто не проходит мимо.
Сколько времени роднику?
А сколько и земле, наверно.
Церковь видела всего на веку,
Ключ в легендах защищает от скверны
От всяческих прихлебателей
И горе – завоевателей.
Стенью - «сакмою» ходили татары
Гребнем у Купины.
Стрелы их настигали, кары
Из зеленой ее глубины.
Цени воинов из-за спины
Кропили святыни.
Крепили святыни,
Ноили святыни,
Свод неба сирий,
Небо России,
Силу тем придавая России
Неопалимые купины.

* * *

Пили водицу мы тут от души.
Про запас еще взяли с собой.
Сколько влезет,
Налили в бутылки,
Чтобы и там, на Москве, мы, брат, с тобой
Попить не забыли
За московские окна, людей, их были,
Что и там хороши!
Еще лучше, когда от души
Темной ночью седой
Кремль сияет омытой звездой.

* * *

Анюта я охранял, как мог,
От этих печалей, пыли, тревог,
От вековых мозолей ног, перейдя за порог,
И мне помогал в этом Бог.
Петров крутился около нее –
Кола Брюньон, страстолюбец женский.
Поставить свечку на «везенье»?
Сходить, что ль, на Николу во храм Успенский?
А в голове сидело одно,
Зачем и ехали мы в Москву,
Не разгонять же тоску –
А во всеобщем повороте, в каждой работе.
В звуке отдельном, тоне!
Поверить каждому - взмаху, мазку
На каждой иконе!

День второй

XVIII.

Высадились в Москве, на Курском вокзале.

- Где тут цветочный магазин? –

Спросила Анюта, оглядываясь.

- Что ты, Анюта! Хорошо, что ты тут! -

Сказали мы ей.

Запах вокруг какой-то, злодей:

Сивуха, бензин...

Вышли на площадь, к улице Чкалова,

А там уж толпа, ступить некуда.

А люди с поездов все идут, прибывают.

А там машины уже закрыли путь в Москву – да,

Да! И никого не пускают.

Толпа растет. Ропот поднимается,

Пока там, в Кремле, насчет нас

Чего-то соображается.

Сначала еще терпеть было можно,

А потом никакого уже терпежу.

Давка. Ужас! Крики начались, стоны.

Как по горлу пожу,

Как пожом по горлу -

Больно, тревожно.

Не каким-нибудь чужерожным, «мамаям»,

А нам бы благодать от Владимирской-то иконы.

За Анюту боюсь я,

За сам дух Анюточки --

Девочка хрупкая,

Нежная, ликом своим белоспешная.

А люди все прут и прут,

Водовороты там и туточки,

Как в какой раскаленной трубке я –
Жаром со всех боков пышет,
Каждый на тебя дышит.
Разговорчики всякие, шепоты,
Под ослиные всхлипы и осиные ропоты.
Сам Хозяин лежит там где-то:
То ли в Кремле, то ли уже в Колонном зале,
И туда к нему отчего-то не пропускают.
Дуют ветры не те; предатели всякие встали на ноги.
Шпионы какие-то - то ли еще немецкие,
А то ли уже американские.
Москва же! Тут силы еще даже те -
Монархические и кадетские,
Итальянские и испанские,
Вся-кие-е! Всяки!
От войны еще не отошло
Это самое бытие!
Красные маки!
А люди все идут, идут,
Поезда за поездом прибывают.
Уже, как селедка в банке,
Там и тут,
Теснота нарастает.
Давят со всех сторон, давят.
Толпы чуть что – сразу в ухо.
Всех нас – «двенадцать апостолов»,
Как у Христа за пазухой, где-то внутри себя его славят.
А не просто нас тут размазывают по столу.
Анюта жметя ко мне,
Уже синяя,
Ужас какой, некрасивая!

И Петров этот Водкин не в стороне,
Весь внутри и вовне в огне,
Все к бутылке прикладывается,
К Анюте, чувствую, подбирается,
Просто пополам складывается.
Вижу, дело плохое,
Что-то надо предпринимать,
Уже не шевельнуть ни ногой, ни рукою,
Ядрена мать!
- Стой! – говорю своим. –
Скоро один блин от нас тут останется.
Слушай мою команду! –
Говорю я своим. –
Делаем круг! Занимаем круговую оборону!
Как в веранду!
Анюту вовнутрь!
С чемоданом вместе!
И лицом мы то сюда к ней,
А то – наружу,
В зависимости от ситуации.
Когда надо напор держать,
То пика и крести –
Спиной!
А когда внешнюю опасность
Стоит нам обнаружить,
Так лицом поворачиваемся,
Общим кругом щетишимся,
Обозначиваемся.
Друг за друга горой.
Каждый – герой!

А внутри Анюта –

Наша спесивая

Видите, какая красивая!

* * *

Вот так всем сказал,

Из всех каре и образовал.

Как Ян Гус когда-то

Обкрутил свой лагерь телегами.

В круговую встал от врага,

От вражеской конницы –

Острой степной вольницы

С ее ночными набегами.

Чтоб не смыло твои берега, -

Оглоблями да колесами,

Эклогами, звездами – вегами,

Как иконами,

Елями вечнозелеными;

Обкрутив, щели все

Позакрывал.

* * *

Встали мы наружу спиной,

Поднатужились, дали бой,

Стало легче дышать, само собой,

Ей – стоящей внутри вплотную с тобой.

Прижата ко мне Анюта, дрожит.

Вцепилась, глаз от меня не отводит.

Такие-то рубежи!

Все внутри тебе ходуном ходит.

От этого берега к тому перекатывается,

Какой-то клубок то разматывается,

То опять сматывается.
Вот не знал-то, что такое бывает.
Соседка в Адамове, дело привычное.
А тут еще в техникуме, в одной группе.
Бывало, едешь в Орле на трамвае –
Ну сожмет маленько,
Смотреть на нее или не смотреть,
В глаза друг другу, -
Дело обычное.
А тут час за часом
Все круче. Орет рупор:
«Това-а-рищи!
Не тешитесь!
Вам ясно?
По улицам расходитесь!»
Вот ложь какая!
Куда по улицам?
Войска кругом и машины.
Стигнули всех в одну площадь,
Жмут, что есть мочи.
Короче,
Делают из нас мощи!

* * *

Все «апостолы» молча стоят лицом к опасности
В этот момент безгласности,
Развернулись спиной вовнутрь.
Туда сюда вокруг все вертится, все катается,
Словно какая ртуть.
Коля Брюньон носом к Апоте
Летит на своем «парашюте»,

Попахивая винцом,

Где-то во внутреннем кармане все же что-то припрятал.

И дело с концом.

* * *

Соломатин явился,

На полголовы выше всех,

Парень баскетбольного роста.

Прошествовал, локтями развивая успех,

Сквозь толпу естественно, просто.

- Сильный какой, – сказал Анята,

Проводив его своим фиалковым взглядом.

И я был тут с нею рядом,

Я с тобой тут, Анята!

Сдерживаю от тебя всех, кого надо.

В том числе и от этого, Коли Петрова, –

Тоже налег будь здорово,

Такие амбиции!

Но это только ведь репетиции!

И я ему локоть поставил перед лицом –

Шлагбаум.

Не будь, Коля Брюньон, подлецом!

С болезнью своею «даун»!

- Ну, а ты, Бантик, прасол,

Роду своего прасольского!

Покраснел я, наливаясь свинцом

Настроения ахсвского.

А все-таки повернулся наружу лицом

И успокоился.

Временно.

Жирный какой!

Как колбаса краковская,
Которую я раз в жизни видел,
А два раза нюхал.
- Вон тому мужику по уху звизни! –
Крикнул Петров-Водкин
Другому «апостолу». –
Нашему человеку в Гаване,
Из деревни Ивани. –
Чего он клеится к нашей мамане?
К молодке?
Ишь, разглядел и через кольцо
Нашей Анюты лицо!
- Так это же наш Соломатин! –
Сказал я Брюньону. – Гляди!
Только в другой униформе, ребята!
Эй, Валерь Федорыч! погоди!
Побудь возле нас, постой!
Ты – человек простой,
Что нам скажешь?
Как оценишь такие куплеты?
Вопли и плачи,
Слова – причитания,
Стойку в буфете,
Домыслы, помыслы,
Оплату без сдачи,
Всеякие сочетания,
Примечания эти?..
Протиснулся к нам сюда Соломатин,
Стал в круг,
Достал из-за пазухи книжку

И стал говорить вдруг:

- Вот «Джованьоли. «Спартак»».

Читайте, нате.

- Да нет, - сказал Сопин Мишка. –

Читайте уж сами, так.

- Ладно, ребята, читаю, - сказал Соломатин. –

Прозу.

Тащу, как из сердца занозу...

Итак, Историческое повествование

из VII века

Римской эры.

«Капрера, 25 июня 1874 г.

Дорогой мой Джованьоли,

Я залпом прочел вашего «Спартака», несмотря на то, что у меня совсем нет времени для чтения; я от него в восторге и восхищен вами.

Надеюсь, что наши сограждане оценят великие достоинства этого произведения и, читая его, убедятся в необходимости сохранять непоколебимую стойкость, когда речь идет о борьбе за святое дело свободы!

Вы, римлянин, описали не лучший, но наиболее блестящий период истории величайшей республики – период, когда надменные властелины мира начинали уже погрязать в тине порока и разврата, но, несмотря на то, что это поколение было источено испорченностью и разложением, оно породило титанов...

Вы изваяли Спартака, этого Христа – искупителя рабов, резцом Микеланджело. Я как раб, получивший свободу, благодарю вас за это...

Пусть же воспрянет дух наших сограждан при воспоминании о великих героях, почивших в нашей родной земле, земле, где больше не будет ни гладиаторов, ни господ.

Неизменно ваш

Джузеппе Гарибальди».

- Видали?! – вскинул руку с книгой в руке
Герой французского Сопротивления. –
Какие люди жили от нас вдалеке!
Какие были до нас поколения!
И потряс «Спартак» – этой книгой,
И захохотал на всю площадь,
Стенящую и гремящую:
- Вот за какой веригой
Развернуты цепи!
Сказать проще, -
Зная какое над нами полощет!
- Читайте далее, -
Засмеялась Анюта
И аж заплакала
У меня тут на шее, Анна.
И в этот момент где-то плотину прорвали,
И поток двинулся далее как-то странно.
Змея шевельнулась, пошла по улице Чкалова,
По кольцу по Садовому –
Вправо!
Наше дело левое - вправо;
Кренись держава!
Кронись, купипой неопалимой,
Любая палата,
Становись эра веком,
Будь человеком!
Иконы над головой возникли,
Крестный ход из нас получался.
Идем --

То под Иисусом Христом,
Владимирской Богоматерью –
Покровительницей Москвы,
То под портретами товарища Сталина,
Чтоб войска, из всех подворотен глядящие,
Целящиеся в нас, смердящие,
Ведя нас за шею далее в светлые дали, -
Кабы сейчас нас тут не расстреляли.

XIX.

Идем по Садовому кольцу,
Но по-сатанински как-то,
Напротив часовой стрелки.
БЭМ – биологический маятник.
Магнит висит на ниточке,
Приставьте его к лицу –
К какой-нибудь фотографии, к пламени
И смотрите, куда побегут «белки»,
То есть эти самые стрелки,
Куда маятник сдвинется, закачается?
Направо – по Солнцу кругами
Или справа налево,
Против часовой стрелки, к мафии:
Где когда какой круг
На каком портрете кончается?
На Гомере, Льве Толстом,
На Сергее Есенине – сразу по кругу
Да по солнцу, по солнцу кругами:
А на Сталине? а на Берии?..
Идем по асфальту мокрому
Под их портретами,

Трещит чернозем под ногами
Как под какими кругами,
Иисус – на одном доверии,
На его доверии все мы.
Это как Александр Блок
Со своей поэмой «Двенадцать»:
«В алом венчике из роз
Впереди Иисус Христос».
А у нас тут один изрек,
Поэт десятью рангами ниже,
К Сатане ближе,
О человеке, какой дал ему
Пять тысяч,
Так поэт сказал о нем то же самое.
На что другой не поэт у истока Оки заметил:
«Надо же!
Тыш бы двести пятьдесят
И мне одному -
Это я понимаю!
Так еще сказал бы, может, то же бы самое,
Сравнил бы с венчиком –
Птенчика!»

* * *

Двигается «змея» по Садовому,
По улице Чкалова,
Чуть раздвинулась.
Шире сделалось, посвободнее
На какой-то момент.
Идтись стало по-новому –
Нога выше вскинулась.
Движемся уже мы шеренгами,

Говоря по-русски, не сленгами.
За фрагментом фрагмент --
Всеякие нации и народности,
Классы, прослойки
С породой и без породности.
А из боковых улиц и улочек
Все выныривают и выныривают,
Сквозь шпалеры солдатские
К нам сюда прорываются,
А «эмведэшники», чуть зазевайся кто с краю,
Тут же на них и бросаются.
Сделают рожи зверские, адские
И за шпалеры их туда, в сторону, к краю,
Оттаскивают, разряжая пространство,
В шею пихают.
Мол, валите домой отсюда,
Чего прикатили, приехали?
А те аж слюни глотают,
Отбрыкиваются: «У, нуды!
Обложили нас тут всех вехами.
Новые сроки мотают!»
Доказать все чего-то хотят –
Недоказуемое.
Одни из «сибирей» чего-то вопят.
Другие – ближние тут, из Орехово-Зуева.
К мосту подходим через Москву-реку,
«Зменца» вжалась в себя,
Как-то сузилась,
И что-то качнуло в сторону
И швырнуло тебя

На перила, на брустверы,
Головами на острую борону.
Так в реку люди и посыпались, ахнули,
Закричали уж где-то внизу.
Остальные молча, едиными махами
Далее на друг друге ехали, как на возу.

* * *

А Аня дробит вся,
Как лист осиновый.
Шею обвила мне,
Вцепилась.
От реки пахло, пахнуло
Шкуркой апельсиновой -
Два грузина с моста туда
Ахнуло.
Некрасиво!

* * *

А иконы все впереди –
Богоматерь Владимирская,
Над Иисусом от пота какое-то марево
И портрет товарищи Сталина.
И туман отслоился, на цитрусовых себя настаивал,
С ленинскими искрами
От народа себя отслаивал.
Гул всеобщий и монотонный,
Перерезался песней вдруг,
Это запел всем нам известный друг,
Откуда-то из «сибирей»:
«Эх, чубчик, чубчик, чубчик кучерявый!
А ты не вейся по ветру...
Но я Сибири, Сибири не боюсь,

Сибирь ведь тоже Русская земля!
Вейся, вейся, чубчик кучерявый!
Ты провожай, эх, провожай меня!»
Слушали молча, прошли – помолчали
Где-то уже за Москвою – рекой.
Только деревья верхушкой качали,
Тихо махали рукой.
А за Петром, а за Лещенко,
Обозначая Алтай,
Зону где-то возле Рубцовска,
Фотографию в глянце
Вскинулся голос Руслановой,
Ничего себя песенка:
«Окрасился месяц багрянцем».
И уж совсем далеко-далеко,
Дальше некуда – Магадан,
Вадим Козин запел «Сулико»,
А после – «Твои глаза зеленые»,
Хоть ложись на экран –
Козин этот и Магадан.

* * *

Выстрел раздался в воздух,
Голос как с баррикад –
Вроде всем грозный
И сам себе вроде рад:
- Ма-а-алчать!
Не крича-а-ать!
Не буди-и-ить!
Пусть лежи-и-ить!
Замолчали, спев по куплету.

На второй уже не взошли.
Им такую бы жизнь, как эту,
В их абстракции, чрева земли.
Ведь не знал, небось,
Ведь не ведал,
Кто с начальником их обедал.
И какая там всякая бось
Не обедала, не довелось.
Все слышали мы, слушали ловко,
Где какая царит обстановка.
Почему, почему, Сатана,
Больно грозен «хозяин страна»?
Замер мир. Страна вся настороже,
Умер в Кремле Хозяин.
Что есть дефис? Кто есть уже
И кто в тире после будет?
Рот подвязали, чтоб не развязал
На том свете, куда идем
В далекие праздники буден.
Власти вряд ли любят народ,
Так же, как власти – люди.
Где-то читал уже или прочту
Пьесу булгаковскую «Батум»,
«Театральный роман», «Дни Турбиных».
Сам Хозяин звонил во МХАТ. Ум
Изошряя, с директором говорил.
А - перезвонил
В тот же, видите ль, миг,
В приемной и говорят:
- Нет директора и не будет.

- Как нет? Только что был!

Вам билет? Что за номер!

- Да, был, - говорят, -

А теперь уже умер.

Вот такие легенды творят

Коты Воланды, эти пруды

Самые чистые.

Эти труды, эти сады,

Это волосы золотые,

Глаза голубые, мглистые.

* * *

Все это нервы,

Былое и думы,

Всякого целый ворох, все пройдено.

Стоим друг к другу близко,

Думаем о трагедии кума,

О «десятке» без права переписки

В судьбе – одалиске,

В твоей судьбе, Родина!

Вот тебе и Соломатин –

Как монумент!

Встал и стоит сидя

Столько уж зим, сколько лет,

Всякое с Воландом видел.

Чистые пруды, Чистые пруды, -

Отмоют ли нас добела?

Или так за труды

Раздетыми и останемся догола?

Чистые пруды, Чистые пруды, -

Московских окон золотые огни.

Раскаленные добела.
Тут и останутся наши следы.
Ночь светла, ночь светла,
Воланду светит Луна.
Чистые пруды, а в прудах от Луны
Детские сны Сатаны.
Тройку запрячь бы в карету крутую
Да прокатить с ветерком.
В грозных портретах химеру литуую
Кровью облить с молоком.
- Как ты думаешь, Валерий Федорыч,
Что будет после Него?
Все же на сердце какая-то горечь
В тысяче без одного.

XX.

И НАСТАЛА НОЧЬ

Перенесемся мыслью с Чистых прудов
Сразу туда, где он
В апартаментах своих трудов
Смертью во тьму погружен.
Никто не думал ведь, что и Он,
Так же смертен, как все.
Оком небесным земной Бог сражен,
Вот и лежит, как и все,
Где-то в своем медресе.
А ведь грузин. Настоящий грузин
Долго обычно живет.
Бегает за вином в магазин
И винограды жует.
- Как ты думаешь, Соломатин?

Кто сейчас возле него?
Фельдшер какой-нибудь, правдоискатель,
Из остальных – никого?
Все остальные вожди отдельно
По одиночке, впопряд.
Всяк на себе примеряет модельный,
Пестрый халат его беспредельный,
Влажный больничный халат.
Делят созданное неделимое,
Отнятое у других.
Если сложить в одно всеми любимое,
Бредни умножатся в них.
Вытащить рыбку бы золотую
Бреднем тем, бреденьком.
Крайне задумчив во всех начинаньях,
Было с кого все лепить,
Чтобы наши поиски, правдоисканья,
Стали в нас око слепить.

* * *

Ночь наступила. Страхи без меры
Лезут мохнато из тьмы.
Звуками приняты срочные меры,
Мы принимаем их, мы –
Под астероид зимы, -
Папа Твардовского сны.

* * *

Очнулся я – кто мне все это
Нашептал, полусонному?
Спят все, сидя возле поэта,
И Анюта на шее где-то, -

Это болезнь кесонная,
Дань всему, богу уподобленному.
В московских окнах тени движутся.
Тоже не спят люди, маятся.
Яйца, что ли, на сковородке жарятся
Или картошка родимая?
Двое на шторе – целуются, лижутя.
Лимита несчастная... взглядом мимо я...
Встанут чуть свет, чтобы
Мчаться на другой конец города.
Но сегодняшний день особый:
«Что ты квасишься, морда?
Соберись в кулак,
Мать твою так!»
Дорогие мои москвичи!
И ближайшая нам лимита
(Слушай страну, не молчи),
Что прихлынула в эти места,
Спрыгнув, как обезьяна с ветки,
На огород к соседке,
А то - как сорока с креста, -
Эх ты, лимита!

* * *

Соломатин, сидя на ящике,
Стал рассказывать, как он очутился в шахте.
- Видите, след от самолета по небу тащится?
Не дремлют ведь, кому надо,
И сегодня на вахте...
В Париже сказали мне:
«Домой не спеши,

В первых рядах не надо.
Не то оттянут от всей души,
Будет тебе награда!»
Вот я и в шахте где-то
Под Новомосковском. Спасибо в то лето
Солдаты в охране были свои же, гунны, -
Из Парижской Коммуны.
Жалели мяса, хлеба давали,
От себя отрывая
«Пролетарии, соединяйтесь!»
«Пятерик» мне дали,
Капая шахтой мне на медали
Французского Сопротивления.
А потом в Орел – за трехсотый столб
От Москвы -- меня, коренного.
Не смотрел бы на Кремль этот - сноп,
Шпион, Казанова.

* * *

Священник какой-то подсел -
С одигитрией на животе.
- Отец Феагнос я, - говорит, -
Совсем окосел,
Силы оставили те.
Дай, - думаю, - встряну-то в крестный ход,
Тут у нас полсела
Из-под Курска.
Оторвался от земли, потек народ...
Эх, была не была!
И я тоже сюда, чтобы в курсе...
Премного грешны мы.

Грешили-то все,

А одному за всех отдуваться.

Чую, в зиму эту

Померзли черешни...

Что же вы, братцы?!.

* * *

Тетка с ребенком на ящик присела.

Покормила грудью – совсем окосела,

Истомясь, уснула, сидя на ящике.

Подошли, дернули ящик из-под нее.

- Что ж вы, мужики, последнее тащите! -

Тетка проснулась и опять за свое:

- На риск иду! Плохо дитю, падучая!

Может, думаю, сам хоть и спит,

А нас, таких, сквозь сон

Кое-чему все же подучивает,

Возжается с нехорошими силами,

Может, дите мое пожалеет?

Снимет с милого своими вилами,

Бесовство-то с елеем.

Что ему – жалко, раз он великий,

Учитель наш многоликий?

* * *

- Ящик поставь на попа, -

Сказал Соломатин. –

Пусть посидит Аниота. –

После того, как раздавив клопа,

Тетка пошла на пруды,

Что тут, рядом. Одна минута.

Петух где-то крикнул, -

Это в Москве,
В центре, на Чистых прудах.
Еще раз всхлипнул
И смолк. Захлебнулся. О камень трах.
Может в мешке прямо
Шею ему свернули
Одним репрессивным движением.
Наконец, отыскался граф Нулин
С высоким своим положением.
Сколько же было тут всяких графьев,
Ударников, интересных!
Всех по столице, с разных краев,
Он изымал из десантов.
Только подумал так,
Шевельнул свой чердак,
Извилины поднапряг,
И ночь, едва перейдя из эндшпиля
В мительшпиль,
Тут же и обнаружила шпиль
Где-то напротив,
Понял это, скорее, интуицией,
Чем классовой-то позицией.
Какис позиции –
Для интуиции?
Опять эти машины с войсками, милицией.
С серый колодец небесный
Меж зданий.
Квадрат.
И то, наверно, тоже тут местный.
Орсол над квадратом –

В Кремле в зале для заседаний
Чего решают, кому как вести?
И куда?
Ха! Куда – это ясно,
Огнеопасно, -
В светлые дали
На обороте медали,
На которую капало в шахте,
Как во время войны
В театре боевых действий – в антракте,
Посреди всей страны.

* * *

Свет еще только брезжил,
Но буквы уже видать.
Встал Соломатин:
- Брежнев!
Будет когда-нибудь, мать.
- Что ты! – сказал матерью. –
Дорогая страна, страда,
Этот Хрущев как кратер.
Кто их всех знал тогда!
И, чтоб разогнать облака
С облаков конных в предначераниях дня,
Взял Соломатин том «Спартака»,
Коснулась тома рука,
И Керры черные, вся эта керрость
Исчезла в ночи, влетев в меня.
А он все бы вникал
В каждый овал,
Строки таскал из огня.

«На арене сражались с похвальным жаром, но без ущерба для себя молодые, еще не обученные гладиаторы, вооруженные учебными палицами и деревянными мечами. Этим зрелищем развлекали зрителей до прибытия консулов и самого Суллы, устроившего для римлян любимую забаву и развлечение.

Бескровное сражение, однако, не доставляло никому удовольствия и никого не интересовало, кроме ветеранов – легионеров и рудиариев (гладиаторов, получивших свободу), оставшихся в живых после сотни состязаний. Вдруг по всему огромному амфитеатру гулко прокатились шумные и довольно дружные рукоплескания.

- Да здравствует Помпей! Да здравствует Гней Помпей!

Да здравствует Помпей Великий!

Помпей, вошедший в цирк, занял место на пьедестале, рядом с весталками, которые собрались тут в ожидании кровавого зрелища, столь любимого этими девственницами, посвятившими себя культу богини целомудрия. Помпей приветствовал народ изящным поклоном».

Глава шестая

День – третий, главный

XXI.

Остановились на Каланчевке –
Площадь такая в Москве.
Еще не проспавшиеся после ночевки
На Чистых прудах, на траве,
На прошлогодней листве.
Здесь-то зарю и встречали,
Зорьку тонкую – зорюшку.
Люди как –то больше молчали,
Наговорились вволюшку.
Сначала чувствовали себя хорошо.
Стояли, как в помещении, свободно.

Но прибывают и прибывают еще,
Становится дюже народно.
Из всех входящих улиц и улочек,
Втекают реки, сотни их, как в Байкал,
А вытекать пока что не вытекают. Курочек
Три еврея лапают, живые пока.
И все остальные тоже живые,
Понабивали собою площадь.
Туда, туда – к Колонному залу!
К центру вытянули ноги свои,
Ветер флагом полощет
Мало по малу по пчелиному жалу.
Все впереди машинами перекрыто,
Где войска уже, где милиция.
Ей богу, столько таланта зарыто
В эти самые туберозы, в лица!
Ловко так, ловко
Держат наизготовку,
На спусковом крючке палец.
Нажмут крючок – и «генух», «алес»!
Однако это только первым видать,
А задние все напирают.
По-немецки от войны еще
Не разучились болтать,
По-ихнему сообщают малость.
Господи! Опять дух из тебя вон,
В каре надо стронься
Двенадцати апостолам,
Округло со всех сторон:
«Не извольте, мадам, беспокоиться».

Это мы опять нашу Анюту
Вовнутрь заключили
Для безопасности.
Нас и потом так учили,
В периоде гласности.
Занимать круговую оборону,
Ценное все – вовнутрь.
Где-то камнем сшибли ворону,
Глазом не успела моргнуть.
Ну, и с Богом!
Богу богово, кесарю кесарево –
Сдвинулись и пошли.
Федечку Куролесова
Чуть было не замели.
Выдернуть хотели из нашей когорты,
Да мы за рукав вцепились, ни с места!
Едва Федю оторвали от «ажана» – черта!
Руки-то длинные, от самого Бреста!
Ну чуть покороче – от Могилева, что ли,
Или еще короче – от Брянска.
Развернулись спиной мы к боли,
Напирающей извне, по-смутьянски.
Впереди затрещало что-то –
Машины, что ль, из оцепления?
Расступалась за ротой рота
От людского давления.
Двинулось, колыхнулось, запело где-то,
На что когда-то было наложено вето.
Подхватили другие
Песни эти благие.

«Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.
Настанет пора - и воспрянет народ,
Великий, могучий, свободный,
Прощайте, же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь, благородный!»

* * *

Колыхалась «змея», напирала,
Продвигалась далее толпа,
Все пурга пургою заметала –
Так безмерна, могуча, слепа.
С утра под ногами хрустело,
Подразмялось все, потекло.
Все чего-то сегодня хотело,
Все гудело, рыдало, кипело
Исключительно жалобно, зло.
«Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно.
Дни и ночью часовые,
Да э-эх! – часовые, часовые
Стерегут мое окно»,
И еще. И еще голоса,
Уже рвут на себе волосы,
А точней, эти самые волосы
Разделяют на тонкие полосы.
«Сбейте оковы,
Дайте мне волю,
Я научу вас свободу любить!»

А с другой стороны
Сны другие видны –
От пожарной от Каланчевки
Коренные прут, полукровки.
Вызывают такое рацио,
Пролетарская, мол, революция.
А на самом деле, нации
На поверхность выперло, вспучило.
«Будь проклята ты, Колыма,
И борт парохода угрюмый,
Сойдешь поневоле с ума...
В холодные, мрачные трюмы»...
И выстрелы где-то в воздух,
Пока жидковаты хлопки.
Остановились мы, себе дали роздых,
Но опять под напором реки
Голоса переходят в буран,
Как в чистилище ада и рая.
«Стоял впереди Магадан –
Столица Колымского края».
Залп и еще залпы, крики
Почти одновременно.
И исказились лики
От воющего тлена.
Где-то измена!
* * *
Знаю, летопись ведь пишу,
Мало чего сочиняю.
Мало чего грешу,
Надеюсь, когда-нибудь сам прочитаю.

И другие про то же самое тут,
Надеюсь, тоже прочтут.
Другого-то ничего нет; душа моя
Пусть привыкает, Брут!
Не сонетная форма, конечно,
Строки одеты не в латы,
Как где-то в Борнео солдаты.
А стиль свободный, вроде беспечный,
И последующий, и встречный,
Турецкий, притурковатый.
Это, чтоб больше верили,
Нас умнее казалась старуха
Та, что открывает двери,
Чтобы носом понюхать
Приобретения и потери,
Какие у нас оказались,
Тут и сейчас оказались у нас.

* * *

А дальше массы снова хлынули,
Как провались в яму.
Все побежали,
Калачевку минули,
Развернули жуткую драму.
Ходынка прямо, кровава.
Николай Второй мерещится, как в тумане.
Втиснуты в улицы флагов ткани,
Туда-сюда их мотает держава.
И понеслась, понесла,
А как иначе? Амба, тама!
С боковых переулков все новые толпы

Двигутся прямо –
На шоссе Ленинградское,
На улицу Горького вынесло.
Магистраль ведь, а узость адская.
И минутка.
Какие-то колбы,
Под дых тебе, по лбу, -
Водовороты эти людские, -
Жутко!
На пути словно дерево выросло –
Баррикада из «студебеккеров»,
Во каких здоровенных!
Смяло толпой кой-кого,
Перешагнуло, дальше двинуло.
Когда-то здесь, этой улицей,
Вели немецких военнопленных,
Показывали народу
Чужую породу.
Еще раньше встречали челюскинцев,
Чкалова провозглашала столица.
И перед глазами уже не лица,
А одни нули, нули,
Все в ничто успело уже превратиться.
Ноги шире, локти чуть в стороны –
Виси в воздухе, висни-ка на других,
Пусть и несет вперед,
Несут тебя вороны -
Хоть куда, до той же Манежной.
Вот что такое «час пик»,
В красно-черном вся на тебе одежда.

Многоликость, та же самая дикость
Для женской природы нежной.
Анюта клубком у меня на шее,
Держу ее на руках, как ребенка.
«Апостолы» спиной сюда,
Туда-ликама.как украшение,
Сюда - просто не хватает воображения
Рассказать поподробнее, как по Ходынке,
По этой Аппиевой дороге
Идет этот крестный ход,
Перекрестный, вброд,
По реке происходит движение.
Одна старая женщина с костылями –
Инвалидка войны, наверно,
Присела у самой стены,
На асфальты так и осела.
Так первые по ногам у нее пошли,
А задние встали уже на нее,
Нали пены
Из перекошенных ртов,
В дополнение к драме
И вовсе по ней двинули,
Прямо по телу, прямо по голове, по лицу где-то в яме,
На глаза наступили.
А дальше и вовсе забыли,
Что где-то внизу человек -
Тряпка, вытянутая в стельку.
Просто по стельке сапогами рубили,
Шли по ней, двигали,
Выдыхом перетреты,

В свой бесноватый век,

В год этот 53-й .

* * *

И опять баррикада. Опять машины.

Наткнулась толпа на остров.

Одному «студебеккеру» прокололи шины,

Другой до основания размели тут же,

Оставили один остров.

И в двери домов, проломаясь,

На крыши полезли, идут по крышам,

От крыши к крыше,

Все выше и выше,

От толпы внизу́ отделясь.

А где-то справа, в какой-то нише,

Оттащенный туда за ноги,

При винтовке у рта с куском хлеба,

Лежал навывтяжку молодой солдатик,

Неподвижный какой-то, неловкий.

Синими глазами глядя в небо.

И тут же валялся детский халатик,

Чепчик и чьи-то ноги,

Тапочки на дороге.

* * *

Так и шли мы, сплоченные в круг, -

Каре дружное, круговое.

То лицом, то спиной наружу вдруг,

Сочетаясь между собою,

Это наше постоянно живое.

Черное люди, черные стены,

Черный под нами покров.

Где Соломатин? Взбухли вены.
Черная, черная кровь.
И только где-то по бывшей Тверской,
Ныне по улице Горького,
Или, наоборот, нас куда-то в толпищу несет
Этот конгломерат людской.
Вниз и налево, где Дом
С Колоннами белыми,
Колонный зал Дома Союзов,
Бывшее Дворянское собрание, -
Белым зияет на том,
Темным пятном, как обуза.
Этому белому, словно зуб, вставленный в челюсть заранее.
Красный гроб в трауре,
Оспинки с лика пропали, -
Сам Хозяин, бауэр!
Из железа и стали.

XXII.

По Тверской валили,
Вниз по улице Горького.
Как тут и были, как тут и были!
Недосчитав уж не то, что кой-кого,
А многих на пути.
Под собой в потоке оставили --
Лежащими и сидящими,
Живыми и мертвыми,
Бывшими на ходу спящими,
Ныне уже смердящими,
Не проехать и не пройти,
Чтобы миром их Керры правили.

Кремль впереди показался,
Вот и туман рассеялся –
Перед башнями, алыми гроздьями -
Золотистыми, звездными.
Так и манило, так и тянуло
Туда, к ним душой причаститься.
Оторваться бы от этого гула
Хотя бы частицей!
Хотя бы сама частичка куда-нибудь делась.
Ушла куда-нибудь в сторону.
Сунулась бы в подворотню,
Но толпа как сковалась в одно,
Как скипелась в свои экскременты,
Так и шла вперед, двигалась, как в кино,
Как в том же «Чапаеве», -
Черные, каппелевские фрагменты,
Офицеры с винтовками наперевес.
А в натуре мешки с «парашютами»
За спиной, фляги с банками воды,
С чемоданами деревянными,
Как мы, полные всякой беды.
Все нас попутал бес,
Бросил в это чертово, богово,
Как в болото, в лес,
Каждый в свое логово
Влез.
У Центрального Телеграфа остановились.
Солнце начало припекать.
Уже полдень.

Все внутри чертенята в омут сбились,
Как сбесились,
А мы все о своих краях вспомнили,
И каждый о себе подумал:
На что он годен?
Подумали и мы о своей Орловии,
Об Оке – поясе Богородице,
Облик мил, но и строг,
Как острог.
Все реки текут с Севера на Юг,
Или с Юга на Север,
А эта одна поперек.
И, как водится,
Перекрестились, крещеные, на Телеграф,
На каком минуты стрелками с часами заодно встали,
Сплотились, свыклись, свыкнулись,
А сваты, - кстати, чей-то деверь –
Там, оттуда,
Из глубинки России, сюда в столицу, -
Откликнулись.
И Анюта поцеловала меня
Впервые,
Прямо в губы.
Все на момент
Какие-то стали родные,
Друг другу любви,
Когда слышали отдаленный,
Как шум леса зеленый,
Бой курагтов на Спасской,
Звук как будто воском пчелиным павоцеленный -

За Красной площадью.
- Ты что, Анюта? –
Смотрю я ей в глаза,
А у нее там слеза.
- Я тута, - говорит мне Анюта.
И такая волна прошла по мне, теплая,
Такое нахлынуло,
Что ни в сказке сказать,
Ни пером описать
Поподробнее,
Когда все это минуло.
Ни тому, что только что было воздать,
Ни тем, что далее двинуло.
А я-то думал,
Мы за эту ночь и полдня
Разучились смеяться.
Вот как пробрало меня,
Братцы!
И Соломатин вдруг оказался,
Ни с того ни с сего, - с книжкой.
Со своим «Спартаком».
Стоят все, сплочены,
Со всей огромной страны.
Ну, кто бы мог подумать тогда,
Что с нами будет когда-нибудь после, потом, -
Как с Мишкой?

* * *

- Итак, - говорит Соломатин –
Герой французского Сопротивления,
Шахтер недавний из Подмосковья,

А, ныне свободный житель Орла,-

На чем мы остановились?

Что отсюда ухватим?

Вот, страница 166-я.

И что тут новое:

Как там римляне сражались, бились?

В общем, какой жизнь была?

Вник и я в то слово толковое.

«На Форуме, в базиликах, под портиками, в храмах, в лавках, на рынках повсюду собирались люди всех возрастов и званий и сообщали друг другу новости. Кто громко оплакивал несчастье, а кто еще громче благословлял богов, пославших смерть тирану и освободивших наконец республику от порабощения. Поднимались ссоры, раздавались взаимные угрозы, вспыхивали затаенные обиды...

Волнения разрастались и становились все серьезнее. Поскольку консулы принадлежали к двум враждующим партиям и с давних пор вели скрытую борьбу между собой, теперь страсти забурлили, противники приготовились к бою, гражданская война была близка и неизбежна.

Пользовавшиеся авторитетом граждане, сенаторы и консулары (бывшие консулы) старались унять волнение, обещая провести реформы, издать новые законы.

Многие сенаторы, граждане и отиущенники из трибы Корнелиев не брили бороды, надели темные тоги и ходили по городу с унылым видом; женщины, тоже в трауре, с распущенными волосами, бегали из одного храма в другой, призывая покровительство богов, как будто со смертью Суллы Риму угрожала небывалая опасность.

Их осыпали упреками и насмешками враги Суллы, радуясь смерти диктатора.

Через три дня после смерти Суллы в центральной части города на мраморных досках и на преторских альбомах, где вывешивались разные распоряжения, появилась следующая эпиграмма:

Диктатор Сулла гордый
Намеревался править Римом твердо.
За это сей наглец
Наказан был богами наконец».

* * *

Соломатин прикрыл ладонью страницу,
Огляделся по сторонам.
Ближние придвинулись лица,
Обозначили интерес ко всем нам.
Спрашивать стали, откуда мы –
Все двенадцать?
Пошло-поехало, покатило, как по волнам,
Заволновалась нация.
Соломатин тут же куда-то исчез,
А мы остались - все двенадцать.
Через какое-то время к нам сюда
Хмырь какой-то в гражданском пролез,
Чокнутый малость.
- Где, - говорит, - этот мужик
С книжкой-то запрещенной?
- Да вон, - отвечает сосед-старик, -
След его уж простыл,
День-то прощенный.
Воскресенье, – говорит дед, -
Скоро будет прощенное.
Прощеное воскресенье иль нет,
А будет амнистия,

Христос воздаст каждому
За спасение истины.
- Ты, - говорит тот мужик,
Что в гражданском, -
Поменьше болтай,
Не переходи на крик,
Не на форуме Каннском.
- А что это, что это? -
Интересуются люди -
Граждане Рима,
Москва же третий Рим,
Который всем просто необходим. -
Что это - Форум?
И где это - Каннский?
- Не ваше дело -
Спрашивать хором. -
Сверкнул мужик следом за стариком
Погоном под своим пиджаком.
Вот такие-то сцены, картинки
Вышиты были из крынки.
Слышались ажник искринки,
С глаза от глаза, зараза на рынке.
Мы все такое всегда говорим,
Когда отрицаем и бдим.

* * *

Наклоняюсь к Анюте,
Шепчу на ухо:
- Анюта, ты тут?
О божественная, божественная?
Божественная Валерия!

- Почему божественная,
Почему Валерия?
- Так говорил Сулла торжественно
Своей возлюбленной
В прериях.
- Почему в прериях?
И что – диктаторы тоже любят? –
Задаёт вопросы Анюта.
- Кто чувства мерил? Бес попутал, -
Говорю про чувства ему, как мангуста,
Когда голову рубят.
И оглядываюсь по сторонам –
Ищу спину того мужика,
Что в гражданском,
В пиджаке этом самом, «гигантском»
И поддатый слегка,
Однако, внимательный к нам,
Как и ко всем,
Кто оказывается близко,
В его полосе.
Все помешанные: городские – на мясе,
Городские и деревенские – на колбасе.
Идея давно уже существует, есть
И ещё долго будет.
Будут жить так: кто где и чего добудет,
В Москву станут чаще ездить,
А не то даже в Дрезден,
В нашу зону, к самому Робинзону.

Постояли, постояли у Телеграфа,
Настроение как-то развеялось.
Показали сноровку,
Легче стало. Женщины пили зубровку.
Тетка одна потеряла заколку –
Жирафа!
Длинная такая, волосы по плечам раскатились,
За пазухой что-то с лифчиком склеилось.
Говорила всякое, а сама
Лазила туда ловко, -
Смотрела, какая там обстановка.
Что затеяла, черпобровка!
Анюта даже с лица покраснела,
А бабе той хоть бы хны,
Корове той деревенской,
И это, скажите, дело?
А может, она и городская.
Пуговичка расстегнута в кофточке импортной, венской,
Грудь слегка волнуется,
Розы по сатину-то полыхают.
Бабы туда деньги пихают, -
Видят со стороны
Все «ажаны» Вальжаны страны.
Сколько их тут, всяких встречных?
Многие при взгляде на них язык прикусили,
Стали думать о вечном.
Мерещиться начали даже черти,
Не где-нибудь, а в Белоколонном зале,
Возле смерти.

Господа-товарищи, верные,
Шею за что на плаху кладете?
Кто еще, а кто уже после –
Все мы у них на зарплате, в заботе,
Как какой-нибудь козлик.
Щиплет травку вверху он, где-то на хате.
Как в русской народной сказке,
Катят с крыши салазки.
У нас в стране каждый второй – поэт,
Как в Италии каждый музыкант – первый.
Вот разыгрались нервы,
Как недавно у Телеграфа!
Когда мимо проходила Жирафа,
Чтобы ощипывать с себя перья!
Спросите, какие там перья?
Как у Пушкина, не гусиные же,
Которыми пишут,
И красивое и некрасивое,
А каждое в своей амбразуре, нише,
Как у какого-нибудь Ницше.
Слово даже нельзя назвать такое
Тихое, первое.
Тем более потрогать рукою, -
Сквозное, наверное.

XXIII.

- Давайте теперь, наоборот,
В одно все сплотимся.
Каждый пойдет и телеграмму пошлет
Всем городам Земли!
Обрадуем папу, порадуем маму, -

Ай да молодцы мы, сыны! Ай люли! –
Сказала Анята. – Что нас тут двенадцать,
Что живы мы, братцы!
Что вместе мы со Спаргаком
По всем закоулкам сурово и гулко
Сквозь испытанья идем.
- Давай, давайте! – сказал я. – Ребята!
Пойдемте на Телеграф!
И тысячи, тысячи слов, кенгурята -
В Австралии где-то получают,
И даже под Тулой
Граф Лев Николаич Толстой,
И наш человек в Гаване простой.
- Что вы, ребята! Мои кенгурята!
Сказал четко Коля Брюньон,
Он же Петров, Водкин-Петров,
Мне – Шурику Бантику. –
Видишь, мой шеф? Будь здоров,
Замок в двери для коров, -
Фантастика просто, замок небывалый!
- Давай, давайте, давайте, ребятки,
Оставим на нем отпечатки! –
Смеялась Анята, племянница Брута.
Ожила, сбросила бремя оков,
Пройдя через пару деньков
Сюда из Древнего Рима.
Оставив где-то полмира,
В той четвертинке веселой Москвы,
Где в предвосьхищенье травы,
Лезут уж и через асфальт,

В глаза забывдки глядят.
- Анюта, Анюта! Я тута, я тута! –
Казалось, смеялась Москва. –
Мы ожили, живы,
Не сделались лживы,
Не стали мы черными,
Року покорными,
Как эта, как эта, как эта трава!
Да здравствуем мы и Москва!
Да где ж Соломатин?
И где там Спартак?
А вот и Манежная площадь.
Налево, сказали, идти если – так
До Дома Союзов, где мощи,
Где мощные мощи спокойно лежат.
Десница будь Иоанна Предтечи
И та, возлежи с Керрой этой в подряд,
И та нам не сбила бы речи.
Да здравствует стойкий русский язык,
Который пока что велик!
Пока что особая гордость и стать!
Но что это? Все говорят на нем, думают,
А запрещают писать,
Что у них – плохо с юмором?
А если без юмора, то просто трагедия, ад.
Просто трава пробивает асфальт,
Чашу сию выражает Грааль, -
Так на Москве говорят.

Рвет и мечет, в куски настроение!
То смеялись, чуть ли не хохотали,
А то как уперлись в стену «Студебеккеров»,
Так и застряли, толпы стоят,
Начали делать перестроение.
Кому – налево, кому – направо,
Кого под нож, под топор пустить.
Держится на старшем брате держава,
А брату кровь всяк желает пустить.
А с брата будет еще долго-долго
Лыко драть, с шеи великой.
Вон течет река Волга-Волга,
Вся в барашках и бликах,
А по берегам – хлеб вприглядку,
Не знают, что такое асфальт –
Серый асфальт, многоликий.
Лампадку Ильича повесили так, для порядку,
Чтобы себя окунать в мораль,
Кто от кого не зависим? Что такое империя?
Торчит на Мавзолее, кажется, Берия –
Один в шляпе, остальные – лысые,
Вытерлю лысину мыслями.
Товарищ Сталин один лишь с гривой,
Парик, скрещенный со сливой...
Да куда ж хоть Соломатин-то делся?
Неужто опять отсюда и в шахту?
Недочитали с ним Спартака!
Недосчитали Ленина и тех,
Кого задавили, кто жив остался,

Встав на вахту
По послаблению бардака.
- «Поняли, куда летит время? –
Пишу после и думаю. –
Если б на вас навесить такое бремя,
Было бы не до юмору».
Шахт не хватало, все копал бы я
Новые, новые –
В той же хоть Воркуте.
«Ах, Воркута! Холодный город Заполярья!
Столица тундры?
Туда лечу я
Да из Батума и Пицунды».

* * *

Заметили, как мыслим – то провинциально
Все мы в Адамове!
Хоть я и Арсений – мой друг идеальный
И прототип его драмовый,
Артист народный, Василь Семенович,
Который собран весь из запчастей.
В Москве - столице, пока не зеленой
(Март ведь и асфальт не пробит травой
Даже и под Москвой).
Из бремени и горстей
Эстетику делают тропы,
Шатая нас всяких мастей?
Вот что значит вместе
Жили мы с Чигриневым в Адамове.
Факты, хоть тресни,
Общие, многоплановы.

Влияют на мораль, на эстетику,
Когда на слово наводят косметику.

* * *

В общем, от Манежной двинули направо,
Так Дом Союзов и не увидели.
Правда краешек, издалека. Салатного цвета.
Браво! Поток пошел!
Зато вот они – Манеж, Ломоносов, Библиотека.
У Дома Пашкова присели на холм,
Огляделись – никого не обидели?

Нет ответа.

Молчали тома, дома, а в них – хохлома.

Трагедия и драма.

А все остались «тама»,

А «стута» – Апота.

И телеграмма

Без всякого дела валяется.

Тут же и пилорама,

Лес расстилается -

Для библиотеки, построенной навеки,

А уже ведь патается,

В недрах где-то метро расширяется.

* * *

Снова в душе смута.

Не попали туда, куда ехалось.

Половина Москвы раздета – разута,

С утра дрыхнет, на картонке сидит.

А на другой половине,

Как на гефестионовой льдине,

Все взмыкалось уже, взбегалось.

Вылетят, глянут на нас, в наши лица:

- У, провинция!

Все ходят, бродят по улицам –

То с белыми, то с красными,

А то в будущем с трехцветными флоксами.

Ездить сюда не решаются.

Перепутают время, скряги,

Опять понесут не те стяги,

Что требуется.

Посидели мы так, посидели,

У дома Пашкова,

На Москву поглядели

И видим:

Толково! – толпы уж схлынули

К поездам своим, по вокзалам,

А тут еще кое-кто вроде нас остался.

- «Дай, - думаю, - пройдем назад

Да глянем на пройденное.

О господи! Кровь по асфальту

Люди раздавлены, трупы,

Иммуны, иммунитеты...

И лакала из какой-то халупы

Гитара коммуны струны...

И ботиночки детские... и очки...

А в сердце толчки.

Если каждый десятый,

То с Монблан, считай, поднимем всю эту смальту,

Пену златокипенну...

В Освенциме видел таких ботиночек

Массу – огромную комнату, до потолка.

Рядом очки такого же класса – от каждого аса...

Боже, сколько людей смогло упокоиться?

Вышел на открытый воздух –

Разрыдался,

Все никак не мог успокоиться,

Дать душе роздых.

* * *

А вот и Соломатин! Живой! Как мы рады!

Ни лицом на асфальт. Ни животом в шахте.

Прими, наш герой, от сердца награды,

И все вы, кто пал... ах ты, ах те...

«Прощайте, товарищи! Все вы прошли

Свой доблестный путь, благородный.

И с горечью горестный дух пронесли

С судьбою своей и народной».

- Слушайте - сказал Соломатин

Всем нам двенадцати вместе с Анютой. –

Слушайте слово, оно такое,

Кстати, -

Об эпохе героев и жизни сиюминутной.

«По этому полю смерти бродила лишь одинокая фигурка, с трудом пробираясь среди бездыханных тел, которыми было усеяно поле.

Выйдя на освещенное лунной место, она вдруг заблестела, словно серебряная, и тогда стало видно, что это воин.

То был, наверно, гладиатор или римлянин, движимый великодушным намерением посетить в такой поздний час это мрачное поле.

Воин долго бродил по полю, пока не донел до того места, где было пагромаждено больше всего трупов и где пал Спартак. Здесь воин остановился. Склонив голову, он рассматривал бездыханные тела, пока не разыскал наконец

труп вождя гладиаторов. Опустившись перед ним на колени, маленький воин не без труда поднял белокурую голову фракийца.

Лунное сияние осветило покрытое смертной бледностью лицо гладиатора, такое же прекрасное, как и в жизни, и маленький воин, по лицу которого капились слезы, с рыданиями прильнул устами к безжизненному лицу.

Воином этим, как читатели могли догадаться, была Мирца...

- Спартак!.. Брат мой!.. – восклицала девушка слабым, дрожащим от волнения голосом».

Но тут все увидели того мужика,
Что и там, на Тверской,
И что был в гражданском.
Заметил его и Соломатин,
Хоть был тот и без пиджака,
А и теперь в обличии штатском,
В «лапсердаке» каком-то на вате «гишпанском».
Однако все те же погоны под ватником.
Взгляд, четко поставлен, а мечется.
Если бы стройка – был бы десятником,
А в столовой – старая «перечница».
Валерий Федорыч сунул мне «Спартака».
Понял, что не обидимся.
Буркнул сквозь зубы всем:
- Ну пока,
Когда-нибудь свидимся.
И исчез, растворился в пустыне,
Как Анчар у Пушкина в мареве.
Или, как полярники-челюскинцы,
Лучше бы угонули на льдине, -
Арктики послезимней хозяева.
Так и остался в моих руках

Этот вот Джованьоли.
Как только агония, какой-нибудь страх,
Так все к нему, как ни грози я,
Препарируя из области анестезии,
Для душевного обезболивания.
Герой есть герой.
Хоть и французского Сокровения,
А хоть и римского форума гладиатор.
Пчел на пасеке рой,
Тем не менее,
За пылью летают ребята,
Из какой мед делается,
Ради здоровья части
Нации.
Опять забегая вперед,
Скажу, поедет к нам в Адамов народ –
Целые делегации.
Знаю, путаю время –
Прошлом с настоящим
Как и с будущим.
Однако съездили вот в Москву,
С души сняли бремя,
Как пепел в живородящем, -
В лица!
Память мирным гражданам и военнослужащим –
Зрящим и бдящим,
За спиною граница!

XXIV.

На Курском вокзале их в спину пихали:
Скорей отсюда, провинция!

Все претесь к нам за колбасой, нахалы,
Ей богу, нахальные лица!
Чтоб вам апельсинами тут подавиться!
Сосисок в бистро напрутся,
Чаем запьют, и довольны.
Колбасы докторской наберутся –
И назад к себе, в свои провинциальные войны,
Где рубль добывают потом и кровью,
В разборках турецких.
В Москву приедут, себя выражают
В мафиях своих молодецких.
А вернутся – больно много знают,
Суть извлекая из орехов-то грецких,
Не все эти мысли потом принимают.
А пока мы – на Курском вокзале,
Торчим - редут у нас за спиной,
Не взятый, в закрытом забрале,
Какой-то чудной.
Стоим мы на площади,
У центрального входа,
Ждем поезд -
Свой или хоть какой
Южного направления,
И тут «полуторка» мимо народа,
В полторы тонны грузоподъемностью то есть,
Проходит сквозь нас. Нет сомнения,
Что в ней Соломатин.
Сидит между двух,
Оба в гражданском.
Вздрыгнул, увидев нас:

- Эй, ребята!

Вскочил бы, сидя на мостике

На своем капитанском,

Да сдержался,

Не издал ни единого звука,

На лице отразилась мука.

Смотрели мы вслед,

Высочив на дорогу.

Не махали, не крикнули: «Дед!»

А сочиняли общий куплет,

Каждый – свою эклогу.

Это событие все затмило,

Суть разъяснило всего.

Все, что когда-то не было – было,

Стало ни с того, ни с сего

Очень даже понятным и ясным,

В смутности прошлых лет,

Юности, дням безнадежно прекрасным,

Терпкий придав пинетет.

- Ребята! – и голос осекся у Ани. -

К фиесте фиеста!

Давайте вернемся назад!

И с гор Воробьевых, с высокого места,

Взглянем на московский фасад -

Столичный, двуличный, первопрестольный.

Что скажет на это Москва?

Какие придут к нам слова?

* * *

Мы сели в какой-то автобус и ехали,

А после по краешку шли

Своими, известными вехами
К таинственным блефам земли.
Стоим и глядим; под нами внизу,
Дугою нисходит река,
А дальше Москва возникает в грозу,
О, как ты, Москва, велика!
Как ты глубока и как встречна!
Но что же ты так сыновей
Не ценишь, не бережешь так извечно,
При всей своей памяти нежной,
Безмерной дороге своей!
Здесь Герцен с Огаревым когда-то
Москве клятву чести давали,
Орлята!
Какие же были ребята!
Себя ей, свой дух посвящали.
И колокол громкого боя
Ударил в свое и чужое.
И молча общались мы между собою,
Впиваясь глазами в те улочки, в те,
Какие вели и везли в закоулочки,
В подвалы в своей пустоте,
«Полуторки» бледные, жадные те.
Я против «полуторок» этих
В гражданских тех «пиджаках»,
Которые метят и метят
Абрис головы в Спартаках.
Их гордый, прямой поворот
И тот прометеевский взгляд,
Каким испокон и живет,

В тебе выражая свой ад
И колокол громкого боя
Ударил в меня и стучит.
Мы все, Соломатин, с тобою!
И он не молчит, не молчит
Воробушек тот, воробей!
Что смотрит с горы этой всей.
Его хоть убей, хоть убей!
А он все не будет молчать –
Чирикать, пиликать, кричать...
- И он Спартака мне открыл!
Раба во мне выдавил он! –
Сказал вдруг Коля Брюньон.
И очень он восхитителен был
Для тех, кого он любил.
Однако из чего хоть я соткан?
И знать захотелось другого –
И первого, и второго...
О, Петров-Водкин!
Скиф и сармат!
Куда тебя грезы помчат -
Из первого во второе?
Станешь интеллигентом в бородке –
Сопьешься, станешь синим от водки?
Или уедешь вот так же в «полуторке»?
- Эгей, рассчитайсь! На первое и второе!..
Не стал дышать Ане
Перегаром в лицо,
Бутылку культурненько выкинул,
Как и Спартак в сражении при Бадане -

Перед концом
Бровь, как у Есенина,
А потом и как у Гагарина,
Изломанно выгнул.
- Давай я, - сказала Анята, -
Дочитаю вам книгу, ребята!
Еще минута,
И я расплачусь,
Как все это, видите, свято!
Она читать нам читала,
А сердце каждого из двенадцати
Не молчало –
Стучало,
Стучало!
В Воробьевы горы, во все,
А мы слушали и запоминали.
И передавали
Туда – вниз по косе,
По золотой цепочке времен,
К Белоколонному Дому,
Где сейчас лежал он,
Что, впав в кому,
Тоже слушал,
Кто чего съел
И чего еще недокушал.

«Спустя две недели после сражения при Бадане война с гладнаторами была окончена... В плен попало не более семи тысяч; все они были повешены вдоль Аппиевой дороги, от Капуи до Рима.

Так окончилась эта война, длившаяся почти четыре года...

Пала римская тирания, на смену ей пришли тысячи варварских тираний. И лишь постепенно, в результате медленного, но неуклонного движения вперед человеческого разума, непрерывного движения науки стало возможным после столетий кровопролитных битв прийти к французской революции 1793 года, которая восстановила наконец – по крайней мере, в законодательстве – права человека и гражданина... (Однако) стоит прислушаться к отдаленному смутному гулу, доносящемуся до нас, время от времени смущающему видимое спокойствие мира; эти мрачные раскаты грома – провозвестники еще более неистовых ураганов».

- О божественная, божественная,

Божественная Валерия! –

Выдохнула Анна,

Она не могла дальше читать.

И, взяв книгу из рук ее,

Я дочитал.

«Вдруг Валерия вздрогнула и, поднеся к глазам папирус, который она продолжала держать в правой руке, стала перечитывать его.

Дивной Валерии Мессала

Спартак

Шлет привет и пожелание счастья.

Из любви к тебе, моя дивная Валерия, я встретился с Марком Крассом и сказал, что слою оружие. Я готов был согласиться на все из-за любви к тебе...

Однако я предпочел быть неблагодарным по отношению к тебе, бесчеловечным к моей дочери, чем предать своих собратьев и покрыть свое имя вечным позором.

Когда ты получишь это письмо, меня, вероятно, уже не будет в живых. Будь сильной. живи. Слезы сжигают мне горло, я задыхалось... к тебе стремится моя последняя мысль, последнее биение сердца твоего Спартака».

* * *

А из-за спины возносился в небо
Мощный, острый шпиль Университета,
Сколько на рашпиль этот ухлопано хлеба,
Сколько счастья залегло во все это.
И через него сюда алыми гривами
Западало заходящее солнце,
И голоса жестяно долетали порывами,
Грохались в Москву-реку в зазеркалья воды с того конца.
- Будешь учиться тут! -
Сказал я Анюте. – Милая,
Я с собой ничего не поделаю...
И тут лебеди, пролагая маршрут,
Сели рядом – белые, белые,
Завтра были бы уже на Родине,
В озере плавали бы где-то на Севере,
А вчера еще сидели где-то на клевере,
Так, у Белой Глины, в Адамове.
Видишь, Анюта, как ходят они?
Сбоку на бок переваливаются.
- Как серые гуси, да?
А по озеру как красиво плывут,
Когда плавают, как расплаваются!
Что значит для них, для всех нас вода.
Белы лебедушки, как царицы,
Исключительна грация!
Стою, Аннушка: или мне это снится?
Возрождается нация?

На том поездку в Москву и закончим:
Впечатления на оптимистической ноте.
Неустанная!
Ты в полете,
Лебедь белая, из Адамова!
Лебедь белая из Адамова – вы, любимые
Ангелы в самолете!
О божественная, божественна Валерия!
Белая Глина,
Места белые,
Вы к себе меня ждете, -
Неопалимые!

Глава седьмая

XXV.

Вот и съездили в Москву,
Вот и съездили!
Возвращались в «пульмане»,
Опять же в товарняке.
Самое главное,
Всего внутри
Резало лезвиями:
Любовь была в каждой строке
От Добрынина – композитора,
Который еще только будет,
Согласно «машине времени»,
До самого Аристотеля, что ли,
Душу ломило от боли
В темени,

Зато грудью всей
Дышалось преудивительно:
«Никто тебя не любит так, как я:
Ни лучшие подруги, ни друзья.
С ответом я тебя не тороплю,
Поскольку никогда не разлюблю».
И это все относилось к Анюте,
К Анне на шее, какая была
Там, в Москве, у меня.
Все по минуте, по единой минуте
Мог бы я перечесть,
Как дыханьем огня
Всего докрасна, добела
Обжигало меня.
Вот за такое, за это
Я за ней хоть куда на край света!
И как-то из техникума, из Орла,
Отправились мы в свой Адамов.
И был конец мая,
Черемуха уже отцвела.
И мы друг к другу ходили садами
В белой кипени яблонь
И, Москву вспоминая,
Думали о тех днях,
Как о лебедях -
Белых, белых,
В счастьях своих заиндевелых.
И все хотелось проверить нам,
Где они сели тут у нас и сидели,
Прежде чем

На Воробьевы горы к нам туда прилетели?
Где у Сучьей, что под Орлянкой,
Они присели
И замерли – посредине Земли?
И что там от них осталось – золото, медь,
Прежде чем им улететь?

* * *

Жарынь была, день стоял жаркий.
Стайку мальчишек с Репьевки собрав,
Тем и сделав себе подарки,
Мы отправились к ликам дубрав –
В мирских своих, белых рубахах
В этот с детства любимый анклав.
Как с откоса глазом ширнули,
Так сразу и определили,
Где тут лебеди тогда шеи гнули,
Белые пятна, как тут и были,
Остались навечно,
Как и ветер встречный
В этой белой, белой яви,
В знак памяти о нашей любви.
Танки когда-то горели тут неоробелые,
Ходили по полымю – кремнем,
В битве на Орловско-Курской дуге,
Но так изнутри и остались ведь белыми, -
Неопалимые!
В битве за наш Адамов!
Семь месяцев шли семь километров.
По дивизии в день погибало
В местах этих, пламени метров.

Глина врага не пропускала, глина!
Белая Глина!.. Джованьоли и Леонкавалло...
Так и осталась, она неопалима.
Мал городок, однако герой великий,
Ибо героев не бывает малых, велики лики,
Наш неопалимый Адамов!
Видите, в рифму перестал говорить –
От волнения, из естественности.
В детстве сам пережил тут все это,
Попробуйте пережить,
А после с любовью
К лебедям все это смешать –
Сделать белыми-белыми, с Белой Глиной –
Белой, непопальной!
Говорят – лечит,
Говорят – огнем метит и мечет,
Говорят – недра – свечи,
Светят в душу, не дают успокоиться,
А я знаю, лебеди тут сидели –
Еще с древности,
Вот и замерли,
Как присели,
Чтобы навеки тут упокоиться...
Вот легенды какие тут есть, как и были!
Мифы такие!
Белое в глазах как бросается.
Кубаны из глины делают тут любые,
Очень красивые, людям нравятся,
И молоко не скисается.
А теперь снова в рифмы пойдем,

Как настроились.
Встали с Анютой идем на подъем,
Успокоились.
Ребятишки ловят гольцов, в Сучьей – прорезь.
Ну, а мы Соломатина вспомнили,
Тоже ведь из неопалимых, а совесть!
С совестью необозримой – повесть.
Вон куда отсюда и туда, до Домнино.
- Милая ты моя Анюта!
Ты – тута?! – кричу я,
Неистовый и веселый, как в детстве.
И тут меня, как бес попутал,
Давай босиком бегать
По травам зеленым в соседстве
С лысыми пятнами Белой Глины.
Как, бывало, прашуры наши – кравенцы
Бегали по звездам – по вечам.
А на шее у меня -- образец старенький
Еще от деда нашего, тоже Бантика.
Где-то там Антарктика
Берега омывает,
А тут у нас речка Сучья
Туда же в океаны течет из кустов колючих.
Прибежали ребятишки:
- Анюта, Анюта! Мы – тута, тута!
И гольцов в ладони ей,
Недожаренных.
А она им весело:
- Ну, это уж слишком!
И давай то гоняться за ними,

То петь про очи карие
И хлестать веткой зеленой
Поземи, поземи...
Отошел я в сторону,
Сел на пятно белое.
В траве ядерной –
Хоть коси, хоть паши,
Хоть ходи вороном -
Впросини, в седей прозими -
Этой, оной.
А пятно пожелтело слегка,
Поднахмурилось. Ой ли!
Чем-то задели мы тут эти века,
Обеспокоили.
Страшновато стало, силы глубинные
На нас криво вроде бы глянули, -
А старинные.
Соломатин смотрит в ресницы длинные,
Слезы коротко грянули...
Глины девонские, силы как прут, -
Невообразимые,
Щупальца лебедю белому!
Хорошо тут.
Белые из-под низу к тебе, Брут, -
Неопалимые.
И подумалось мне:
«Вон какие у нас мечты,
Земля поразительно сложная.
В нашей-то стороне!
Мало что о ней знаешь ты,

Сумка пуста почти подорожная!»
Вот когда в первый раз захотелось
Пойти в землемеры земные,
Войти во все кадастры,
В их атмосферы.
Вот и свелось все к тому,
Что уж в зрелость
Принял я меры,
Стал зажигать Земле астры,
Звезды считать небесные –
Веги.
Товарищи!
Товарищ Онегин!
Не начальник, а изначальник наш строгий!
Слова-то какие местные:
ПУШКИН, что проезжал
«Царской» дорогой,
ЧЕРНОЗЕМ наш, земные КАДАСТРЫ...
Бегали-бегали по лебедям
И набегались,
Черным по белому, -
Град как грянет –
С куриное яйцо!
Да по голове да в лицо!
Как все сразу белым вдруг станет!
Одеяло реально,
Зима зеленая, полузеленая,
Совсем белая.
Господи! Сучья-то оголеная,
Карта по местности легла крапленая,

Дама пик
Исказила лик.
А мы все почти голые,
Босиком, босиком по снегу –
Куда бежать?
До дому-то три километра!
Соль из града вообразили,
Кисель воды, разносолы, -
Бежим на Репьёвку,
До ближайшей хаты
Задом, спиной от ветра
Бежим, бежим – сядем,
Подую я на ноги Аниоте,
Подышу дыханьем горячим,
Из себя выхожу, аж рвота.
А как иначе?
Как еще-то?
Разве это забудем,
Не околеть бы – кем будем,
Что скажем дома, людям?
Это после – потом
Про этот кисель, студень?..
Солнце глянуло, а уж поздно.
Мы – то живы, а Аниота, Аниота...
На руках я донес ее,
В день тот грозный,
Спустил с неба без парашюта...
Умирала Аниота от менингита,
От воспаления подкормки,
В мерцании сознания.

Дверь была приотворена, полуоткрыта
Туда, к улице Горького,
Где она впервые меня
Там и тогда
Поцеловала...
Видел, видел и я за жизнь кое-что, кой-кого,
А душе, а душе-то всегда
Было мало, мало.
Так и осталась душа одинокой,
По сравнению с другими.
Вот впервые и стал я боком,
Больше доверяюсь строкам.
С мыслями-то тугими
Несу всякую ересь...
Все знают, в сундуке моем чертежи,
Кадастры, копии всякие, обобщенья.
А кто знает, что в уголочке в нем
Эти стрижи... ласточки мои...
Строчки эти вот, сообщенья...
Анюта моя однолюбка и я -
Однолюб между строк!
Аппиевыми дорогами, мать Земля,
Перекрещена вся страна
Тут у нас вдоль и поперек.
Вспомню Анюту, а Соломатина вижу,
А за ним – Спартака, Джованьоли.
Господи, тризна! да кого я обижу!
Рыжую?
Жизнь меня возненавидела, Небо,
А за что? До сих пор не пойму.

Сундук дедов в белое выкрасил,
А надо бы цветом хлеба.
Вот поставил его у себя на работе
В самом углу.
А газеты о том времени выбросил,
Когда мы стояли у Телеграфа
И я, как какая жирафа!
Газеты те у кого-то выпросил.

XXVI.

Вставляю повесть эту в роман,
Не просто в роман, а в стихах.
Что значит, свободный свободному дан.
Тут Бог, человек и аллах –
Все слитно, все сквозь, заедино – одно,
Границ никаких государств.
Нам время, пространство сегодня дано
Без всяких изысканных яств.
Чтоб люди в одно, народы в одно
Сплотили монтаж, как в кино.
Все слову возможно,
В поэзии сложно,
Нас рано куда-то девать,
Поэтов послушай,
Что с музыкой дружат,
Что с музыкой дружат,
И над краскою кружат,
Чтоб всем красоту отливать.
Вот видите, как я вошел в этот стих,
Я – автор, герой, прототип,
И все, все – для них!

Все – для них!
Читатель! Вот видите,
Как я в поэзию влип,
Вот все мои «валентинки» для вас, -
Мандолина, гитара и бас.
Какая тут проза сравнится!
И дело совсем ведь не в том,
Что в прозе два-три килограмма
В стихе заменяют нам том,
А в чем же тогда, а в чем?
А в том, что свободно тут ходим под богом,
С божественным дружим во всем.
Невидима нить, как ты могла слить –
Мандолину, гитару и том?
Чем Слово заменишь пока?
И можно ль его заменить?
Хотя и не может рука
Всей гаммы бумаге вменить.
Зато остается душа –
На базе словесной, из слов,
В основе любой из основ,
В начале, в конце хороша!
Божественна в этом душа!
На то есть Пруст, на то есть Бродский,
Как поэт и как человек,
С их квантовой поэзией,
Потоком сознания,
Чтобы связывать «серебряный век»
С двадцать первым, дух их плотский –
С божественно-инобытийным,

Мистическим лезвием

Всего мироздания.

* * *

И вот я в земуправе, землемер –

Точнее, в райземэкспедиции,

Готов к принятию мер,

К удовлетворенью амбиции.

И тут как раз появились

Другого рода у нас экспедиции

Тоже для удовлетворенья амбиции.

Студенты из МГУ приехали,

Из биофакультета,

Впередиидущие,

Глядя в грядущее.

В главное верили: в то и в это,

А именно, обвешали вежами

Землю трех-четырех районов области,

В том числе и наш Адамовский,

Кадастр составляя

И определяя у земли

Процент, так сказать «жирности».

Земной как бы «доблести»

В снятом молоке, в растворимости.

За сто процентов был взят район, но не наш.

А соседний, Колпнянский.

Затем Ливенский и Хомутовский.

Сквозь сон

Все это происходило во мне,

Где-то словно бы в стороне,

В этой жизни бесовской,

Бешеной,
Реформами всевозможно обвешанной,
Пока ко мне они не пришли.
- Ну, что у вас тут нового? –
Речь завели.
Показал я им сундук –
Уже белый,
В белое перекрашен,
В нем Глины Белой кусок.
В сундук я им стук-стук
Да и повел к «лебедям»,
В свою – Белую Скифию,
Туда далее – за Репьевку,
В сторону, где ее правый бок,
Доложил обо всем обстановку.
В общем, больше слушали про Анюту,
Про град с куриное яйцо,
Когда бес нас попутал,
Било градом по рукам, ногам и в лицо –
Очень круто!
И вот процент, устанавливая свой,
Пробы взяли они с собой –
В Москву увезли Белую Глину.
А на днях, установив картинку,
Посылку прислали, перечень длинный...
В общем, «царская» глина,
Мифическая эта, девонская,
На «царской» дороге...
Девочка моя, Анюта, девонька!
И «сакма» татарская, конская!

По какой степняки
Ходили сюда к нам с Дикого поля,
Так соприкоснулись мы друг с другом,
Так судьбой сплелись,
Не развести, даже если по дну поскрести.
Все от легенд, от мифов зависит,
Если их вволю,
То и земля из-под плуга
Вроде глазастая, урожайнее поле.
Ввысь куда-то, в высокие выси
Возносясь, торчали тут сорняки,
Как рассказывали старики
Байки, все чья-то фильюга
В этих водах турецких
Пахала носом в мифах
Монархических и кадетских.
Как в гражданскую войну
В местах тутошних Олеко Дундича,
Переодетого приняли за «ревизора»
Те – из другого хора.
В общем, тоже не за того,
Не тому хлеб – соль подносили –
Пуд куликоржавского кулича –
Червоным конникам Дундича
Дарили...
А теперь вторят про Аниюту все,
Про белого лебедя –
Одинокого.
Много ли глубокого
У ключа высокого?...

Мне студенты

В свою посылочку

Еще что вложили.

Вот листок. Сделали ссылочку,

Мол, перевод на филфаке

У чудака одного одолжили –

Дал наконец – с полгода мучая,

Очень подходит, мол, для нашего случая.

Перевод этот из французского

Авторства Стефана Малларме

(Перевод, если откровенно, принадлежит мне).

Вот перевод этот – мои душевные пути!

Я его иной раз и читаю на могилке Ашоты.

При слове «нафос» закрываю книгу,

Снимаю с себя веригу.

Умиравший Лебедь

«Не знает высоты, на юг не улетает,

Он тут всегда, а пруд сковало льдом.

Он хочет пить, он бьет по льду крылом,

Но льда его крыло не пробивает.

Он – Лебедь, он встречает смерть на льдине.

Зима пришла, сурова и седа.

А он все тут – на милой на равнине,

Откуда все летят, когда зима сюда.

Тряхнет он шею – тонкою, лебяжьей

И не стремится выльсь, слабее силы вражьей.

Крылом не одолев земного притяженья,

Он сел на пруд, чтоб тут заидеветь.

В плену у льда, исполненный презренья,

Свободный – на свободе умереть».

* * *

Автор, что перевел,
Текст положил еще и на музыку
Души своей собственной
Про этого Белого Лебедя.
Провертел я шеей, головою повел,
Кто бы это тут у нас
Торчит суржиком!
Кому, так сказать, «поудобственной»
Дать почитать, кому все это ведомо,
Чтобы тот мог выразить
Это эквивалентно -
Свое отношение компетентное?
Дал Арсению Чигриневу –
Друг же все-таки с детства,
Со школьных лет, да еще и артист,
Сфера все-таки близкая.
- Чего тебе? - он говорит. -
Как стал начальником –
Сорвался с бычиного реву.
На шепот перешел, под липы ропот,
Что тебе, что ли, одалиска я?
- Ничего себе, - отвечаю. –
А я тебе что – одалис?
А вот читаю,
Пишу и все понимаю. –
Сверху вниз.
И справа налево,
Слева направо.

Россию свою вдоль и поперек.
А ты сидишь в самом центре,
Не с краю,
А все тебе невдомек –
Что вдоль, а что поперек?
Где Запад, а где Восток?
Кто Богочеловек, а кто Человекобог?
– А ты, - говорит, - что –
Чересчур понимаешь?
Прямо как Прометей.
- Путаешь, Сеня, - говорю, - свое пальто
С жизнью широкой, всей,
Мужик черноокий...
Так и поссорились бы, родной,
Но, как сундук я выставил,
На дорогу поставил,
Сел он, глава на сундук-то мой,
Сусликам вместе со мной
Сети расставил.
Сети эти знаем кому
И для чего эти сети.
Все говорю с сундука я ему
Про нефтедоллары эти,
А точнее -- про наши рубли
Глиняные, от глины.
Очень в адамах кривы рули,
«Ревизоры» старинны.
Та же лужа середь пруда,
Те же не лебеди -- гуси.
Мало героев у нас соотруда,

Каждый ухо тебе откусит.
Тяпкин и Ляпкин – отдельные слова,
Судьи башку подсекают.
Ходит «вунтера» офицера вдова
Прямо на Пушкине, эта сова,
Плетью себя высекает.
Где-то всю ночь в окне огонек,
Кто-то себя выражает.
Бабке последней уже невдомек.
Русь почему не рождает?
Через два пусто,
Сквозняк через три,
На огороде – капуста.
Шею гусиной своей поверти;
Что там у нас на терновом пути?
Что за великие чувства?
И реконкиста у Пруста,
И у старухи мангуста -
Вот какие у нас тут дела.
Как говорит друг Арсений,
Жена негра на днях родила,
К нам подкинула в сени»...

* * *

Самое главное понял три фактора
Великих, слитных, казалось бы несоединимых.
Понял, когда недра Анюту съели.
Это, во-первых, при формировании земли,
Глины Белые течением сюда принесло.
Сформировались тут и осели.
Во-вторых, тоже течения, только воздушные.

Чернобыль, например, сюда донесли -
Возвышенность же,
Реки текут отсюда в моря,
Боги, живут что ли, тут, откровенно говорю.
А на такой уже базе и людское,
Божественно-человеческое:
Талант, язык живой, достойная литература, -
Это раз! А два – это уже
Бессовско-сатанинское и тоже человеческое:
Место для одной из величайших в мире битв
Человечество выбрало именно тут,
И «Гитлер капут»,
Адамов в самом ее острие --
Выстоял, выдюжил! За Россию – горой!
Малый город – герой!
Вот какой тут букет, Роза мира –
От Прометея, его эфира,
До Амфиарей, его подземного двойника.
И все это тот букет превратил
В осознаваемое едва,
Розами белыми выложив,
Биоэнергией выпяничив,
И все незаметно тут, шито-крыто...
Ну пока, завершаю. **Финита.**

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

XXVII.

И повесть ту из сундука Шурея
Арсений прочитал от корки и до корки,
При всей своей сноровке, душу грея.
И вот сундук тот белым воссиял
В том уголочке, где лежали
Тетрадки родькинских словес.
Московский ход, кровавые скрижали,
Которые из тех времен, ол райт, сбежали
И к нам сюда перенеслись, иес.
В башке возникла мешанина
После французов, побывавших тут.
Тем более, когда в Ташкенте мина
Разорвалась: «латинице» там вдруг
Придали статус «гут».
Закон приняли в несколько минут,
Перечеркнув, что делалось века.
С «кириллицы» скользнула вон строка.
Припомнилось, как по горячей
Путевке
Они с Григорием-дружкойм
Впервые в жизни пересекли кордон
За Брестом,
На них глядящий
Полям ржи.
- Чигрень, скажи!
Чем отличаются зарубежи –
Поля их тут - от наших? –
Сказал, на горизонты глядя, он. -
Да сорняками! Глазами башен.

У нас они все голубые, синие –
От васильков. У них они, как кровь,
Погладь руками, -
Красны от маков!
- А тоже ведь красивые.
- Красивые, но по-другому, -
Вздыхнул его друг Гриша,
Который верен был их сонму
На «киятре»,
Где был всегда его на капельку повыше,
Давно гонял на «Татре».
И это честно надобно признать
Пред тем, как звания ковать...
Сундук зиял на краешке карьера,
Над Сучьей возникая, какво?
Но где же Ролькин? Что от «землемера»
Осталось в нем? Попала, что ль, в него
Тут пуля, разворочав скуля?...
Задумчиво сидел на сундуке Арсений.
Вот оторвали от районных буден,
А там по горло всевозможных дел.
И тут все бесы, бесенята, тени
Скользят по мраки, дрожа, как студень
Между буден, плечо задев.
Картинки знаковой дороги –
Той, Анпиновой, испытанной Шуресем
Там и тогда – в Москве, пороги,
Тут и сейчас – КАМАЗы, моторы грея,
На трасу выползали из карьера,
Из-за кровавого барьера –

На ту же Аппиеву ленту – на бетонку,
Чуть в сторонку,
Проложенную прямо по траве.
Как и тогда в Москве –
По косточкам, по трупам тонким...
- Ты где был, братец? – накинуся Арсений
На Родькина, когда тот появился. –
Вот и сундук тут, рукопись на сене...
А дождь весенний.
Листок с листочком в трубку свился...
- Ниче, пускай ветра читают
И ни за что не отвечают, -
Отмахнулся Родькин. –
Для них писал
Я мадригал
Короткий,
А не...
- Что «не»?
- Не заворачивать селедки.
- Не ожидал подобной прыти! –
Сказал Арсений, глядя на карьер –
Источник Белой Глины. –
Ты прямо гусь в корыте,
Мистика химер.
Какие-то картины, –
Не странно ли, - слагают эти глины
Из призраков на дне,
Из недр девонских...
И топот масс в степи, лавин тех конских
Во глубине...

Ну че там? Сколько рейсов в сутки?
Как себя чувствует ВИЛОР?
В цивилизованной минутке
Свой утолив акулый жор?..
Задумчив был товарищ Родькин:
- «Ну надо ж, как так получилось?
Черт дернул, вылез Петров-Водкин!
В башке, что ль, что-то прохудилось?
Оставить душу вдруг свою
На растерзание другому.
Не узнаю себя в строю.
Идем мы с ним одним путем,
Но соответственно диплому,
Себя по-разному ведем».
- «Да, удручен, изабличен!
Раскрыли боги диалоги, -
Догадывался Чигринев, -
В чем есть источник одиночества,
Мой Шурик! твоего высочества».
А в голове у Чигринова
То комбинации, стихи,
То указания Кремля.
Цифири всадники лихие
Переплелись с тобой, Земля».
Сундук погладил он рукой,
Сказал Шурею, что поглубже
Поговорят они попозже.
Уехал, поспешив домой,
Так опротивели все рожи,
Так намотался он до дрожи –

По людям, по хозяйствам, лужам,
Мостам, полям и перелескам.
Башка на нем вертелась с треском,
Соображала еще хуже.
Дурь вся внутри, а ум наружи.
Вот хорошо, что есть куда
Направить кэб, где бросить кости.
Муратова, их мэрия, звезда,
Квартирку подыскада, мостик
Ему в народ. Где он теперь живет
Хоть в общем доме, но отдельно.
Где норма, что ж, не запредельна.
Не знал покамест, что и делать –
Благодарить, кипеть от злости,
Бросая кости
На тот диван, что у окна
Ему подставил Сатана?
Прилег Семен на тот диван
И сразу же как отрубился.
Верблюжий, что ли, караван
Его понес на сундуке.
И он с горба чуть не свалился
Со «Спартаком» в одной руке,
В другой – указ на выходной.
Поплыл он по стране родной,
Где он - глава всех райских куш –
Так всеобъемлющ,
Всемогуш.
Качнулись розовые сны,
Потом маленько голубые,

И кто-то очень даже ловкий,
Повыше рангом Сатаны,
Все эти сны его рябые
Как будто дергал за веревки,
А все на нем тут отражалось.
Он спал, гася в себе усталость,
На той тахте, на том диване,
Как бы сундук на чемодане.
И вот его сундук в Кремле,
И он как будто с сундука
Дает команды всей Земле
И полномочная рука
Его в указы воплощает,
Но их никто не выполняет.
Ну, в общем, словно фараон,
Сидит он, выражает трон
И слышит предвечерний звон:
То мамелок поктюри играет,
Одновременно охраняет.
А то, играя на душе,
Проводит жизнь, как в шалаше.
Ильич в Разливе,
Или Петух на сливе.
Но главное – не в этом дело,
А в том, что он, наверно, самый ловкий,
И тянет за свои веревки:
То кнут, то пряник -
Одному, другому.
А все же главное-то в чем,
Что он одновременно тот,

Кому свой пряник и вручает,
По ком кнутом
Одновременно и стегают,
Когда по улице идет
По той – Тверской, в пылу, кровавой,
И правой-левой, левой-правой,
В асфальты каблуками бьет.
Кровища голубая льет
С небес над всей честной державой.
А он тут маленький такой -
Артист, артистик -
Где-то там, в массовке,
Как сок зеленовато-кислый
Из яблони «лесовки».
Скулу воротит
Этот самый мистик,
Без всяких мистик,
С указом, что сегодня выходной
Развернут надо всей страной,
Упал вот с яблони - «бесовки»
И обернулся Сатаной...

* * *

Очнулся Чигринев Арсений,
Глазами водит в полусне
И, сделав просвещенный вид,
Едва губами шевелит:
«Какие люди эти тени!
Всегда в борьбе они, в огне!
Всегда нуждаются в стене!
И даже когда нет ее,

Они ее себе построят,
Все так устроят,
Чтобы продолжить им свое.
Так в этом плане
И спит сундук на чемодане.
А если чемодан на сундуке,
То глина тут же рыжей станет».

* * *

Да, да очнулся наш Арсений:
Что в этом сне – его, а что –
От Родькина, той аппиевой сени,
Что укрывала слог его крутой,
Перст указующий вождя
От мартовского снега и дождя
В глазах народа
Еще с семнадцатого года?

XXVIII.

Как взялся дождь, так и колотит
Бьет каждой каплей по железу.
Всю ночь с души его воротит.
Незабываемую дезу,
Какую Родькин в нем представил
В виде «холодынки» иль дороги
Той Аппиевой, какой, листая,
Он дочитал до бурей строгих.
А тут не буря, а капли,
И дождь какой-то обкладной.
Циклон сорвался с карусели
Да и по местности одной
Идет, гудет, шумит степной,

Стекая с крыши вниз, трубой.
Идет, гудет, гнетет собой
Твои сердечные купели.
А завтра ехать в Чигринево.
Кусок всего-то до Бобров
Прокатанной дороги новой
По полю, под землю к троллю,
А ни проехать, ни пройти
В конец разбитого пути!
Да будь здоров, возле коров
Засядешь где-то поневоле.
Вот так, ни дна и ни покрышки,
Как говорят у нас в Одессе
Иль в местной прессе,
Одни сомненья и стенанья,
Дорожные воспоминанья.
Но это уж, наверно, слишком,
Путь протянул Амфиарей
От тех нулей твоей сберкнижки
До этой должности твоей,
Где опыт пресекает знания
Всей твоей утлой жизни сей...
Прислушался – чего-то не хватает.
Чего же? Трудностей привычных?
Дождей на кворумах обычных?
Снег налетит и тут же тает.
Но что это? Дождя уж вовсе нет?
Он по стеклу чего швыряет?
Как леденцы, стекло конфет.
Через окно, в его кино.

Как гюйс на флоте, весь в работе. -
Так резок этот вест,
Платок с невест
Упал, и нет.
Луна и ему шлет привет.
Укрылась за дуб, полноликая,
Земли дочь великая!
«Что пережил он на Москве, -
Подумалось о Родькине, -
Мне предстоит в своей тоске
Прожить на службе, судя по всему».
Соединения глубин
Безвестны, неисповедимы.
Судьбе своей не господин,
Во власти сил неодолимых, -
Арсений пап перевалился
На бок другой, но и на нем,
На том, другом -
Ему не спится. Спать, что ль, разучился?
С какой-то женщиной приснился.
Во сладострастиях вдвоем.

* * *

Он вышел – двор остекленел.
Но спит Адам - космополит,
Петух вскричал и охмелел,
С пашеста бухнулся, лежит,
Нацелен на Луну - с бельмом в глазу.
Другой такой же вот петух
Ему намедни, в ту грозу,
Крылом в живот бубух.

Какая мистика Луны!
Какая прорезь Сатаны
От пенопеней тишины!
В стекле – капель; отражены
И хмель, и сны.
Побрел по лунному лучу,
По спящему Адамову
Герой мой, друг Арсений Чигринев –
Не к памятнику Ильичу
И даже не к Марии,
А – куда хочу,
Под шелестение штанов
Побрел, как бы в костры я –
К домику в конце улицы,
К Луне седой по линии,
А тут вот и она, -
Легка как на помине, -
- Ты, Кланы?
- Я.
- Луна моя.
Взял и повел ее к себе.
Поплыли как на льдине,
Челюскин, Рим, этруски -
В его двухкомнатной квартире.
Они туда-сюда ходили –
То в одиночку, то вдвоем,
По длинному лучу идеи
За окоем,
Как тут и были.
Все, все на свете позабыли

В его двухкомнатной квартире,
Стреляя словно в клубном тире
То холостыми, то боевыми –
Чего во имя?
Уж и не помним, чего во имя,
Когда мы лупим боевыми.
Поставил Кланю лицом в окно,
Так и стояла.
Он позади нее. В одно
Сливаясь с помощью капрала,
Какой, напялив на себя забрало,
Снимал с себя все, как в кино.
По тут... что тут, что «но»?
По тут в окно -
Лицо к нему сюда живое,
Как полумертвое, кривое –
От стеклышка, стекла, расплюснувшего
Всякое прямое
И из прямого сделав то живое,
Что исказилось в страсти и испуге, -
Повис конь на подируге!
Арсений отшатнулся от окна:
«Мария! Ты?» Опять Луна? -
Вот Сатана! -
Ему прирезилась в подруге.
Исчезли он за ней во мгле,
Одним бы меньше стало на земле.
Но Кланя поддержала Чигринева,
Легла на тот диванчик снова.

* * *

Ох, эти седоватые года!
Уездные мальчишки – города!
Как будто те же, что вокруг, райцентры,
А все ж другие факты, аргументы.
Живут тут словотворцы от веков,
Рассчитаны на умных, дураков
И просто так слова передающих
Друг другу.
Ходи, молва, по кругу!
Про пьющих и непьющих,
Про любящих втихую
В ночь глухую,
Ворующих по-мелкому –
Кур и гусей, лук с огорода,
Яблоки из сада, -
Такая тут свобода, -
Берущих что-то,
Когда надо.
Такая тут награда –
Таскать себе куски из ада.
Возьмут на руб – наговорят на сотню,
Такое разведут, такие мифы
И легенды тут составят,
В любую подворотню
Поднырнут, краснеть заставят, -
Не обелят вороны,
Не расклюют и грифы.
Рода тут держатся на том,
Специалисты.
Свободно добывают корм

«Марксисты», «адвентисты»,
На все артисты!
И все в Адамове живут,
Вчера в тюрьме, сегодня тут.
При власти прежней-то, турецкой,
Пред каждым съездом
«Сексотов» засылали
В подмогу партии кадетской,
Чтоб не катали по уездам
Туда, наверх, бумажки-то, канашки.
Так тут такое накопилось!
Как в горло впилося,
Трали-вали! -
На века!
Не разгребается пока.
А новые из СНГ являются
И в ту же атмосферу окунаются,
Подзатуманены слегка, работают под дурака.
Я сам тут рос, я знаю тут, какая бось,
Какая Рось, какая мощь-сь,
Мифологичная наскрозь.
Одни воруют гомерически,
Другие шутят истерически,
А третьи - в хохот исторически.
Хотя бы и от «ревизора».
Каков сюжет! Тут. проезжая,
Его сам Пушкин выделил из хора
И подарил, что ль, Гоголю,
А тот, года опережая,
Добрался и до нас.

И жив сейчас...
Вот так. Когда колхозы были,
Поля колхозные любили,
А так же фермы.
Для самых первых, самых нервных.
Оттуда, безусловно, и таскали,
Свой смех для гомерических утех
На тачку, на себе, в автомашины,
Потуже лишь подкачивали шины.
В конце концов, в борьбе за справедливость
Распределяли так бюджет,
Что даже и с него сходила «вшивость»,
Летела вниз сюда, в кювет, -
Большой привет!
Теперь, то помня, конь и подпруга
Воруют у друг друга.
Распределяя воз везут
К себе домой в период и дневной.
На все смотрели спрехвала
Те власти-то, турецкие.
Алла-балла –бишмала!
Жена б негра родила,
Да орехи греские
Не забили ни гола.
Меньше было б лагерей,
Меньше б грабили полей...
Все это и Арсений разглядел,
Пока с годок тут посидел,
На этом на уездном воеводстве.
И до него тот беспредел

Желал окоротить начальник.
При всем своем, пардон, неблагородстве
Он сделал так, что лучший дом
На площади отдал в наем.
Теперь там суд районный
Глядит глазами в окоем.
Где был один, теперь там пять.
То было двадцать, то – двенадцать
Начнут те тысячи смеяться,
Чтоб выразаться, вырождаться,
Так те в пять пар, а ну на них смотреть,
В глаза пословице рязанской,
Начертанной на курице голландской:
«У нас в Рязани – грибы с глазами.
Их едят, а они глядят».
«А Дом культуры, - повторяю, -
Губами шевелил чуть Чигринев, -
- В хибаре все купца Кочергина.
Чему моя культуру я вверяю,
Моя расейская страна!
Азиатская сторона».
Все Арсений отметил, увидел,
Как сказал Есенин в день осенний:
Разберемся, кто кого и в чем обидел.

Глава восьмая

XXIX.

Прослышали артисты из Москвы,
Что есть Адамов, тоже ведь столица.
Адам – из Белой Глины человек,

Сумел Чигрень в местах таких прижиться.
Что им ВИЛОР?
Хоть кой-какой травы
Дает на корм.
А может, сам Арсений – имярек
Кому-то меж своих мог похвалиться,
И вот и валом прут сюда артисты –
Контрабандисты.
Той дай на форум, поддержанье формы,
То надо-хору, для выполненья нормы -
По ГТО для ВТО, а также для ООО.
Как говорится, для Общества с Ответственностью
Ограниченной,
В связи с безответственностью желаний,
Безграничных на почве согласований
Готовности к Трудю и Обороне.
А главное от желаний кого?
Если подальше, то от Японии,
Поближе - от своих театральных зданий,
Рушащихся ни с того, ни с сего.
- Ничего не понял, - сказал Арсений. –
Повторите! Оттуда и по телефону!
Моей секретарше!
Если меня не будет в кабинете и дальше,
То в день этот майский, весенний,
Как сказал Сергей Есенин,
«Пойте звяньше».

* * *

Вскоре к нему явился и сам Григорий.
«Гриша – друг мой! Приехал на «Татре»!

Все мы в маршалах на «киятре»

С тем и другим спорим.

По-прежнему, ты – Жуков, а я – Рокоссовский...

Ах, Гриша! Какая культура

Тут берет за душу вас,

Жалкая ниша!

Поет Кадышева,

А как бы под Азнавура.

Я – адамовский, московский,

Ты – московский и смоленский.

ГРИГОРИЙ. Как Михайло Исаковский –

Городской и деревенский?

АРСЕНИЙ. Так я рад, что ты приехал!

Казачок мой пугачевский!

Скачешь петушком по вехам.

ГРИГОРИЙ. По эпохам, по эпохам,

По девонским по горам.

Ты карьеру тут отгрохал,

Удивляюсь, мистер, вам!

Покажи, милейший, дыры,

Провези в свои сортиры.

Говорят, не песни, пняешь,

А стишата сочиняешь,

И неплохо, хи-хи-хи,

Эти самые стихи.

АРСЕНИЙ. Ты не смейся, дорогой,

Мой товарищ, Гриша!

Если в чем не в зуб ногой,

Так сиди потише.

Там – ты маршал, Гриша, с понтом,

Тут – сержант или солдат.
Это я тут Рокоссовский!
Тут командовал он фронтом,
В стороне моей бесовской.
Тут столица Белой Глины,
Недра окаянные.
Все в полях покуда мины,
Марки иностранные...

ГРИГОРИЙ. Ты кого в виду имеешь,
Чигринев наш Сенья,
Без предубежденья?

АРСЕНИЙ. Ну, конечно, те СС,
Что на «тиграх» в стрессе, стресс.
Были тут все были,
Битву сочинили,
Сколько им тут всяких месс
Наши отслужили.
Едем! Тут же покажу!
Наш карьер с высоткой,
Все стихами отражу.

ГРИГОРИЙ. Бей прямой наводкой!

* * *

АРСЕНИЙ. И пошли, поколесили.
Вот Ока тут, вот исток.
Вот высотка! Тут мы в силе
И стояли. Вот окоп.
Тут письмо нашли.
Теперь оно в музее,
Кровию написаны стихи.
В них свою Рассю

Вижу, Гриша...

ГРИГОРИЙ. Мы тоже не глухи.

Ты читай, а я тут постою,

Я глаза за так не продаю...

Арсений беретса за кустик крапивы

И, не чувствуя жженья,

Читает, артист:

- Мы пока еще живы!

Хотя и попали в сраженье.

Письмо из окопа

(солдатское письмо)

«Милая, любимая, родная!

Мне в атаку, солнышко встает.

Страшно будет, точка огневая

Всех нас до последнего возьмет.

Просто так засыплут у дороги,

Звездочку жестяную прибьют.

Схоронили так уж очень многих,

Тут перед окопом и убьют.

Тридцать верст всего-то между нами,

Хоть денек у взводного прошу.

Говорит, возьмешь в атаку знамя...

В общем, если подвиг совершу...

Совершу и, значит, в землю лягу.

Говорят, мол, попаду в музей...

Приготовь мне, Маша, стопку, флягу

На помин души моих друзей.

Просто так лежат перед окопом –

На чужой, нейтральной полосе.

Как бежали, так и ткнулись боком,
Пулеметом ссаженные все.
Милая, любимая, родная.
Ты хоть будь! С сыночком ты живи!
Вот за вас себя и поднимаю,
Крикни напоследок, позови.
Милая, я ухожу, родная!
Нам пора, уж кружка по рукам.
Знамя мне... оно, мое взлетает!
Падают последние сто грамм»...

* * *

АРСЕНИЙ. С той высоты видно и Орлянку,
Под Орлянкой и карьер, простор.
Ты явился, Гриша, спозаранку,
Тут в июле будет главный сбор.
Ветераны соберутся наши,
Все друзья мои – фронтовики.
Огонек покамест не погашен,
Зажигают факел мужики.
Мы снимали, Гриш, с тобой кино,
Тут – натура, было все в натуре.
Мне такое, нет, не все равно,
Как шинелька – сшито по фигуре.
Мурашиха. Маршал Рокоссовский,
А точнее – тут он генералом
Был в эпохе той еще, дубровской,
Где я был мальчишкой - добрым малым.
А точнее, был уже подростком
В той эпохе огненной и хлесткой.
Вот живу, а все дружки на минах

Пали тут, с бойцами заедино...

ГРИГОРИЙ. Что ты хотел тем сказать?

АРСЕНИЙ. Вот оно поле, где целая рать,

Сразу десять тысяч в атаке...

Тут на десятке гектаров алые маки

Вспыхнули после атаки...

С палками, шли они на пулеметы,

Гриш, скажи, зачем это нужно было?

Хлеборобов – после работы –

Поубивали – могила.

Гриш, скажи зачем это нужно было?

Семь месяцев шли они семь километров -

От Адамова до Глазуновки и Понырей.

И те так и не взяли Адамова,

Не хватило всего нескольких метров.

Однако не взяли ведь, -

Мал золотник да дорог.

Городок как уперся,

Хоть и мал, а герой

Кровью утерся

Городок этот мой.

Прохоровку ведь сдали,

Прошли они в глубь

На двадцать пять километров,

И Прохоровку хоть выбивай на медали,

А Адамов, выстояв на главном стратегическом направлении,

Так и угас... похерили...

Война, конечно, не бухгалтерия,

Тогда промолчали,

Но почему хоть сейчас

Истеричность такая, мистерия?

Молчание среди нас?

Гриш, кому это нужно было?

Товарищ Жуков, скажи!

ГРИГОРИЙ. Сталин хотел расстрелять

Генерала Ротмистрова

За дело такое...

АРСЕНИЙ. Какое?

ГРИГОРИЙ. Товарищ Рокоссовский!

Про замысел операции знали лишь трое:

Сам Верховный, я как заместитель Верховного

И Начальник генштаба.

АРСЕНИЙ. Товарищ Жуков! Слабо

Почему сработала пресса?

О боже!

ГРИГОРИЙ. Во-первых, есть...

Во-вторых есть...

И в третьих тоже...

Во-первых, если б сработала пресса,

То обозначился центр, замысел весь –

Тайна большого веса...

АРСЕНИЙ (*настойчиво*).

Подъехали. Видишь, за Майской Зорькой –

Сабурово, это самое поле.

Лежат тут... скажи им...

Почему они тут, почему?

Товарищ Жуков!

ГРИГОРИЙ. Товарищ Рокоссовский!

Ты все знаешь лучше меня,

За что распекал после

Своих генералов во дворе старой школы
В Адамове?
Лишние рты были, да?
Лишние люди?

АРСЕНИЙ (*с дрожью в голосе*).

«Лишних» людей на войне не бывает.
Лежат в середине страны.

ГРИГОРИЙ (*утирая слезу*). Эхо гражданской войны.

XXX.

Может, в таком же духе
Говорили бы долго,
Почему один зуб да и тот шатается у старухи?
И почему после Нижнего течет не Ока, а Волга?
В глубь залезли бы, в ширь вопроса,
Стратегию бы разворошили и тактику,
Но не пошли дальше своего носа,
Оперлись на повседневную практику.
Это я, автор, потом основательнее разворочу,
Все неподъемное это подьемлю.
А пока как зачин про это пишу,
Что приемлю и что не приемлю.
Прозу жизни нечего людям совать.
Оскомину поднабившее, сумасбродное.
Глубже все делалось, так и держать,
Отечество наше свободное!
В то же время нас продолжали любить,
Бросая на растерзание зверю.
Скажу – сам себе не поверю,
А ведь было так оно, было,
А не должно было быть!

И, пока как автору мне нейдет,
Предаваясь лирическому отступлению,
Герои мои артисты-полководцы,
Единоверцы и единоворцы –
Ахали, ехали и приехали, твою мать, моя – мать,
Мать ты наша Родина!
К памяти и забвению.
У Рокоссовского – Арсения Чигринова
Вырвалось из души то, что еще в школе я
Пережил, было когда-то мною написано.
А у Жукова – его друга-артиста, снова
Вспыхнула еще более
Та же самая истина.
Но подано тут от имени Арсения,
Воеводы адамовского, Чигринова.
Эх, да распахнитесь вы мои двери, сени!
Говори и пой, Сеня,
Что тут у нас с тобой нового?

Сабуровское поле
(песня Арсения)

«Сабуровское поле у высот,
На подступах к Малоархангельску.
Здесь птицы останавливают лёт,
Когда летят, кричат над ним по-ангельски.
Тут тысячи легли в одной атаке,
Смертельная их жатва догнала.
И алые сабуровские маки
Весною встали, где она была.

Один цветок – загубленная жизнь.
Стеной соборной размахнулось поле.
Постой же, жаворонок, поддержишь!
Они легли, чтоб вы летали вволю.
Все здешние – штрафбаты, хлеборобы!
Они пахали многие поля.
Но это вот, в Сабурово, особо,
Особо перепахана земля.
Какую рожь тут собирали годы!
Какой собор печальный на крови!
Они лежат тут, многие народы,
И эти маки – дань земной любви.
Печаль проходит, память остается.
За Красной Зорькой Солнце западет,
Увидишь звезды тут, на дня колодца,
И каждый раз дух кровью обольется,
А сердце остановится, замрет».

* * *

От Сабурово назад на Орлянку,
До карьего известного,
Сундука Шуреева –
Белого, мелкопоместного.
И куда смотался Бантик-то спозаранку?
Но вот и он объявился, никуда не смылся.
Сидит на своем сундуке,
Местность вокруг озирает,
Рейсы и запасы Белой Глины считает.
За сколько ВИЛОР, войдя в пике,
Недра эти к себе туда -
На самолетах своих -

Перегаскает?

- Шурик, - говорит как друг

Школьному другу Арсений. – Чего ты смеешься?

Этой цифирью бубух!

- От цифири свихнешься.

Вон, - говорит, - Белые Столбы

Со всех сторон.

Призраки, как листья осенние.

То сыплются с неба,

А то стоят снизу, устойчивы,

Когда глянешь, пригнешься,

Ухом земли коснешься.

- Ты, - говорит Сеня, -

Какую поэзию предпочитаешь,

Квантовую или обычную?

- Я, - говорит Родькин – Бантик, - дюже приглядчивый. -

И голос какой-то вкрадчивый. -

Я, - говорит, - свою личную атмосферу

Не променяю в нашу эру

На атмосферу столичную.

- А я, - говорит Сеня, - повесть твою прочитал,

Дал почитать вот другу,

Да, Гриш?

Григорий, мотнув чубом:

- Да, да. Мы тут ее прочитали...

- Да?! – вспыхнул Бантик. – Видал миндал?

Кто это вам разрешал!

- Так это, Шур, - засмеялся Арсений, -

Так это... в сундуке лежало,

А сундук был под дубом,

Ветры листали.

- Памяти что-то не стало, -

Вздыхнул Родькин горестно.

- На дальнее есть, - заметил Гриша. -

Да еще какая!

- А вот на ближнее – мало.

Вчера положил – сегодня забыл,

Совестно.

- Что совестно? Говори тише.

Совестно людям

Про это сказать?

Как аист ходишь по крыше,

Чтобы не забывать...

О господи! Столбы Белые

Все шатаются,

Все шатаются.

А листочки за листочком

Листаются.

- Это почему же, Шур?

И что это за Столбы,

Откуда взялись?

Души убитых, что ль,

Призраки? Круглые лбы?

В голове боль

Отторгает оттуда их.

А все Глина Белая,

Глина девонская,

Еще та эра – конская.

С полруки –

Им туда машу,

А с полруки –

Сюда в недра,

В эту погоду, ведра.

- Вот что! – решительно заявляет Григорий –

Деятель, народный артист, полководцев играющий:–

Хватит тебе! Зациклился в горе,

А ведь талант у тебя созидающий!

Мы повесть твою в Москву

С собой заберем.

- Это зачем, почему? Лучше в Питер.

- Питер бока вытер, - говорит Григорий

Бантику, то есть Шурею. –

Мы, - говорит, - тут орем,

А никто не слышит,

Что каждый тут пишет.

Твою «Аппиеву дорогу»-то

Возьмем с собой, отдадим, куда надо.

Сделают пьесу –

Большущего весу.

- Вместо кофе – цикорий,

Да, Григорий?

- Тебе-то что?

Сиди, делай вид, строй карьеру

Без всякого, понимаешь, размеру,

А мы с твоим другом, да, Сень?..

Арсений, другу покорно:

- Да, да! Да, конечно!

- Что «да»? Что «конечно»? –

Говорит Гриша,

Но уже потише. –

А мы с твоим другом

Еще и сыграем...

- Какой упорный!

- Есть еще порох в пороховницах.

Что ж, ты думаешь,

Друг твой Арсений-то Чигринев,

Вечно будет тут у вас в воеводах?

Стоять чучелом на огородах?

- Но, Гриша, Гриша, - останавливает его Арсений. –

- Да, да, чучелом! На огородах!

Какой же ты воевода?

Ты – артист!

Мой друг из театра Вахтангова,

Где – свобода!

Выражение духа народа!

Понял, Бантик,

Кто тут перед тобой?

- Понимаем! Само собой, -

Вздыхнул Родькин. –

А как ее назовете-то?

Важно. Момент архиважный.

- Что - как назовем?

- Ну, мой опус бумажный.

Вот как – «Белые Столбы»!

- Это мы еще подумаем! –

Говорит Гриша,

Но уже не потише,

А чуточку громче.

А Родькин в ответ ему, вспыхнув:

- Сам пишу – сам и читаю,

Я, - говорит, - автор

И лучше тебя понимаю,

Что надо мне, хлопче.

- Так мы это...

Почистим, ошибки исправим, -

Говорит Гриша опять же потише.

- А мы, - говорит Родькин, - тоже кой-чего «шпрехаем», знаем.

Вон «Дон Кихота» Сервантес

Писал в тюрьме – в долговой яме,

Без всяких тебе словарей,

Так свыше трехсот ошибок!

А мы всем миром его читаем!

Больше кого-то другого.

- Видал? – смеется Арсений другу. –

Как натянул-то подпругу,

Так губа, Гриша, у тебя и отвисла.

Вон Рафаэль, кажется, или Микеланджело

Нарисовал подругу,

Портрет богатой мадонны...

Гриш! Не делай физиономию кислой...

Так она говорит художнику, мол, не похожа!

А он ей: «Ничего, что не та рожа.

Лет через сто будешь похожа.

Как нарисую, такой

И будут воспринимать».

Так и я! Какой показал Аппиеву дорогу,

Или ты свой Адамов, -

Вот ей богу! –

Только такими и будут

Воспринимать.

Саги станут слагать.

- Почему тебе лучше в Питер-то, -
 - Сказал Родькину Гриша, - чем в Москву?
 И твою повесть с собой «битте-дритте»?
 В Питере ею разгонять, что ль, тоску?
 - Мне так легче,- сказал односложно Шурей. –
 Вишь, белое, лысое место –
 Не растет ничего. Может, только пырей?
 Танк сгорел, наш герой, если честно.
 И Родькин вздохнул, опечалась:
 - Лейтенантик один молодой
 Жил в деревне у нас... А на завтра в бой...
 Ленинградец был малость...
 С вечера письмо получил,
 Мол, погибли семьей всей в блокаде,
 Так он чуть ли не застрелился,
 Головою о стенку бился.
 Плакал. Завтра, погибну, мол...
 И в бозе, как говорится, почил...
 Танк его горел тут, на нейтральной полосе.
 Все это видели, все,
 Всем было видно.
 Люки заклинило, что ли, Володеньке...
 Слышали, как он кричал,
 Тот лейтенантик молоденький...
 Белый Столб тут, над местом тем,
 На ветру качаясь, так и стоит, держится –
 Почами.
 Как туман нежится –

Тоненький, в поясе, в изначале...
«Это так? – подумал и я как автор. –
Это факт! Было такое, помнится с детства,
Знаю наличие этого факта.
А когда был в Доме творчества
В Комарово, то в Репино там, по соседству,
Мы к Девятому Мая венки возлагали,
Речи говорили, и я про лейтенанта сказал,
Что сгорел он у нас тут, в Адамове,
На Орловско-Курской дуге.
До сих пор, мол, Белый Столб тут
В белой пурге
Стоит, качается,
В лейтенанта того превращается.
Каждый это слышал.
Кто смолчал,
А кто заплакал тихонько:
Не отлегло, мол, не освящено тело у Спаса-храма,
Вот душа-то и мается.
- Слышь, Шурей, - сказал Арсений Родькину прямо
И откровенно, -
На самом высоком месте Адамова
Храм божий закладываем -
Златокипенный.
Как деньжонок за хлеб
Подсобьем, сколько можно,
Вместо взорванного в войну
Возведем на выезде.
И истину эту – ис-ти-ну! –
Прототип подтвердит

Не какой-нибудь инвалид,
А глава настоящий,
Поныне сидящий!
Это я говорю вам, автор,
В виде лирического отступления,
Для придания мистике реализма,
Обозначения «двуплановости» происходящего.
В знак своего сидения
Тут, в Адамове,
И того, что кому-то нужна и «клизма»
От высокостоящего,
Привыкшего «клизмы» ставить всем своим
Многопланово.
А я не к таким отношусь
Слугам храмовым -
Тоже ведь из Белой Глины,
Приставлен ко всем этим людям
Неопаленным,
Адамовым.
Все они из неопалимой-то купины,
Как и те, что где-то там
По дороге к Москве,
Посередке страны,
Правду искали, маялись,
Но не каялись.
Нагрел, накуролесил Атиллу,
А на покаяние его не хватило.
На ашпиевой-то траве,
Как в Москве,
Сидят герои страны,
Не имея вины.

В Адамов приехали, прошли в кабинет
 Воеводы района.
 Ели голубые, правда иль нет,
 Как у Кремля. С эталона
 Взятые с московского, что ли, кремлевского?
 Да, конечно. Еще когда
 Привезены саженцами из того же лесхоза –
 Из Моховского,
 Что и роза, -
 Ишь, красавица – тубероза!
 Тут у него, под окошком, всегда,
 Как и там, у шоссе Рублевского.
 Расцветает точно к его Дню рожденья –
 Желтая с голубоватым отливом,
 Всю тут атмосферу доводя до кипенья,
 Делая все красивым.
 - Ничего себе, - усмехнулся Григорий, -
 Сидишь, как пень какой, Президент
 Центрально-Африканской Республики,
 Например, Бокасу. Каннибал,
 Который, говорили, с горя
 Ел своих приближенных, как бублики,
 В напряженный момент.
 Ты-то надеюсь, не ешь?
 - Нет аппетита, - засмеялся Арсений. –
 Наоборот, аппетит у моих приближенных
 В моментах всячески напряженных,
 В день какой-нибудь майский, весенний.

- Чтоб после самим же
И маяться больше? -
Улыбнулся Григорий. – Абреки!
Портретик твой на стенку еще не повесили?
Как например, в Польше,
Где-нибудь в детской библиотеке?
- Рисуют уже, - отмахнулся Арсений. –
Фотографируют, на коврах ткут.
- Ну и ну, - прошелся Гриша по кабинету
И сел под сени
Другого портрета на пару минут. –
Кроме Щепкина, пияешь, не признаю квоту эту. -
Полоснул Григорий ладонью по горлу,
Смахнул клекот орлий.
- Да еще, главрежа не признаешь, так?
Ввернул Чигринев ему жальце. –
Так, говорю, иль не так, а, Гришуня?
- Остренько как ты выразил факт. –
Уселся друг в креслице его восводское. -
Ну и что, все еще пускают в Европу, Дуня?..
В дверь, входя без стука,
Прямо к столу паискось
Прошел человек. Вот так штука!
А тут за столом первого... всякая бось...
«Кто это? Что это?
Новый, что ли, уже Восвода?
А Чигринев у окна,
Как это понимать?»
- Это Питецкий... среднего рода...
Зам первый, вся на нем чиновная рать...

- Это мой друг, - возник Чигринев.
Сел к аппаратам. Яволь!
Друг из Москвы ко мне... стол без углов...
Сел вот... вживается в роль...
- Кто же не знает? Тоже народный.
Извините, меня, мужики, –
Вышел, хлопнул, дверью свободной.
- Мы тут, Гришаня, с тобой дураки.
Умный тут, кто инородный.
- Нет пророка в своем Отечестве, -
Засмеялся Григорий
Толчками в горле –
С прибулькиваньем, с хрипотцой,
Как, бывало в ролях Островского, изображая купечество
С маленькой подлецей.
И сразу же резко, как Маршал:
- Враг он тебе! Железка
Ты ржавая для него, стаместка
Сломанная, параша!
Выбросит – если что...
- Знаю, - сказал Арсений,
Оглядываясь по сторонам.
- А что? Кукла и та какая-то дура.
Нельзя уж и поговорить нам?
Замотан, что ли,
Японская аппаратура?
- Какая японская! –
Рассмеялся Арсений.-
Своя, доморощенна-я-я,
Адамовская.

Какая-нибудь тебя Настя
Повыше тут всякой власти.
Она говорит, а ты молчок.
Прикуси язычок.
- Вот академики! –
Повалился Григорий
От смеха мимо дивана, сел на пол прямо. –
Не-ет, извините!
Гляжу я в корень:
Тут уж не драма,
А шкворень.
Прямо в рот твой, видите ль, и доволен!
- Так и живем, -
На пороховой бочке,
Смертельное дело.
- А как бы ты думал,
Пряники тут жуем?
Вышиваем крестом на платочке?
Хлеб выращиваем!
Свеклу сахарную выдаем!
Народ кормим, и точка!
- Мы, Сеня, что-то разное
С тобою поем.
По содержанию да,
А по форме?
Давай-ка сваливаемся отсюда,
К тебе на квартиру...
Хлопнем по махонькой, -
Ну, запуда!
Скажешь, в рабочее время нелзя?

Поклоняешься не Бахусу, а кефиру?
Едем, Сеня! На моей «Татре».
Так незаметнее,
Окна темные...
Как в «киятре».
Будем жрать с тобою скоромное,
Думать про неподъемное.

* * *

В квартирке его двухкомнатной,
Выделенной мэрией, мэшей,
Да еще в общем доме,
С настоящей акустикой, злейшей,
Загремел Григорий, как по стене долотом:
- Ты, что! Живешь тут, в таких апартаментах?
Ты же на-род-ный артист!
Понимаешь, - на-род-ный!
- Вот я тут и с народом! –
С рвением сказал Арсений,
Сделав из голоса «микст»,
Смешав, так сказать, пуд горчицы с вареньем.
- Вот что! - хлопнул его по плечу
Друг закадычный Григорий. –
В народ, так в народ!
Едем, вперед!
В твои Бобры!
Ты мое горе луковое, - сделав тебе презент,
Как сказал бы,
Первый наш Президент -
Боря.
Чую, повесело вокруг,

Сдвинулось что-то вкрадчиво.
Вот что значит, приехал друг!
Вот что, канальство, заманчиво!..

XXXII.

Едут они в Бобры, дорожка как стеклышко,
Только вчера просохла.

Курица сбросила с себя перышко

Да под колеса! Не сдохла.

Понеслась далее, как очумелая,

Тарахтеть по поселку:

Сеня приехал!

- Едут, едут! –

Кудахчет курица эта белая!

А жарить станут, стирать –

Еще и добавят щелоку,

То есть элементарной золы, твою мать,

Чтоб мясы были белы.

Так бабка крайняя Ливенчиха

Все Семену и обрисовала –

Все абсурды-то, обстановочку.

Пока пробку в руку совала,

Впучка сбегала на остановочку.

И вот мимо, стороной где-то,

Машина скользнула,

За акацию задом вильнула –

Все, Сеня, песенка твоя спета.

- Питецкий! – в полглаза определил Гриша,

А полглаза на дороге лежало,

Чтоб дорога хоть не сбежала,

Ехалось чуть потише.

- Пирожки-то совала, а ключ не дала
От материнского дома, -
Заметил Арсений. – Вернуться, что ль,
Ала-бала-бишмала,
Или оставить в конце четвертого тома?
- Да сиди ты, господи! –
Глядел хитровато Гриша. –
Значит, есть кто-то,
Какие-то особи,
В твоей нише,
Есть ему куда ездить,
В самом деле, не в Дрезден же,
А сюда. Кто-то же должен тут быть?
Бдить тебе надо, бдить!
Ну и кто же?
Ах, это ты, Мария?
Ты, Маша?
Какая ты стала – в теле,
Раздобрела? Мрия ты наша!
А что ты тут делаешь?
И зачем был Питецкий?
Что он в Бобрах позабыл?
Вот раскололся орех-то грецкий!
Ишь, кто тебя полюбил!
- Не надо, Сеня, так, не грехи, -
Повела и перед Гришей
Мария плечом своим, плечиком. –
Пить с кем? А на какие шиши?
Зарплату платят только беременным,
Дают по месячникам.

- Ей богу, - глядел Чигринев подозрительно,-
Такое чего-то городишь.
- Стал ты, Сенечка, мнительный,
А сам к Клавдии ходишь.
Круги вьешь, эпиталамы поешь,
Распрекрасные!
Эники-беники ели вареники,
Лучики ясные!
- Нам зарплата твоя не нужна,
И самогоночка тоже.
Вон у нас полканистры вина –
Из самой Франции, боже!
Мороз прямо-таки по коже! –
Хохотал Григорий – народный артист,
Чего хочешь изобразит,
Паразит.
Хорошо! А выпить не с кем.
- А у нас на дорогах один только свист, -
Сказал Арсений. - Вот сюрприз-то к застолью!
- А у нас только и трескают,
А потом дырки колют.
- Кому? – усмехнулся Семен. – Дяде Коле?
Который там с моей благоверной,
Кино снимая, все бедствует?

ГРИГОРИЙ (*Мария на Арсения*) - А хотя бы и так.

А что делать? Коли тут
Такой он примерный,
Только свое воеводство и знает...
Посидели. Выпили. Сначала у Гриши –
«Белого аиста», под «Три свеколки»,

Ну, «звездочки», «звездочки» - длинные,

Да какая разница, что там пишут?

Главное – петь «штокалки»,

Штоколовские романсы старинные.

- «Гори, гори, моя звезда», –

Тянулся Гриша к Марии.

- Хочешь, Григорий, тебе ее тут сосватаю,

Да, тут сейчас!

И отправлю, хоть к черту вас!

- К вию! Тебя и Марию.

Замолчи, дурачок, -

Гладила она по щеке Сеню,

А сама вокруг него веником, веничком.

- Выметаешь? – заметил Гриша. –

А говоришь, любишь его одна,

До упаду.

- Гриша, тише ты, тише, -

Смеялась она. –

Нет с тобой сладу.

- Почитай, Сеня, что-нибудь еще

Из собственного репертуару. -

Задевал Григорий Машу плечом,

И Арсения Маше в пару.

- Что-нибудь из военных времен?

- Да хоть и оттудова.

- Значит, так: кiset с махоркой достал,

Читаем, трезвы покудова.

Во! Китель Рокоссовского.

«После Сабурово – фронта Хозяин

В наш тут Адамов нагрязнул.

Был я мальчишкой, рот свой раззявил,
Не оторвался, как глянул!
Так он высок был, красив, в сапогах,
В кителе, сшитом Филиппом.
Был тут такой у нас – Лаушкин, маг,
Специалист по клипам.
Хоть в кино полководца снимай –
Вылитого артиста,
Дань Рокоссовской фигуре отдай!
Видел, стоял очень близко.
Мы, пацаны, сквозь оцепление
Как-то прорвались. В кругу
Трость проявляла особое рвенье, -
По сапогу, по сапогу!
Алый околыш, белые лица, -
Мог бы любого в окоп!
Я же на китель не мог надивиться.
Лжник он треснул под мышкой,
Сроду не видел, это уж слишком,
У генералов трескалось чтоб.
В кителе, сшитом Филиппом,
Шел Рокоссовский по клипам,
Сразу по всем конмарам.
Я бы, напротив, музею
Отдал те клипы следом,
А тут бы у школы поставил Расею
В кителе, сшитом соседом.
Я бы поставил памятник тут,
Сделанный фронтовиком.
Тоже сосед мой.

Годы идут,
Не успокоюсь на том!

* * *

Все говорят, мир – из идей.
Крутится шарик, неистов.
«Филипп» с латыни – «любящий лошадей»,
А Рокоссовский когда-то был кавалеристом».

* * *

Чай пили с Гришей под яблонью
За дощатым столом,
Где сиживала, бывало, и мать Арсения, -
Давно ли, - душенька-то прозяблая.
Честная,
Царство ей небесное.
Тост, Гриша за ее спасение.
Сиживала она тут с Марией,
Самоварчик ставила,
Раскидывали вместе с Марией карты
По цыганским-то правилам.
Пили квас свойский из той еще «кварти» –
Из довоенной бутылки стеклянной.
Квас перестоен был, очень рьяный.
Марию пить мать не заставляла.
- Все такой же квас, кислый,
Так, Мария? –
- Сказал Арсений, глядя на Грушу.
- Да нет, - брал Григорий
Мариину сторону, а не Арсения,
Тоже во имя спасения?
- Думаешь, Сеня, в театр возвращаться? –

Наклонялся он к Чигриневу. –
Хватит тебе тут скитаться.
Держит главреж тебе, как колечко,
Золотое местечко.
Вот и приветик передавал.
- Круглый, мой друг, тот овал.
- Кто, наш главреж?
- Ой, главреж, главреж,
Ты ж меня не съешь!
- Не ерничай, Сеня, не надо.
Чует сердце мое,
Выскочит банда из ада,
Расклюет воронье.
- Сказочка ходит такая,
Сочиняют сказители, -
Вздыхнул Гришпане Арсений,
Глядя куда-то в сторону. –
Что ему стоит – ворону,
Глаз-то выклонуть?
Мол, коров по району порезал я,
А молоко, говорю, вы пьете? –
- Пьем. – А масло есть на базаре?
- Есть.
- Ну так как же при мне вы живете?
Молчат. А на языке яд «кураре»,
Да, Гриш, «кураре»?
- Да на кой тебе лял
‘Этот яд! – сказал Гришна, Кальянов Григорий,
Весь в каком-то ударе,
Глядя ладошью «Татру».

Вот кто – Гриша –
Извечный друг его
И по жизни и по театру.
Ты вот что, - он сказал, не играй кровью.
Как и все, строй на сына-то дом
Где-нибудь в Подмоскowie...
Положили ему в багажник
Грибков и варенья.
Все махали рукой, покраснели ажник
От большого волнения.
- Вот что, Сень, - сказала после Мария. –
Ты тут живи!
Что я дом-то твой все караулю?
Посмотри, как делают-то другие.
Вон в соседнем районе глава
На работу ездит даже из другой области.
- Все слова тебе, все слова.
Эх, Мария! Аппий все тебе в повести,
Трын-трава!

Глава девятая

XXXIII.

«Смерть – привилегия бедных,
Но и богатые мрут, -
Так думалось Чигриневу Арсению. –
Климат наш вредный,
Долго тут не живут.
Чернобыль всякий и прочее,
Вижу тут все воочию.
Недаром чернобыльские «гробовые»

Местным платятся жителям. -
Двести рупий на выю,
За которые можно купить
Разве лишь гвозди для гроба -
Похоронили чтобы.
Да и те деньжонки-то зажимают,
Пусть, мол, скорее веки смежают
Витеньки, Машеньки, Шурики –
Потенциальные «жмурики».
Президент говорит, семьсот тысяч
В год отхода – от народа.
Медики в дудку свищут.
За те же деньги других - немцев, что ль,
Пусть нам подыщут». –
Так думалось Чигриневу Арсению.
И вот еще думалось Воеводе о чем:
«Что без него ту по Адамову
Бродят бомжи, сменяются все тут по очереди:
Одни помрут, только споют им эпиталаму,
Как другие уж выломались, возникают,
И опять у «Алисы» -
Магазина центрального –
Стоят, держат руку,
Переживая с семьей разлуку.
Что все потому, что
Не я тут был в воеводах.
А как стал и сижу
Там же, где были и все,
Присосавшиеся к колбасе
Во имя народа,

Все равно бомжи
Возникают и возникают,
Преодолевая рубежи
По дороге Аппиевой-то к раю». –
Так думалось все Чигриневу Арсению.
И еще о чем думалось Чигриневу
Под Чернобыльской сению:
«Почему это Столбы Белые
Там, в масштабах карьера, качаются?
От Белой Глины? Призраки ороселые.
Друг с другом в недрах встречаются,
А сверху столбами обозначаются?
Больно много знает обо всем Родькин,
А если Глина Голубая,
Есть девонская и такая, -
Так что – Столбы Голубые?
В мистику лезет душа,
Переворота жаждет.
Блики рябые. Скажешь – и ша,
За язык себя дернешь дважды, -
Страшно,
Что оно дальше?
Неясно. Голос слышится из-под земли.
Амфиарея –
Двойника Прометея.
Слова как где-то на кладбище, видите ль,
На граните были когда-то тут выбиты:
«Мы лежим, а вы живете.
Мы вас ждем,
И вы придете».

- Придем, придем, батюшка, -
Шепчет старушка. --
Кто чуть ранее, кто попозже.
Как дернут вожжи
И прокукует кукушка.

* * *

И еще что вспомнилось
После Гриши, Григория,
Его отъезда вскоре,
Восводе адамовскому:
Сказанное Александром Македонским
Учителю своему Аристотелю,
Когда тот в трудах своих сообщил
Роду людскому –
Сонму бедламовскому
Тайное, с испокон испоконским,
За чертой того – этого,
Мотивации Мотеля.
- Не должно знать
Простым сметным то, -
Сказал Александр, -
Что касается нас, Кассандр.
Иначе что же мы за цари,
Потеряем рули». -
Так примерно сказал
Александр философу.
А философ не только знал,
Но в его знаемое и вникал,
И хотел, чтобы царь это осуществлял;
Углубляя овал,

Правил, зная неведомое,
Неисследованное.
Обо все теперь пишут и говорят.
Да, действительно, видите ли,
Сталин и Гитлер,
А также цари, короли
Прошли школу,
Учились в иезуитской,
Знания им давали – аккуратней рули
В мистике индуистской.
Вот хотя бы такой пример тайного:
С чашей Грааля.
Грааль этот ищут-ищут
Сотни лет, даря тыщи.
То под видом чаши – в Альпах,
При Адольфе Гитлере, впрочем,
То под янтарной комнатой –
Где-то под Кенигсбергом, это при Сталине.
А ученые что уже наворочали?
Были артиллирийские залпы,
Теперь про это говорят
Скромно.
«Тайная вечеря» Леонардо.
Шифр. Слева от Христа
Магдалина – жена его –
Зашифрована.
В чаше Грааля – кровь его, несть числа.
В лодке без паруса
Плыла она из Египта,
Одной мыслью скована:

Доштыть, сохранить свягую кровь –
В юдоли предуготованной.
И прибило лодку к галльскому берегу.
Так как все это
Теперь расшифровывается?
Матриархат был,
А то ли уж биархат.
И была Магдалина беременна.
От плода ее и пошел род
Французских королей –
Меровингов.
И как ныне это читается?
«Санг роаль» - «кровь короля», «кровь королевская»,
А передвинули букву
В сплошняке этого слова к тому,
И что вышло?
«Сан Грааль» - «святой Грааль»,
Чаша, святая Грааль,
Чаша, из какой Иисус
Якобы пил за людей свою кровь Христову
В виде вина».
Вот о чем назвенел комар-гнус
И думал он – Воевода адамовский,
Глядя на голубые кремлевские ели?
За окном – а чего б вы хотели? –
И я с ним, взорванный изнутри, как петарда, -
Всем этим был так взвинчен.
Не магистр хоть великий
Ордена тамплиеров,

Как Леонардо да Винчи,

А тоже ведь Леонардо.

* * *

«Спустимся же с облаков,

Из области мистических грез

В область реальную, реализма, –

Думал Арсений Чигринев.–

И проживем просто так тут, дома,

Без дураков.

Где навоз,

Без снобизма».

Только тут и заметил, что Мария

Живет в пустом доме его за хозяйку.

«Хоть сейчас ее в жены бери я,

Образуй семейную спайку».

Однако виду не подал,

Удивленья в себе не выдал.

Политик уже своего рода,

Как богиня Изиды.

Сам себя не уважает порой

За то, что не по душе поступает

Частенько,

А по расчету – астраханской икрой,

Гнильем по уши себя накрывает.

Почему хоть «икрой»?

Термин такой, из рода национальной рыбалки.

Вон у французов – гусиный паплет, -

До Марселя подать рукой, -

Служит той ж цели, вроде палки.

Стебает тебя для достиженья побед, -

Понял или нет?
В нашем деле без иронии никуда.
Нам ирония, как им гусиный паштет.
Так понял ты все-таки или нет?
Вкус икры – это вкус той же палки, побед.
Слушай сюда,
Сусед!
- Сеня, поди! – позвала она
Через весь двор его, Чигринова. –
Глянь-ка в подвал, картошке хана,
Не доживем до новой.
Вся посплелась. И доска
Сгнивши, аж рухнули наземь банки.
Господи! Такая тоска!
Глухо, как в танке!
Был тут порядок
При маменьке! При маменьке!
Не поставишь в упрек.
А тебе невдомек,
Надо бы заняться подвалом.
Как мама ушла,
Так все теперь за малым:
Там прореха, тут дыра –
То велика, то мала...
Так вот, целое воскресенье
Арсений как впрягся с Марией
Во имя усадьбы, ее спасенья,
Так до вечера не разогнулся,
Гори оно синим огнем...
Хоть один, хоть вдвоем...

Волдырь на ладони вздулся..
Легче кому-нибудь «баксы»
Швырнуть, но кому?
Богу известно лишь одному.
- Косу куда-то ткнул,
Не видала? – спросил он в сердцах.
- Да вон же на вишне висит. –
Сказала. – Здрасте, гутен тах!
- Ну я пошел на куртину,
Что за сараем, - и крапиву.
Только к вечеру выстроил он картину:
Поддавшись порыву,
Скосил бы весь сад.
Косил он, как плыл по течению,
Согласно внутреннему влечению.
Все косишь подряд, когда под косой
Колокольцы звенят.

XXXIV.

Гриша уехавши, как говорили в Питере
В старомодных комедиях.
Старомодное взяли и вытерли,
И что оставили медиумы?
Так вот, Гриша уехал, исчез, как дым,
А что от дыма того – догадайся.
Вникай, порассуждайся,
Как теленок с дубом бодайся,
Будь для того молодым.
Вот Арсений-то и бодается,
Из себя выходит, старается
Вспикнуть в смысл вопроса

Театра- колосса.
Недаром столько лет жизни отдано
Лицедейству треклятому,
Будде этому, с какого
То вверх, то вниз –
По Монблану покатоуму.
Все в жизни - театр, если вдуматься.
Все артисты – глумовцы,
Особенно же начальники,
Всего нахватались
Политики, изначальники.
Извращенцы простого, естественного
И прочее... тире, многоточие...
- И откуда ты знаешь все это? –
Спросят подследственного.
- А что именно?
- А декрет о «расказачивании Дона»,
Суть декрета.
- Так ведь это, большое спасибо,
На столе лежало
У ма-а-ленького начальника.
А я, дурак, взял и прочел.
- Ну и че?
- А по морде-то кирпичом.
Кабы не ночь, товарняк
Да не Постышев с Горьким,
Качался бы я, как дурак,
Где-нибудь на веревке.
Весь реализм в кино неотразим,
Кроме того, что в цене остался бензин,

Миру невидимы слезы,
Видят березы, коли тверезы,
«Нутренность» всю:
Грачева, Леонова, Кретова.
Хотели бы, да не могут.
Могут, да не хотят.
Эти бы дали подмогу,
Да те не велят
Петь любому
Из недопетого.
Бить любого
Из недобитого.
Пить любое
Из недопитого.
Понял, Адам, или нет
Тот «казачий» декрет?

* * *

Встал Воевода чуть свет,
Посадил рядом Марию
И в Адамов, – привет!
В «Волге» включает мрию.
Гимны поют, к гимнам слова
Сочинил бы свои,
Да на что те дрова,
Печь одна на двоих?
Газ скоро будет. Европа уж вся
Трубами оплетена,
Газом нашим вся сплочена,
А у нас все дымы,
В дымах какой-то осадок.

Топят дровами дома –
С лесопосадок.
А также соломой с полей, ненужной.
Эффект от охраны наружной -
Не требуется столько насадок,
Как на ту же соковыжималку,
Которая все выжимает.
Выжимает и выжимает,
Выжимает и выжимает.
Довыжималась!
Президент сказал про Наталку-полтавку
(Теперь, правда, она в СНГе,
Эге-ге! и СНГ) –
Все теперь будем назад отдавать,
С газа стандартные цены взимать.
Едет Арсений на «Волге» казенной,
А мысли-то клубом роятся.
Какие – вправо, какие – влево,
Какие – в яму, в кювет, если прямо,
Дорогой зеленой.
Раз десять проехал тут, двадцать,
И ямы все не было,
А теперь – яма.
Выбита не колесами,
А проблемами и вопросами...
Перед первым домом Адамова –
Взлетная полоса,
На уровне колеса.
- Стой! – и сверкнула коса,
В молнию преобразилась.

Лужа ямова,
Молнией завершилась,
- Ах ты, лужа, лужа!
Что тебе, отче!
Я тебе нужен,
Кочет?
Стоит мужик в маске:
- Не узнаете?
Я – на работе,
Властью давно обласкан.
Всем воеводам служил
При власти еще той, турецкой.
Да нет, никто не платил,
Доброволец, конечно,
Орех грецкий
При той еще власти, турецкой.
Доношу... и т.д., и т.п.
Вся картина за ночь в Адамове
Мне ясней ясного -
Драма драмова, суть негласного!
Как гусыня склевала
Свое же яйцо. И теперь
Веревки хоть прямо вей,
А хоть криво,
Тебе этого мало?
В РТС сняли пробу с коленвала,
Самого важного. В столовой накрыли главного;
Мясо – налево, кости – направо,
Так-то у нас, в Адамове,
Волокита бумажного.

- Мелковато, - говорит Воевода «сексоту». –

В другой раз тему бери поглубже.

А дальше пошли по улице –

Навстречу птица того же полету.

- Знаю, знаю, - говорит Арсений. –

И сам ведаю,

С кем обедаю.

Нюхом чую, не надо мне вашего.

- Да нет, - говорят, - не выйдешь из потрясений

С любого края

Без этого нашего.

Приехал. Вошел. Заступил на пост –

Тут же звонки телефонные.

Начальник милиции – этот прост:

- Елки-палки зеленые!

Все саженцы на площади

За ночь целы,

Пьянок больших не замечено.

От эмгэбэ человек в гражданском.

Нет куда листовок,

Шпионов не встречено.

К митингам никаких подготовок,

Особого ничего не замечено.

Правда, один дурак неумелый

Стихи все пишет про красный мак,

Когда он давно уже белый.

От бывшей турецкой системы, лысый:

Жука колорадского травят,

Завозят из-за границы,

Для измененья системы,

Те, что нами правят,
Пока не прочувствовали остроту темы.

* * *

Схлынули эти трое – зашел аппарат.

Сидят во главе с Питецким.

Каждый внешне вроде бы рад,

А внутренне – гад.

Ему все равно, как в кино,

Что при этой, что при той,

При турецкой.

- Ну, так, что у нас? Летучка?

Пятиминутка? Часа на полтора?

Как говорил еще Ленин,

Это мы так из лени,

А подтянуться – можно и в полчаса

Узнать, почему в РТС с колеса

Сняли коленвал?

А на людях гусыня

Склевала вместо яйца само колесо, -

Поняли или нет? –

Что я сказал во имя...

Добавим еще-с...

- Чего? – всколыхнулся Питецкий. –

- А ничего, абсурд.

Просто апломб турецкий.

* * *

Ушли. Весь аппарат.

Исполнять неисполнимое.

Остался, сидит один Чигринев,

Ест шоколад.

Жует. «Твою мать!

Опять чего-нибудь мимо я?

Им яма, что ров,

Больше виднее с дыбы.

Если в Сосне-реке клев,

Значит, не будет рыбы».

Нажал на кнопку.

Сказал секретарше:

- Питецкого мне!

Вошел Питецкий,

Какой-то робкий.

- И что ты забыл там,

В моей стороне?

- Да так, - замялся Питецкий. –

Мешок зерна тебе привозил.

Для кур.

Арсений был непроницаем и хмур.

- Вот что, - сказал заму он,

А в его лице всей той стороне,

Молодецкой:

- Не вытягивайся, не надо, из жил!

Чудак!

Как-нибудь проживем и так.

Ну, спасибо, физкультпривет

За вчерашний обед.

Сидел и вникал я в интриги,

Кто с кем, кто куда врозь.

Какие на ком вериги -

И вкривь заведут, и вкось.

Просчитывал те их плети,

Которые нас посплели –

Во все лучшие-то на свете

Пространства неба, земли.
Читать-то умел, но писать
Не пробовал никогда.
А ведь Ильичева лампа -
Высвечивает города,
А села, возможно, калечит,
Не учит народ, не лечит,
В карман уже класть устает,
Века обирая народ.
Народ отвечает тем же,
Да так оно и идет.
Течет где-то речка Темза,
И Волга где-то течет,
А посередке – пространства.
Европа плюс-минус рот.
Избавь, бог от постоянства
Течения наоборот.
Все реки бы поворачивать
На Север, на севера.
Хоть близко тут город Карачев,
А все такая ж дыра.
Столбы голубые качаются
И белые рядом столбы.
А люди живут, измельчаются,
Искоса глядя в гробы.
Григорий сказал, мол, сыну
Надо построить дом.
А для чего ж лезем в тину,
И для чего живем?

Да, запустить бы «дезу»
И глядеть, где она
Достигнет своего дна.
Информация дозарезу
Нам такая нужна.
Кто с кем и как кто куда
Смотрит на нас сюда.
Итак, запустим ее
Через Клавдию, Кланю –
Среди бела дня.
Остановить у дома ее машину,
Войти в гости
С бутылкой вина
Погладить ладошкой крушину
У низкого тыну.
На диване у нее,
Как на мостик,
Бросить кости.
Да еще, чтобы в то же время
Соседка зашла...
Ой, Семен – Арсений!
Рискуешь! В нелегкое бремя
Впрягаешь коня
Среди белого, белого дня...
Так и сделал. Зашел к ней
С бутылкой «Белого аиста»,
С длинной такой бутылкой
Молдавского коньяка
В виде мужского фаллоса,

Который, если поковырять вилкой,
Шлепнуть по дну ладонью слегка,
Откроет многие тайны рука,
В них поиграв слегка.
Главное, есть такой коньяк в магазине.
Молдавия из подвалов криковских
Недавно в Адамов сюда завезла.
Был такой промежуток времени,
После М.Горбачева. Ездили хоть на дрезине,
А на комбайне уж точно, в соседний район,
Если там появлялось хоть что-нибудь
Среди ситуаций-то пиковских,
А точнее, пиковых ситуаций.
Душа не терпела, не готова была.
И вот как все это происходило
У разъединенных наций.
- Мы из села, -
Как у нас все представлялось в натуре, в натуральном виде.
Во-первых, «Белого аиста» не оказалось,
Вылакала горилла, что было,
Даже главе не хватило.
Пришлось продавщице Лиде
Сманипулировать малость:
Вместо «аиста» «Белый орел»
Американского производства
Чигринев приобрел.
Шарманку свою завел
И явился к ней, имперторше вдовствующей.
Во-вторых, Клавдии дома не оказалось,
И с ней тоже пришлось сманипулировать малость.

Соседкой у Клани та же Лидия оказалась,
С ней и пришлось дегустировать гадость.
Какая жалость!
Лидия пила свою только, фирменную, -
«Лидию».
Правда, тоже из Криково,
Но для каждого, не великого.
В общем, когда мелькнул
За окном Пигецкий
С выправкой своей молодецкой,
Гулюшка тут уж в разгаре была.
Недоучел Арсений, что он же артист!
Натура-то склифосовская!
Предрасположены, душки,
К таким возлиянием,
К женщинам.
В общем, натура бесовская,
Переходящая от рюмки к кружке.
Если без окороту,
Можно проспять и на работу.
Это тебе не предвыборная кампания,
Когда тебе все прощают заранее,
А в кресле сидишь, как на троне
Какой-нибудь фараон.
Тут уж будь при «пардоне»,
«Миль пардон»!
Мол, не пьет, не гуляет он,
Этот, видите ль, квас,
Женщины, только для вас!
В общем, до кондиции он не дошел,

Но все-таки грешен.
Портрет уж не будет повешен,
Как у некоторых, кто пьет корнюшон
С ангельским выраженье лица,
С натурой же подлеца.
Русская натура широты просит,
Степного простору
Своему взору.
Так на степном просторе
Арсений и ограничился.
А тут еще соседи сбежались, -
Сидели, за его счет ублажались,
Впервые такое видали, надо же!
Пейте, Фиалки Монмарта!
Пусть пьют, гуляют, как в море
Сходятся корабли,
Чтобы парус проверить мыслью,
Сам Чигринев как сбылся,
Так и сидел, все ждал Клавдию,
Мол, по делу к ней,
По правде я.
Пришла Клавдия – удивилась,
Позвонила Питецкому – тот пришел.
- Ах, вот вы где! Скажи на милость,
Вот где, Сеня, я тебя и нашел...
В общем, придумать пришлось
День рождения.
Паспорт не требовали,
Просто поверили вот.
Так без всякого ограничения

И сходил Чигринев в народ
Закон, что дышло.
Не подвел бог Кришна.
Вот что из той комбинации вышло,
Мать твою так! Прямо-таки народный спектакль.

* * *

Видимо, срок мой пришел
Выдавать сразу все, не порционно.
Пишу, как бразильцы играют в футбол:
Легко, свободно, комбинационно.
Чемпионат мира как раз,
Мистика в спектакле!
И это, люди, для вас - у них, и у нас!
Не так ли?

* * *

А «дезу» он все-таки запустил,
Но через другой, понимаешь, канальчик.
Я вам не бог Саваоф
И не царь Иегудиил,
Тем боле, не мальчик.
Утром, когда ехал-то из Бобров
В Адамов свой спозаранку,
Переговорил с тем, что косою «пушчал кров»,
Стоя у крайней дома подобно танку.
Пустил фразу ему Чигринев насчет вчерашнего
В сворей интерпертации,
Угодной и ему, и всей его адамовской нации.
Это насчет Клавдии,
Ее «треугольника» вместе с Питецким.
Даже бутылкой из загашника

Поощрял «сексота» своего полуспящего.

Все по правде, мол,
Все по правде я,
По канонам турецким –
В око слушающего
И зрящего.

* * *

И вот как-то приехал
В Бобры он к себе, а Мария, -
Его теперешняя хозяйка тут, мрия, -
И говорит, бахает со смехом:
- Че это ты, Сеня, там творишь
При твоей-то должности?
- А ты чего говоришь?
- Да не я говорю, а все уж
Талдычат
О твоей пустопорожности.
Мол, с Кланькой-то обустраивается
Для виду, для отвлечения в сторону,
А фактически, как и все до тебя,
От народа питаешься.
В чужой огород запускаешь борону,
Говорят уж полсвета,
Строишь мол, себе дом
В «поле чудес», в Подмосковье где-то,
А пишешь на сына...
Вот тебе и четвертый том,
Картина!

* * *

Ходит Арсений по саду,
Яблони спину гнут.

Яблоки тут же по следу,
По головешке бьют.
Мысли-то все дурные,
Духа наоборот.
Оперы проходные,
Задом все наперед.
Музы вы, мои музы,
Арии из ролей!
Шар загоняешь в лузы,
Разумом не умней.
Где-то мелькнут под молнией
Тот мужичок; коса,
Рвением преисполнена,
Скосит тебя в полчаса.
Лысый, как и тот самый,
Что «докладает» с утра.
Пишутся нами драмы,
Пилят нас пилорамы
Или съедает жара.

* * *

Чья-то рука, чья-то воля
Водит свои круги.
Тут уж не бабки – поболе
Кто-то у вас на пути.
«Дезу» свою запускает
Вдоль, поперек и чрез.
Все Чигринев понимает,
Но извращает бес.
В этом круговороте
Должен он быть наверху,

Иначе на работе
Кто подкует «блоху»?
Вожжи разъедутся в стороны,
Кони, поди, разнесут.
Падает пыль на бороны,
В фондах свое крадут
Маленькие воришки –
Местный конгломерат.
Это тебе не сберкнижки,
А из поэмы арабской,
Вроде какой-то земной,
Вроде как объединенный,
Вроде навроде Арабский
Тут у нас Эмират.
Как сказал А.Руцкой,
Надо жить не с тоской.
В общем, не надо работать,
А все-таки получать.
И ни за что на свете,
Пняешь, не отвечать.
Впрочем, девятая рота
Где-то застряла что-то.

XXXVI.

Депеши не только идут параллельно,
А ходят еще и наверх.
Вон цапля на ножке одной
Стоит себе дельно, как-то отдельно
В судьбине-кручине хмельной,
Как в топях какой-нибудь стерх.
«Свистать всех наверх!» -

Сказал Губернатор.
Но передумал и вот
Назначен синклит или саммит,
Чтоб стерх,
Увидел его и себя чтобы вверх
В собрание всех воевод.
Назначен денек.
Граница районов.
Вот тут и должен собраться народ.
Вон сколько сапог в этой самой передней
Стянуло сюда и свело,
Как «Ногу свело»,
Как будто это Италия,
Или поближе – Анталия,
Или этот – раздвоенный Крит
В посадке дубовой сидит.
Сбиты столы из досок,
Выструганных слегка.
Сам Навуходоносор
Смотрит издалека
На тот туалет из фанеры,
Какой в горнем холе сбит.
Каждый в себе химеры
В небе своем творит.
Сели все порайонно,
По воеводам врозь
В лесополоске зеленой,
Где как кому пришлось.
Сеня при Губернаторе -
Воевода адамовский.

Он же хозяин кратера,
Первый на почве драмовской,
У всех как бельмо в глазу,
Тут пускает слезу.
На бедность что-нибудь выпросить
Для своего района.
Не нужного кого-нибудь выбросить
В область, как гвоздь из баллона.
А у самого Чигринева, как у быка корова,
Одно на уме:
Отчего синклит, именно тут?
«Гитлер капут» - и не где-то
Под прицелом всего такого, -
Что ли, дело к зиме?
А ведь лето,
Вопросы газификации
В середине-то русской нации.
Выбран именно их Адамов
Губернатором всей провинции –
Почему? Сколько тонн, килограммов
Во всех этих лицах,
Сколько веса, если взвесить
Каждого тяжеловеса,
И обмерить животики из интереса, -
Сколько это?
Вопрос не нов,
Будь здоров –
Сколько надо на всех штанов!
И, когда уж подпили, запели,
Кое-где загалдели

За лесной-то посадкой
В той компании сладкой,
Губернатор ему остороженько этак:
- Чигринев, хороший ты человек!
Артист великий, а наломал столько веток,
Истоптал столько вымени,
А на должности-то молодецкой
Все же лучше Питецкий.
Вздрогнул Сеня, перекривился.
- Я за место, - говорит, - не держусь.
Как народ? Вся эта Русь! –
Повел рукой по полям он вокруг,
Глазом на Губернаторе остановился.
- Да это я так, в шутку, -
Усмехнулся тот. –
Выбрали, так сиди.
- Да, - сказал Чигринев, -
Выбрали не на минутку,
Два года еще впереди.
- За два года мно-о-го воды утечет, -
Усмехаясь, Губернатор поглядывал в сторону.
- Вам за это, Семен Михалыч, почет,
А мне что – знай, тяни борону.
- Конь вороной!
Ну давай за это еще по одной?
Так и закончилось совещание
На границе районов, в лесопосадке.
Не понять-то ли было это прощание?
То ли живца самолично Губернатор держал на насадке?
После того настресние Чигринев вроде снизилось

И тут же вроде повысилось.
Правда, выбрали не чью-нибудь
А его территорию.
И губерния как-то приблизилась,
Стала менее-то замореннсь,
Раскрылась более полновесно.
А с другой стороны тучечка пробежала.
Вон пчела несет в себе жало,
А кому интересен след твой царственный?
Главное – чтобы не укусила,
Не полоснула кинжалом.
Ты теперь человек государственный,
На тебе – держава.
А ведь ты еще и человек.
Артист просто, пожизненно в звании,
Депутат на заседании.
Как это просо,
К осени, когда убирать, поле розово,
А зимой белое, -
Нет вопроса.

* * *

Питецкий руку свою
Тоже держал на пульсе.
Жил, как говорится, в раю,
Перемещая звенья той цепи,
Куда Воевода запустит «дезу» свою.
Чтобы быть всего в курсе,
Свое в «дезу» ту и лепи.
Во всяком случае, во избежание
Вноси в историю Крезу,
Свою тезу и содержание.

Во избежание чего?
Нападения мало,
Самозащита снится.
А у Питецкого ото всего
Голова что-то
Стала кружиться.
Сколько раз на себе
Проверял портупею.
Думал, как Чапаевы мы, не тупее
Некоторых, что
Любое приказывают тебе,
Как самому себе,
За которых воз везешь.
Надрываться не надрываешься,
Но и не очень стараешься,
Ибо несут они порой всякую чушь,
И сам маешься,
И других маем,
Обхохочешься, что сочиным.
Тушью чертим,
Тушь потребляем,
Когда с утра начинаем,
То, что кончается речью.
Впрочем, вопрос остается.
Для остротости, впрочем,
Жалю о камень точим.

* * *

Родькин к тому совещанию
Тоже принохался.
Все же Губернатор был,

Как в болото вбухался,
Теперь зачастит в Адамов.
Что это даст району,
Карьеру его, карьере?
О сундук Бантик то шей,
То спиной чесался.
Право, какая-то мелодрама!
Белые Столбы в эру ону,
Яд «кураре», заключенный
В каждом разрезе и в каждой Керре.
Когда Чигринев
«Дезу» свою запускал,
И с нее шлея соскользнула,
В общей цепочке,
Он передал по инстанции
Не то, что «було»,
А то, что надо было передать,
Кланиной дочке,
От которой все и пошло
К этому воробью москворецкому –
Господину Питецкому.
Правда, с Арсением от этого
Отношения лучше не стали,
А все-таки, все же.
Господа воеводы, трали-вали,
Что-то и мы значим тоже.
Сундук свой Шурик Бантик
Еще белее взял и выкрасил.
И поставил теперь уже поперек, -
И что это значит?

А принята мера,
Что не только другу его – Воеводе района
Но и самому ему как начальнику
Что карьера, значит, понимаешь?
Невдомек Адамову, куда путь пролег,
К какому такому чайнику?

* * *

Мария, бледная Мария,
Куда глядишь со всех щелей?
Не знаешь ты, какого змия
Ласкаешь в Бобровке своей!
Так, божий дар с яшницей путая,
С Пушкинским – свое безнадежное,
Она в Бобрах и проживала, минутами.
Кутая под зиму саженцы,
Сад молодой сажала.
Зачем? И сама не знала,
Ощущая в себе состоянье тревожное.
Тем более, странное,
Неведомое какое-то, страшное.
Страстная, -
За Сенечку своего,
Как Василиса Прекрасная,
Боялась она, что-то чувствуя,
Предошущала.
И тем ему беду накликала.

* * *

Примчались в Бобры к псу
Из Адамовской администрации.
Бабахнули:
«Воевода попал в аварию!»

- Живой хоть? – черти в ней ахнули.

Как яблоня треснула

За себя и за тетку Дарию,

Царствие маме небесное!

В больницу бросилась –

В Орел увезли. Тут же, на скорой.

- Где случилось? – спрашивала.

Кого-то искали.

Где-то свинья поросилась

Под забором.

Кричала.

Не сказали.

Люди уж ей донесли по цепочке:

- Да тут же у вас, под Бобрами.

Ехал от Кланиной дочки

К другой даме.

Глава десятая

XXXVII.

В реанимации лежал

Герой наш – Чигринев Арсений –

В черно-белом изображении.

Как только смерти он избежал,

Жив остался. Попал в эти сени,

В медицинские кущи,

Вошел в такое состояние,

Лежачее положение –

Не скоро из него выберешься.

А досрочно выйдешь,

Себя, прежде всего, обидишь.

Лежи уж, коли побыл на краю,
Испытывая фортуна свою.
Мария от него не отходила,
При нем так тут и была,
Ловя каждый звук, шепот ссохшихся губ,
Гладила ему тихо чуб.
В шепотах слышалось ей:
- В Москву, что ли? Или хотя бы в Адамов?
Не доверял медицине – он всей
И говорил о том прямо.
«Да ить так оно, так.
Семьсот тысяч отхода
В год от народа, -
Так сказал Президент». –
Думалось ей
В такой момент,
В развороте страстей.
Постепенно, однако,
Стало это спадать,
Арсений начал всех узнавать.
Тут-то его и перевели
Из реанимации
В простую палату
Для продолжения лечебной акции
И накопления стабилизации.
Наконец-то явилась жена его –
'Эта артистка. Вертихвостка!
Все кино снимается ни с того, ни с сего
С дядей Колей каким-то,
Где-то в Средней Азии.

Одета с лоском.
Доснять осталась всего полоска,
А тут этот случай.
Бросила все, и тут она вот.
- Сеня, ты меня не мучай, -
Наклоняла к нему живот,
А он от нее отворачивался -
От ее, как говорится, «кина».
Так и осталась у порога одна.
Многие из медперсонала
Не считали ее,
Шмыгу эту,
Женой Чигринова,
А – Марию. Как встала
На пост у его изголовья,
Так и стояла.
Дуэт у них сложен,
Да и оба одной фамилии –
Для нее не новой,
Так к ней привыкла,
Как огороду тыква.
Покрутилась, повертелась в области тут
Эта Шмыга.
Да и укатила в Бобры
Со всей своей доблестью,
Задрыга.
Вскоре и Арсения, по его просьбе,
Препроводили в Адамов,
В больницу –
В адамовском-то болоте

Поближе к кладбищу,
К папам и мамам,
К работе.

* * *

Мария и тут к нему
Никого не подпускала.
Как Слизка,
До своего обелиска,
Даже артистку.
Когда та наезжала.
Постоит, постоит опять-таки у порога,
Помолчит немного
И назад, восвосяи,
В Бобры, к продолжению бала.
Весь район следил за бюллетенем,
В каком отражалось здоровье Воеводы.
Даже в районной газете персбегали тени
Пасчет этого. По радио кое-когда
Оповсцали народы.
Даже Москва помянула его как народного артиста,
Всем известного,
Едва не павшего,
От соловьиного свиста
Во имя региона родного, местного,
Любовь у людей списканшего,
Духом свободного, -
’Этого нашего артиста народного.
Шмыга эта, жена его,
И та прослезилась, а Мария тем болес,
Прямо-таки обалдела ото всего,

Слушая такое по радио с болюю.
По черненькому такому, мятому - перемятому,
По еще довоенному рупору,
Который Мария иногда претирала,
Календулой или мятою - сверху
Терла тряпочкой по кумполу
Для придания блеска той информации,
Какая шла им сюда
Оттуда, из рации,
Для придания духа нации.
Арсения как раз привезли из больницы,
В Бобры – из Адамова.
И он сам это лично тоже слушал,
Хотел на рупор еще и шутя помолиться,
Да Мария сказала:
- Не ерничай, не надо!
Не раздражай Буша
И его пилота,
А то опять где-нибудь что-нибудь бухнут в лица
Из самолета...
Семен уже начинал ходить,
Но пока еще с тросточкой.
Озирая родную выть,
Едва не подавился вишневой косточкой,
Как раз к Петрову дню
И поспела вишня.
Сене праздник, Сене с детства
Любил вишни-то, как истинный бобер из Бобров.
Как бог Саваоф
Или бог Кришна.

Особо это варенье вишневое,
Которым по всем кинокартинам
Для придания бедствия
По ранам, истекающим кровью, мажут,
Страсти кровавые таким образом кажут.
Сенечке первого вареньица
И сварила Мария.
В душевном порыве
В кружечке принесла к чаю.
- Вот как, Сене, я тебя величаю!
А Шмыга его, эта задрыга,
Пыхнула и ушла, кота Василия с собой увела.
Наверно, в Чигринево, пмыгнула на почту –
Звонить в Москву, чтобы дети приехали,
Мол, приказала мама.
Один уже в одиннадцатом –
В военное училище прочат.
А другой пока что седьмом,
Еще рано.

* * *

И опять задумался Арсений, играя ключом, -
Герой наш чигриневско-бобровский,
Адамовский.
Есть подумать о чем
В жизни этой бесовеской, бедламовеской.
Там на очень многая квота,
А тут в квоте пусто.
Вместе никак не соединяется что-то
Рена с капустой.
Как же так у него получилось?

Как это вышло?
Сбоку дороги КАМАЗ возник,
Но без соприкосновения, в то же мгновение
Он летит куда-то в кукурузный силос,
Расшибся лик
О какое-то дышло, -
Авария!
Ну, с кем еще было такое
В хватке ужасной, мертвецкой?
Подальше туда, к эпохе турецкой,
Машеров к праотцам таким образом был отправлен,
А поближе сюда и вовсе подать рукой –
То Евдокимов – губернатор Алтая,
А то Караченцов этот –
«Юнона с авоськой», -
Едва не была его песенка спета, -
Так же вот на автомашине
Прокололи ль шины,
Шины ль не прокололи –
В судьбе очень близкой, свойской
Всей их планиды геройской?
Про-ку-ро-ры вокруг одни!
Кругом одни прокуроры!
А смотреть некому в корень, в эти хоры –
Кого ни вини. Сонм.
Над которым еще и генералы –
То Романов, то Рохлин, то Лебедь,
Все пять колонн
Внутри, по два балла.
«Не много ль для нации,

Идущей к своей деградации?» -

Так думал Чигринев Арсений.

Ему можно, он герой, а не автор.

Это все автору лыко вставить готовы в строку,

Что с него, видишь ли, проку?

Хоть и нет цензуры, а что есть?

То общественное мнение,

То пресловутый рейтинг,

Осужденный недавно из бдения

Пленумом журналистов

У истока Оки со свистом,

По маповесью души, а не чьей-то руки,

Тут, за станцией, близ Адамова -

Городка не великого,

Но величавого.

Опять, скажут, вылазка Запада Дикого,

Или, может, местная демократия хамова?

Буря в стакане воды, понимаешь, бурьянова.

А резко не возникай,

Знай и в стакане край.

* * *

Понимать-то хоть понимаем

Во что мы сегодня играем?

Кого куда по скамейке сажаем?

Вот кого будет косить завтра?

Что окажется там, за раем,

Куда себя движем, а других задвигаем?

Еще тот - скифский менталитет,

Превратясь в генотип наш русский!

Главное – не сколько тебе лет,

А сколько эпох в этруске?
Там еще, до Древнего Рима
С его госаппаратом, какой,
В конце концов, и прошел мимо
Цивилизации, съев половину нации
Вместе с варварами гремучими,
Возникающими за тучами?
Съели все достоинства во имя ее четвертинки.
Выпили коты молочишко из крынки,
А теперь животом маются от несварения...
Господи! Прости меня, грешного!
Северный полюс мой,
Все мои льдины, льдинки,
Творения.
И меня завели сюда, честного,
Аппаратные игры... картинки
Малоизвестного...
Помнится, по игре
Роль какую ему играть
В современном спектакле,
Обратился он к прототипу,
К живому образу –
Начальнику умному!
«Скоро будут тебя «скидавать»?
Только без всхлипу,
Как и когда, - слушай сюда,
Объясни мне, глумному».
- «Не глумному, а глумному!
Ставь ударения, куда надо, -
Тут же ответил ему начальник. –

Выдерешь аденому,
Другая вырастет.
Поставишь чайник,
Вся вода высвистит,
Что пить-то будешь, печальник?»

XXXVIII.

«Карьер Адамовский, Белая Глина я»,
КАМАЗы, накрытые поверху брезентом,
Все везут и везут. Процессия длинная.
Каждый фактически с аргументом.
Но вот прервалась ниточка,
Процесс тормознулся, стоит.
Остановилась на ВИЛОРе и плиточка,
Линия из отдельных плит.
Измененья в ценах какие-то,
Что-то должен подписать Воевода.
А где он? Как грач перед вылетом,
В гнезде усеялся своим, «урода»!
Так его трактуют водители
Этих самых КАМАЗов.
Родькин им:
- Грабители!
Призраки!
Воители педр, миазмов!
Зачем же вы так человека,
Вам же делающему добро?
А они уже мягче ему,
Как начальнику самому:
- Дядя! Ну, ты и калека!
В Польше так ро –

Мантики зовут красоту,
Красивых людей,
Независимых от идей.
- Нет таких! Романтику, да не ту
Вводите вы в Красоту, -
Упорно стоит на том Родькин,
Весь из желания неодолимого соткан,
Сделать Семену хочется что-то хорошенькое,
Пока пашется,
Пока косится,
Пока земля в натюрморты просится,
Едва не сломалась о камень, пашенька,
Как у Чигринева Арсения,
Полчерепа, говорят, отвалилось,
А полчерепа под бинтами едва вмещается.
- Скажи на милость!
И что это будет?
Придет период осенний,
Снимет ВИЛОР отсюда технику,
И прощевай. Водители уйдут в техникум
Механизацию преподавать.
Или, говорят, возить будем
Глину откуда-то с Украины,
Правда, рейс будет несколько длинный, -
Будут нам там за доллары продавать –
Голубую, элитную,
Какую-то «жовто-блакитную».

* * *

Бросился Родькин в администрацию,
Послали к Питецкому, заму.

А тот говорит мистикой всей своей:
Не оскорбляй, дескать, нацию,
Прохиндей!
Стану вот воеводой, -
Мама – мамочка! –
Прикроется ваша лавочка!
Вот Родькин помучился, помучился,
Да так в Бобрах тут у Чигринова и оказался.
- Семен! – говорит. – Ты чего тут с тросточкой?
Давишься вишневой косточкой!
А там прикрывают дело,
Может, всей нашей жизни, -
Обезьяны из уездфинотдела,
И медведи губернские, гризли.
- Совсем сгрызли? –
Усмехнулся Арсений. –
Не помог и Спартак?
- Так теперь никто ничего
Не хочет за так.
Коррупция заела,
Исчисляют в условных единицах.
А где он, доллар,
И какой хоть он-зеленый ай белый?
Мне, например, только снится.
- Спи поменьше, - буркнул Арсений. -
Столбы побольше считай,
Не оглядывайся на Алтай,
Я еще крепкий,
Не тянусь, как бабка за репкой.
- Да живи ты, живи, родимый,

Друг ситный! - завопил Родькин Бантик. –
Наоборот, - говорю, - без тебя закроется «крантик».
Выключится все,
КАМАЗы поедут мимо.
Питецкий-то...
- Ладно тебе, не вопи!
Знаю все про Питецкого, -
Отмахнулся Арсений от Бантика,
Как от пчелы. – Шур, не глупи,
Питецкий – мужик мировой,
Тут вместо быка – валуха.
Ты у него, как за каменной стеной,
Как у Христа за пазухой,
Друг ты мой дорогой!
Ладно, завтра же выхожу на работу,
Отрегулируем квоту.

* * *

А тут еще выборы в областную Думу
Назначены. Срок.
Туда-сюда,
И подойдет, шатко-валко.
И намечена в кандидаты была
Его кандидатура.
Пошел Чигринев – на другой конец села,
К вечеру зашвырнута была к куму
Палка.
Неча пнем сидеть, мы – солдаты!
Встал под ружье и давай!
Не то, как в медицине.
Приехал в Адамов,

Сел бы в трамвай
Да и нашел бы этих
Врачей и адамов -
Специалистов по травматологии,
Да где они? В отпуске, –
Сразу все, никого не оставили?
Ей богу!
Как перо вставили!
А если мы все перемрем,
Кого лечить будем, хоть бы малость?
Посмеялись вдвоем
С главврачом.
С тем и расстались.

* * *

Вышел он из больницы заранее,
Не отсиделся дома, ага-га, эге-ге,
А тут дело не только в ноге,
Какой ходим мы по траве,
А еще и в дырке, а дырка-то в голове,
А в голове – знания,
Напиханные туда еще до больницы,
Заранее.
Видите, рондо называется.
Абзац как слагается:
Со слова одного начинается
И тем же словом кончается.
Все другие слова внутри
Друг на друге повисли
Для придания факту - мысли,
Для исправления аргументов, поменьше ври,

Чем правда и отличается,
Когда мысль в голове-то кончается.
Одним словом, отправили Чигринова
Опять же в Бобры – в Бобров,
Будь здоров! Чигринов!
Дыши реже в своем уголке-то медвежьем.
Да ведь выборы! Дело жизни!
И ведь надо служить Отчизне,
Госаппарату,
Людам, какие «плопоть» зарплату.
И как все это совместить?
И что может быть?
Здоровье не масло коровье,
Тает, говорят, и питает.
А что же? Легенда! Тонкая нить!
Сегодня есть – завтра нет.
Диабет – значит, не есть конфет.
В общем, ни есть и ни пить,
Родине честно служить.
Если попал в переплет,
Если нашли диабет,
Будет на этом народ
Определять свой доход.
Будет бюджет не хмельной,
Будет доход от бюджета,
Будет тебе, мой родной,
Многая-многая лета!

* * *

Главное – для чего печатают книги?
Пыхтят, стараются авторы,

Даже такие, как я?
Да не чтоб показывать фиги,
А чтоб ниже летали
Авиаторы –
Буквы разглядывали,
К стилю привыкали,
Верили в движение плавное, -
Вот что самое главное.

* * *

Как началась предвыборная кампания,
Так и пошли у Чигринова метания.
То из Бобров надо в больницу,
Чтобы дырке в голове не углубиться,
То - из больницы по местам боевой славы,
По выступлениям среди масс,
В трудовых коллективах. «Шалавы! –
Вопил он неизвестно кому,
Выдавая класс
Всем, кто всех выше. -
Видите, народ едва дышит!
Скоро нас русских, уменьшится вдвое!
Поколение в опасности,
Особенно молодое!»
Надо же, альтернативу
Ему подобрали какую –
Самого Питецкого,
Первого зама!
Даешься диву,
Как он отрецивался
От всего прежнего своего –

От турецкого.
А ему, сопернику, все это
Турецкое
Обозначивал,
Очерчивал в общих чертах
И на адамовской конкретике
И присобачивал.
И выходило, во всем, что было,
Виноватым оказывался Чигринев,
Сидевший в Москве
Где-то у Кремлевской стены,
Откуда все адамовцы ему были видны.
И разыгрывал он там, в театре, свои спектакли, -
Не так ли? – черным на белом,
Все делал на свете белом
Для деградации нации.
А в местном фольклоре
Использовал те самые три «цепочки»,
Доводя все до точки,
Применяя приемы-то запрещенные,
Непросвещенные.
- Артист? – кричал. -
А шедевры?!
Хоть один назовите!
Гамлет – мечта его, мрия?
Вон жена его вторая – Мария!
- Мой герой – Дон Кихот, –
Как мог, изворачивался Арсений. –
Что я понял именно тут
И именно сам

В родных песнях и мессах:
Гамлет менее созидателен, в бесах.
Земляки мои дорогие!
Дон Кихот нужен нам,
В наших же интересах.

XXXIX.

Действительно, предвыборная кампания
Обнажила всякие связки и связи.
Заставила задуматься кое о чем.
Вылитые ушаты грязи
Обострили страдания.
Узнал Чигринев, что по чем.
И детей-то у него внебрачных
Почти как у Льва Толстого.
И живет сам в комнатках тут невзрачных,
А дворец в Подмоскowie для сына
Строит из золота литого.
И все «поле чудес»
Он приватизировал,
Перевел в собственность
Госфондовский лес.
И т.д. и т.п.
Во всяком случае,
Французский премьер Люпен,
В купе с известным ансамблем «Любе»,
Подготовил ему уже вид на жительство
И должность в «Комеди Франсез»
По совместительству.
Вот чего не ожидал он, какой магии,
Попивая через соломинку тоник.

В амплуа любовника,
А. оказывается, комик,
Ест из половника.
Ничего себе, по «цепочке» заявочки,
Заявочки по «цепочке».
В одну сторону – дамочки,
А в обратную – дочки.
В подвалах криковских – бочки
«Может, так оно так,
Есть у кого-то и это, -
Думал он, сидя у ручья,
Где вода течет и твоя, и ничья,
Изображая течением уходящее,
Безвозвратно летящее. -
Эх ты, Жак Боном -
Яшка Простак!
От Фета и до буфета, -
Отсюда и до Тибета.
Может, в самом деле, и так,
Да зачем тебе это?»
И еще, главное, что обнажилось,
Даже не то, что не дает житья
Мысль о том, что не люди для тебя,
А ты для людей, чтобы сердце
Почаще билось.
Но от такого битья
Посуда, взятая на себя,
Пока что не расколупилась...
Понял или нету?

От Фету до буфету,
Отсюда и до Тибету...
Так что же все-таки главное,
Что в конце концов обнажилось?
От чего паровозы летают,
Больше всего воеводы страдают,
И переводят их таких, первых, -
Знающих, опытных,- в область,
Кладут на медвежью полость?
А от того, что постоянно
Должны они нарушать, брать все на себя,
Подписывать всякие бумаженции
В пределах своей компетенции,
В смысле коммерции и конвергенции,
Иначе ведь все остановится.
Начальство на законы не молится,
Для прохождения в рай
Ему результаты давай.
А когда надо, все тебе, значит, припомнится, -
Вот что самое главное!
Жить по понятиям,
Ушко закону свербя.
Братия!
Пули лови на себя,
И заметят тебя.

* * *

Вот это в Арсенин проявилось
При такой аккуратности, сложности
От пребывания в должности.
Из-за малой опытности

При немалой возможности.
Нервы тоже стали ни к черту,
Да тут еще эта авария!
Спасибо, приобщен он был когда-то к спорту,
А то бы заколебала
Какая-нибудь Швейцария –
Наша, орловская.
Или Голландия
Подмосковная,
Глина адамовская,
Картошка псковская,
Какая-нибудь тетка Дария,
Которой надо картошку продать,
Чего ей без денег страдать?
А народу всему вымирать,
От того что мы все... того...
Виштики – во!..
Не берут в ВТО,
Нет торговли.
Зачем же производить?
На суп картошки
И с сотни может хватить...
Вот что постиг тут Арсений
В этой ведически творческой сфере,
На новой-го должности.
Прямо тебе академик,
Не влазит теперча в сени,
Умный до невозможности...
Что с таким делать?
А пора выдвигать

«Скоро, наверно, выдвинут», -
Думал адамовский Воевода –
Бывший Артист
Познавший,
Что такое «сухой лист»
В футболе,
Свое отлетавший...
«Тиха вода ... да-да-да...
Воевода...нет-нет-нет...
Не пройдет такой сюжет.
Все ж не выберут меня,
Менять придется им коня». –
Так думал наш герой
Арсений Чигринев под выходной,
Когда застал он со своей женой
На заводской-то проходной –
Кого б вы думали?
Да жеребца того же.
О боже! Опять Питецкий!
При своей силе молодецкой
И тут. и там – везде пострел,
К обедне дружески поспел...
Пока отставим это
До истечения лета
И остановимся на том,
Что мы отставим, с чем пойдём
В четвертый том.
Тут – как у Пушкина,
У нас всего хватает,
Всего тут много.

Войдем, начнем и бросим –
Пусть читают,
В наш карнавал вникают,
А паровоз летает;
Наш паровоз, вперед лети!
Кому ни «остановка,
А кому – зупынка»,
Как и у нас,
Когда рабочий класс
И распивает свой же квас.
Интеллигенты невзначай
Пьют чай,
А что народ?
А все наоборот:
В воде, как сахар, тает,
А турки ни за что не отвечают.

* * *

«Вот гниды! Опять эти нуклиды.
Посду осенью их выводить,
Что ль, на Кавказ, в Ессентуки,
В Молдавию до тетки Лиды?
Везде нас ждут, везде дают нам пить,
Запасов через край,
На ус мотай.
Сломал там руку в прошлый раз,
Все пил с собою взятый квас
И не попал к ним в рай.
Сказали, есть у них там свой –
С такой же сломанной рукой». -
Так думал Чигринев,

Как на Урале Заратустра.
Разворошив основы всех основ,
А все равно не выросла капуста.
Вот и придется радионуклиды
Нам на Кавказе клеить, делать виды.
Но, глядя на каком Кавказе, -
При нефти и при газе?
Или при том, в каком вода, -
Чуть принафтусена всегда,
Не заливает города.

* * *

Ну, в общем, выбрали
Арсения в облдуму.
И напряженье как-то спало.
Спасибо людям, -
Не ожидал!
Какой народ,
На все себя кладет
И зла за пазухой не держит.
Казалось бы, совсем повержен,
Ан нет. Он как поэт:
Во глубине – бювет,
А в нем всегда
Живая, свежая вода.
Придал в Адамове всем улицам и улочкам
Через комхоз
Он современный вид,
И потекла, вода из трубочки,
С девонской глиной говорит,
Играет музыка на дудочке.

* * *

Церковь воссияла куполом златым,
Эру обзирая глазом молодым.
Встало, что разрушено,
Ангелы вернулись,
На Руси задушенной
Люди улыбнулись.
Значит, еще живы.
Значит, будем жить.
С мест, пока что живых,
В армии служить.
Батюшка явился
Проводить детей.
Парень окропился
У живых мощей
И испил водицы,
Чтоб сюда, домой,
Из Чечни молиться
Он пришел живой.
Батюшка святого
Покропил, привстал
И па Чигринова
Капельку попал.

* * *

«Спасибо тебе, мой народ!
За то, что тут каждый живет.
В Чернобылях, в бедности, в силе –
Каждый - живой и красивый!» -
Так думал Чигринов и я,
И вся моя огромная семья.

Где-то, может глины голубые,
Где-то тоже человек из глины.
Ну, а мы тут белые, рябые,
Впережку с солнечным, былинным.
Вятичи откуда-то брели.
И, увидев белые столбы,
Дивам этим дивным изумились,
Осенив знаменьем грудь и лбы,
Тут, у речек, и остановились.
Та – на Каспий, эта – на Азов,
В дали, черноморские пределы.
Так вот и живем себе с азов,
Выделяя цвет свой белый, белый.
От березы на Руси светло,
Как от снега, все белым бело.

XXXX.

Проезжает мимо Адамова Губернатор
В соседний район – Колпнянский
И на Долгую далее,
Так обычно на границе, как на озере Рига,
Встречать его надо.
Пока с ним в машине,
И рассказывается печальное
Или что-то хорошее,
Поднятое и брошенное,
Брошенное, но не поднятое, -
Чего хорошего?
На сей раз Хозяин сам вышел,
Взял Арсения под лоток

Да так мелким бесом
Туда-сюда, полем – лесом
Как раз под Бобрами,
Где Чигринев упал, кровью едва не истек,
Надо же, конфиденциально прошелся,
Партикулярный повод нашелся.
И никто из лиц сопровождения
Так и не узнал,
О чем грачи там говорили,
Изображая соловьиное пение.
Может, только спутники американские
Или наши,
Из службы слежения,
И зафиксировали встречу,
Районные были,
О чем они там говорили?
Во-первых, губернатор поздравил с победой на выборах,
Во-вторых, спросил о театре,
Что Арсений о прошлом думает?
А уже, в-третьих, как-то свыше, глыбово
Глянул, на погу ему как Фиалке Монмарта,
Почему тот, мол, не с тросточкой?
И как, мол, нервы, глотательный аппарат,
Не давишься костью или косточкой?
Чигринев такому исходу был рад,
Да Шурей его предупредил:
«Гляди, царь Саваоф, ангел, бог Иегудини!
Всякое, мол, бывает,
Такое про него говорят,
Дескать, к груди тебя прижимает,

Аж сердце тает,
А кости трещат!»
И забыл бы про эту встречу Арсений,
Да вещунье забыть не дало,
Чутье воеводское.
Как-то не так приглядывался
Тот к его сени:
Глаз выпуклый,
А лицо плоское,
Ничего не выражающее,
Тускло глядящее на твое идиотское.

* * *

Сидел Чигринев на берегу ручья
Куликоржавца,
Смотрел на текущие воды.
Судьба – какая она с лица
И чья она, чья,
В чьих руках?
Друга – Христа, мгновенья твои и годы?
Что было – узнаем,
Что будет – пойдем,
Дойдут до всего Прометеи,
Свою психологию тайной питаю,
В объятьях чуждого тая.
Представил Хозяина общий портрет,
Почерпнутый из газет,
Видение, призраки, видение
Из местного телевидения.

И все-таки было тревожно,
Странно все ощущалось,
Разве так было всегда,
Разве это возможно?
Путь переходи осторожно,
Девонские недра тянутся к нам сюда,
Рыжее это иль темное –
Лепит глина скоромное,
Лечит пламенем белых морей
Целые океаны,
Волны внутри тебя
Перевернулись, странны,
Всей глубиной кипя.
В мистике превращений
Стрежень твой изменен,
Прошлое – из сокращений,
Будущим – удивлен.
В голове твоей каша,
Бьет по затылку в виски,
Близко кончина паша,
Грани ее близки.
Предки ушли, оттуда
Белые их столбы,
Под Адамовом чудо
Преображает лбы.
«Стержень твой предвосхищает
Время, когда померешь.
Жизнь уж тебя не вмещает,
Скоро отсюда уйдешь». -

Вздрогнул Арсений в лица:
Кто это – Амфиарей?
Голосом очевидца
Возбуждает зверей.
Керры уж потрясают,
Взвинчен Арсений, дрожит.
Боги его бросают
В черное, в зарубежи.
Снова болезни эти,
Как и болезни те,
Не огуречные плети
Оседают в хвосте.
Что и тогда в Москве,
Мечется в голове
Оскверненное, в порчах –
В судорогах и корчах...
Вот тебе Губернатор!
Вот тебе Воеводство!
Вот тебе в каждый атом -
Винтик твой, сумасбродство!
По Москве помотался,
А приземлился тут.
Думал, что тут и остался,
Не получается, Брут!
Вдумайся, в той пословице
Есть ведь великий смысл.
Как огурец в сливовице,
Где-то в бутылке свис,
Так ведь и ходят в паре к нам
Выпивка и закуска.

Закуска и выпивка.
Каждый ленивый русский
С каждым ленивым болгаринном.
Сливовица не от того, что слива ты,
А от того, что, как в бочку,
Сливается закуска с пивом.
Сделал ты кого-то хоть счастливым?
Господи! Ну и ну!
Чем твое имя славится?
Ну, и как такая поговорка?
Кто тебе в ней привиделся?
Призрак какой приснился,
Где такая сливовица?
«Где родился, там и пригодился!»
Если подумать, в ней человек
Круг завершает вдруг!
Это большая мера,
Сошедшая с неба, стук
У Гомера
Сердца царя Одиссея,
Вернувшегося в родную Итаку,
В мире посеяв
В зеркале,
Красное – маку.
А вот Александр Македонский
До Аспазии так и не дошел.
Не замкнул колечко-то,
Таинство круга.
А мы говорим,
Кто чего где нашел

И у кого какая подруга?

Шекспир – замкнул,

Этот знак.

Лев Толстой – замкнул тоже,

Показал это всем.

А вот Пушкин замкнул,

Да не совсем.

Лермонтов вовсе был выбит из круга,

Демон не дал сделать ему

Все это с полуйспуга.

А у меня, автора,

Как и у Пушкина,

Тожe круг не совсем получается.

Родился в Воронеже,

Пошел ножками тут,

Заново как бы родился, -

Примут ли за Родину боги

Место, где ты крестился?

Вот почему Арсений

Так глубоко задумался:

«Опять бросок с юга на Север?

На Орел, Москву и так дале».

Круг-то известный, верченый,

За обратной стороной медали.

Вряд ли похоронят его

Там, на Новодевичьем, -

Места, вижу уже, не дали.

* * *

Как в воду глядел, пил из горла, -

Призрак. прямо тебе пророк,

Ясновидец какой-то.
Вызрел
Тут, между строк.
В самом деле,
Депешу получил из Орла,
Из Белого Дома,
От Самого, -
И заскучал чегой-то.
А испей, «бишмала»,
В конце четвертого тома!
Из Грааля, bravo!
За аббата Прево!
Предлагается должность оплачиваемая,
Депутатом облдумы,
Зав. каким-то отделом.
Тут, как в армии!
Народ сплачивается,
Груша дрыном околачивается,
Проверяется делом.
Человек, надо ехать!
Размыкая колечко,
Гомеровское кольцо.
Защемило что-то сердечко,
Мир стоит как перед концом.
Поехал он к Родькину под Орлянку.
К Белой Глине,
К карьере глиняному –
Попроцаться.
А дамов – город не велик,
Но старинный,

Только тем и мог
Для него, грешного,
И увенчаться.
Столбы Белые,
Белые вы, Столбы!
Пращуры где-то, строчки, столбцы!
Матери и отцы,
Бритые и небритые лбы,
Неодолимые на ветру!
А они все на карьере качались,
Туманы Аннушкины, Шуреевы, Амфиареевы, -
Тонкие, узкие в поясе,
Холод – как на Северном полюсе.
Белые вы, Столбы,
Белые, белые лбы!
Такие привычные, личные
От невероятного самого.
В недрах необозримые –
Люди из глины,
Призраки величавые!
Родные, близкие,
С Родиной только и сопоставимые!
Глины белые, люди неопалимые!
Из Адамова.

ЭПИЛОГ

И что он понял в этом городке,
В чиновном мире перевоплощений,
В мистериях души? В любой стране
Слова одни, а после размышлений
Уже другие.

Все путают тебя, твой разум,
Несокрушимость превращают
В поддобье лука половецкого, что сразу,
В тебя стреляя, ложью угощает
И естество природы извращает.

Не тот уж ты, кем был в начале пира,
Испил сполна ты чашу бытия.

С чиновной точки обозрев полмира,
Кем стал? Узнают ли друзья?
В сновидческом несешь свои вериги,
Стал страстен по другую грань реки,
Искусней сделался в интриге –
Играть людьми стал, а не пускать с руки
Бумажные кораблики
В течение Оки-реки,
Этого «пояса Богородицы»,
Лежащего не вдоль, а поперек
Всего стиля греческого,
Биоэлектричества человеческого.

Тебе все невдомек, где Запад, где Восток,
Чего звезде торчать на дне колодца?
И вновь тебя в большие города
Влечет в провинции унылой
От генотипа пустоты

К предтече пуританской. Силой.
Несет в пространство, искажая рты.
Однако странно понял что-то ты,
Артист! Не время обольщенья,
Не те камелии души
В тебе алкают отомщенья,
Стоит стакан у родника –
Неупиваемая чаша,
Неопалима купина. Пока,
Собой себе верша,
Стакан потеет чуть, слегка,
Душа неопалима наша.
И в мир облечена молва.
Арсений никнет, как трава,
И безразмерные слова
Пьет с колен из родника,
Впивая, страждя, говорит.

**Неопалимая купина
(песня Арсения)**

«Неопалимая купина,
Неиссякаемый родник.
Вся сторона за ним видна,
И весь насквозь наш материк.
Не утоляй, душа, печали!
На той безвременной скрижали.
Рябина красная, рябина!
Вкусили, кажется, свое,
Живописующе картина
Мерцает в облике ее.

В торце тут ветерок с полей,
В овале изморось одна,
В июне чаша холодна,
А к Покрову так потеплей.
Когда наклонишься к ней чуть –
Испить за зеркальцем свое,
Глазами может отблеснуть
И отражение твое.
И Русь в ней вся отражена:
Толстой, Тургенев, Бунин, Фет...
Неопалима купина,
Неувядаемый портрет.
Слетит листок туда – на Русь
И, золотой, не тонет, узкий.
К нему губами прикоснусь
Да и скажу:
Я тоже русский!»

* * *

Жжет телевизор, ранит глаз. В театры
Проносят имя Фрэнсиса Синатры.
На камне арлингтонском спит строка,
Из недр ее гудят колокола:
«Все лучшее еще впереди», -
Лежи и бди.
Полусвободен, бледен облик твой!
Корец точеный,
С водой свяченой,
Прогоркшей в зной
В тени и тине.
В конце концов,

**Нам надо ее к Солнцу повернуть -
Всю эту муть поддонную в картине –
Во глубину, к девонской глине!**

Апрель-июнь 2006 г.

г.Орел

ШЕСТАЯ КОЖА ЗМЕИ, ИЛИ ТУРГЕНЕВСКИЙ БЕРЕЖОК

(Некрутая комедия, из нравов провинциальной жизни)

Не выметай сор из избы.

Пословица

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (Петухов) Захар Захарович – председатель кооператива литераторов «Тургеневский бережок», отец нации.

ОМАР ЖЕРЕБИЩЕВ – заместитель председателя кооператива, прозаик-поэт, лицо кавказской национальности, критикан от души.

МУХОБОЕВ (Присягаев) Прокл Моисеевич – магистр наук, член бюро правления кооператива, критик от официоза.

САБЕЦКИЙ Алексей Петрович – чистый прозаик, председатель ревкомиссии, хима, директор бюро.

БРАННИКОВ Петр Алексеевич – чистый поэт, уполномоченный литфонда, первый член команды.

БАТМАНОВ Крестин Степанович – поэт-краевед, с царем в голове, второй член команды.

РЮМА (Астралов) – поэт-прозаик, без царя в голове, бунтарь-одиночка.

ВАНЬКИНА-БАНЬКИНА – обе Аллы, Алая и Белая Розы, члены ревкомиссии.

ШЕВЕЛЮРКИН ТИМ ТИМЫЧ – директор издательства «Тургеневский бережок», товарищ председателя.

ЗАРЕЦКИЙ – писатель в оппозиции.

ВЕПРИНЦЕВ Филипп Григорьевич – главный режиссер местного театра «Глобус».

РТИЩЕВ Лир Григорьевич – профессиональный актер в роли Посланника Президента из Москвы, будущий артист театра «Глобус».

НЕУМЫВАКО – бывший артист театра «Глобус».

БУЯНОВ – милиционер, старый нечлен кооператива.

АППОЛОНЧИК Вася, он же Талант, – молодой нечлен кооператива, профессиональный литератор.

КРОКОДИЛ ГЕНА (Баритонов) – читатель, без чинов.

ТРИ БУХА – три бухгалтера (Зыкина – она же секретарша, Кармен, мадам Икс).

ОТРОК – муж Зыкиной.

ОТРОКОВИЦА – жена Жеребищева.

ЛУДАКОВ – профессор, народный художник.

АСТРАЛОВ – Голова города, нечлен литфонда.

ВИСЯКИН – начальник управления культуры.

ПРИЗРАКИ – облик Тургенева, облик Тульчакова Андрея Фроловича – основателя кооператива, облик Зарецкого – писателя в оппозиции.

Остальные малозначительные члены кооператива, активисты общества «Книга», индивидуалы и интеллектуалы, читатели и зрители.

* * *

Действие происходит в бывшем губернском городе срединной России, где каждому известно, что город «всплоил на своих мелких водах столько литераторов», что их, пожалуй, хватило бы на все остальные города и все России. Он и поныне успешно их «вспаивает» в кооперативе литераторов «Тургеневский бережок», что засел в старинном особняке на откосе.

Первый конфликт – явный, между переоцененным коллективом и недооцененным Зарезким, восстановившем этот особняк вишневого цвета – «Дом на крови», где его же, в контексте восстановления, на почве борьбы с «зеленым змием», исключали затем из кооператива, подвергая остракизму.

Второй конфликт – более скрытый, городского масштаба, между директором кооператива Петурхо-Петуршацким – бывшим режиссером театра «Гло-

бус» и его настоящим режиссером Вепринцевым. Остальные конфликты – в круговороте этих двух. Ситуации, в которые попадают актеры, вызывают то смех, то грусть, а в конце концов жалость.

Итак, что-то вроде ПРОЛОГА.

Все актеры на сцене – в движении, оживлении, смехе. Голос по радио представляет их по вышеприведенному списку, они откланиваются зрителю и остаются на месте. И вдруг, после паузы, как гром среди ясного неба, откуда-то свыше тот же радиоголос: «Ну что, доигрались ушкуйники, пенкосниматели?! К вам прибыл из Москвы специальный Посланник самого Президента!»..

И все замирают, как в известной заключительной сцене гоголевского «Ревизора». Оцепенев, медленно, на сценическом круге, проезжают перед зрителями актеры. Председатель кооператива Петурхо-Петуршацкий (крепкий, с проседью, неглупый, видать, человек) бросается в глубь сцены, бежит навстречу движению круга, к стене с портретами писателей-классиков. Под негромкий напев женского голоса «Вот кто-то с горочки спустился» председатель кооператива начинает переворачивать портреты лицом к стене. Сначала Гоголя, потом Тургенева, а далее – Льва Толстого, Достоевского, Пушкина, Есенина. Так и уезжает председатель за занавес с очередным портретом в руках, снятым со стены и повернутым спиной к зрителям.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Зал в доме кооператива «Тургеневский бережок». Большой, длинный, морского дуба стол с закругленными углами времен короля Артура – «рыцарей круглого стола». Все те же частью повернутые, частью еще не повернутые к стене портреты. Узкий круг лиц: сам председатель Петурхо-Петуришацкий Захар Захарович, Сабецкий Алексей Петрович и Прокл Моисеевич Мухобюев. Остальные дуяют за дверь, рвутся сюда. Сторож Вава Судницын увещивает их, дверь заперта на палку.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Из-за двери голос Жеребицева:

- Вы не имеете права! Я – заместитель председателя! Я обязан присутствовать... эра гласности...

ПЕТУРХО-ПЕТУРИШАЦКИЙ (сидящим рядом Мухобюеву и Сабецкому)

- Видали, как разоряется? Темперамент какой - кавказский! А как сам был в радиокомитете начальником, так, бывало, без бутылки ни-ни, никого... Ладно,пусти! *(делая так сторожу)*. Остальные пусть подождут, не облезнут.

Жеребицев вваливается в дверь.

- А я? *(суетится следом кто-то еще. Сторож живо отсекает его, едва не прицеляя ему нос)*. А я - уполномоченный Литфонда!.. Литфонда!.. Литфон...!..

ЖЕРЕБИЦЕВ (войдя сам, довольный, кивает назад позад себе).

Вот грамофон! Зае...зае...зае...

И неслетно гасит свечу у Мемориальной Доски с длинным перечнем имен репрессированных писателей. Однако Петурхо-Петуришацкий торко следит за Жеребицевым.

- Опять свечу гасите? Сколько вам говорить: гасите ведь не свечу, а символ – доброе, вечное.

ЖЕРЕБИЩЕВ (*весело*). Это у тебя в тридцать седьмом году отца расстреляли, так ты свечку поставил, создал мемориал! А у меня отца не расстреливали.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Не хами! Опять, скажешь, на улице ветер? Лицо горит, хоть прикуривай. Опять, что ли, оттепель – шестидесятые годы? Назад история не ходит, только вперед.

Голос все тот же (из-за двери). А я – У-пол-но-моченный Литфонда! У-пол-но-мо-ченый!

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*подходя к двери*). Ну и что?

ГОЛОС. Как что? У-пол-но-моченный же.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Ну и что? Что из этого? Упал намоченный! Вы тут у нас все начальники: члены бюро, ревкомиссии, уполномоченные. Ведь вы прежде всего литераторы, а как тараканы суетесь во всякие дырки.

ЖЕРЕБИЩЕВ (*хохоча резко, толчками*). А сам? Ты, Захарыч, прямо статуя какой-то! Сколько на тебе всего повешено: и член Правления Литфонда в Москве, и член редколлегии журнала в Туле, и...

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Вот усадил рядом этих (*кивает на Мухомова и Сабецкого*). Как же, один – магистр, другой – директор коммерческого центра.

ЖЕРЕБИЩЕВ. Еще бы, полезные люди.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. И ты, Брут?.. Ну, не дают работать, бюро буквально не дают провести.

ГОЛОСА (*из-за двери*). Чего держишь, впускай! Расширенное бюро проводи, расширенное... Гласность все-таки, веление времени... на демократию, подлец, покушаешься.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*под нос себе*). Научились брехать! За письменным столом бы такие успехи... Ну, хорошо (*машет он сторожу: Ваве Судницыну*), запускай! расширенное, так расширенное. Только потом меня не несите по кочкам, мол, бюро не работало, председатель плохой.

БРАННИКОВ (*врываясь первым, с едва скрытой угрозой*). Обижаетесь,

начальник?

И тут же через стенку в соседней комнате раздается крик молодого петуха.

ВСЕ (к чистому поэту Бранникову). Ты – колдун! петуха нашаманил. Откуда петух-то взялся?.. Ах, Зыкина принесла? Год-то по гороскопу какой, его год – петуха! Петушатинкой Посланника примем, свежими яйцами.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*успокаивая массу*). Тихо, вы! Острики-самоучки! Доморощенные художники-монументалисты. Заявляю как специалист, даже драма была мной на эту тему написана... Но тут случай особый, тут все наоборот. Смекаете, яйца-то не от петухов, а от кур, само собой, мужики?

СЦЕНА ВТОРАЯ.

За белым «рыцарским» столом все, кроме Сабецкого. Исчезая, как всегда, то есть по-английски, незаметно, теперь уже он одной левой гасит свечу. Свеча какое-то время чахнет. Заметив это, бдительный Петурхо-Петуршацкий вновь зажигает ее.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*вполголоса Жеребищеву и Мухобоеву, сидящим от него справа и слева*). Наконец-то Омар наш прибыл на заседание! Вас как членов бюро я поставил в известность, шила в мешке не утаишь, слухи в городе циркулировали. Да и разведка работала, свои люди из Большого Дома сообщали... Но так чтобы, на таком уровне, специальный Посланник от самого Президента... (*обращаясь ко всем*). Тишина! Прошу тишины!

РЮМА (*перебивая его*). Ну и что? От самого Ельцина, что ль? Что из этого, что Посланник! Что он съест нас, что ли?

Достает из кармана бутылку портвейна и тут же, на виду всех, декусничает.

МУХОБОЕВ (*иронично*). Тебе-то что! У тебя лана в Москве, родной дядька в Большом театре. Это мы — люди маленькие.

ЖЕРЕБИЦЕВ (*встывая*). Как ханать все большие, обирать спонсоров, кутить, деньги в банках крутить, карманы себе набивать. Да тебе, Мухобо-

ев, чего бояться? Ты в Большом театре свой человек, доклады самому Астралову, голове города, пишешь.

РЮМА (*заметно хмелея*). Может, это вовсе и не представитель из Москвы, а наш какой-нибудь обэхаэсэсник – обэповец или из КРУ?

ШЕВЕЛЮРКИН. КРУ нас уже проверяло, с КРУ все в ажуре.

РЮМА (*слабо ворочая языком*). Вот шушшшары! Уже наклали в штаны, инженеры человеческих душ!

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*ища поддержки у всех остальных*). О Рюма, Рюма! Да когда хоть просохнешь-то. Вчера из речки вытащили, с откоса скатился. А позавчера на скамейке у Большого театра на площади ночевал, к самому Голове приставал с интервью. Скажи спасибо, милиция кости не переломала. Астралов – человек благородный, не дал растерзать.

РЮМА (*почти засыпая*). Я – Астралов, и он – Астралов, Астралов мне дядька.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Какой он дядька тебе! Все знают, вы только однофамильцы.

РЮМА. Родной мне. Дядька по матери. Чуть что – он всегда меня ... по матери, по матери...

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*заводясь*). Вот что, Рюма! Если бы ты не был талантливым, если бы за спиной у тебя не было талантливых книг, я бы тебя... я бы...

РЮМА (*начиная рвать рубаху на себе*). Ну, что, что, петух? Договаривай! Говори, как на духу. Сколько «лимонов» – яиц отложил, сколько крови дворянской выпил, пыли выбил из «лютеранских ковров»?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*заметно сдавая позиции*). Я бы тебя, Рюма, я бы тебя никогда за такие слова... из речки не стал бы вытаскивать. Даже руки бы не протянул, тони себе в вешних водах, черт с тобой. Пей, пей и ты кровушку из меня, твоего друга и почитателя твоего большого, искреннего таланта, у меня кровушки много, у меня во – грудь широкая, я такой, меня можно и...и...обо...обо...обласкать, в общем...

Плечи его начинают вздрагивать, трясется все его крупное, грузное тело.

ВСЕ (*обеспокоясь, наперебой*). Да, ладно тебе, Захарыч! Кабы он хоть килькой закусувал, паразит! Пить до такого состояния в короткий такой промежуток.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*с содроганием в голосе*). Так-то мы отвечаем на заботы партии пенсионеров и государства. Тут колотишься, бьешься, на выговоры из-за вас нарываешься.

Все сильнее, сильнее трясется своим мощным телом.

ГОЛОСА С МЕСТ. Не надо, Захар Захарыч! Не бери на сердце, черт с ним!... Да что мы не знаем его, что ли, знаем!..

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*отстегивая воржит рубашки*). Ночами не спишь, на все идешь, что мне лично больно много надо, что ли?

ВСЕ (*наперебой*). Да ладно тебе, Захарыч. Ну, перестань, перестань... не подвергай себя, не подвергай...

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*как отрезав, поднимает артистично седую, мучнистую голову*). А то некоторые думают, что можно все. Не получится!! Мы этого не дозволим позволить... не позволим дозволить... Итак, вернемся, братцы, к нашим баранам. Теперь уже мне достоверно известно, к нам едет, так сказать, э, шишка большая, ревизор. Какие у кого на этот счет соображения?

Рюма, понатыкаясь, встает, подходит к стене. Долго блудит по ней руками, поворачивает обратно, лицом к зрителям, перевернутые портреты. Делает это педовко, смешно, смех в зале. «Гоголя давай, Гоголя! Или Щедрина!». Бурчит в ответ: «Для наследников, для наследников делаем На всеобщее обозрение».

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*вроде не замечая*). Высказываю предположение, что это результат нашего коллективного послания в бывший КПК – Комитет партикулярного колесования. А все она, эта чертова оппозиция, запоза эта, противостояние народу, всему, э, нашему здоровому коллективу, открыто –

пока в лице единственного литератора Зарецкого... Доходят слухи, он распространяет по городу свои лживые, клеветнические измышления... это я делаю такое предположение... в наш, понимаете, адрес, в огород наш камни, понимаете ли. Это по поводу его исключения тут у нас, в этих стенах, а также по поводу его по городу всеобщего остракизма. Так вот, думаю, надо включить наш обратный механизм воздействия. Пусть в нашем богоспасаемом граде, знают его истинный облик... Да ведь не исключили же? Как бывший председатель кооператива он, видите ли, восстановил этот особнячок... и вот, мол, все это ему стоило крови... видите ли, этот «Дом на крови». Ну, что теперь за это ему – задницу, что ли, извините, лизать? Смею высказать предположение, в результате «смены караула» в Москве, наше послание попало к новым хозяевам кабинетов, и вот... По этому поводу, скорее всего, и приехали... Хотя, по правде сказать, я и тогда лично, братцы, от бумаги наверх не был в восторге. Это ты, Жеребищев, как всегда, выступил с инициативой, у тебя, говоришь, интуиция.

ЖЕРЕБИЩЕВ (*самоутверждаясь*). Да вот, я вылез! И не прячусь в кусты, как некоторые. Мне любую бумагу написать, как два пальца обсосать.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*морицась*). Вот видишь, какой ты уродуву, не дворянин, хамовит, братец!.. Милый мой, дорогой мой человек! А ведь тут тебе не конюшня, тут женщины (*жестом берет их в союзники: каменя лицом, те сидят, как всегда втроем привычные ко всему. - Три буха, «трибуха», три бухгалтера в кооперативе: Кармен, в центре Зыкина. Мадам Икс*). А ты, Жеребищев, выражаешься так пошло и грязно.

ЖЕРЕБИЩЕВ. А вы меня не подставляйте! Не ищите козла отпущения... Я хоть идею подал, а вы, лично вы текст сочиняли, собственной персоной ездили в Москву и Рязань, компромат собирали по поводу сына Зарецкого, этого Аполлончика. Кто письмо в КПК направлял, кто?

Снаружи трижды стучат палкой в дверь. И тут же напольные часы, как тяжкие шаги Командора, как неумолимый ход времени, бьют то же самое трижды. В дверь просовывается хитроватая физиономия сторожа Вавы Судницына, возвещающая:

- Аполлончик идет! Сюда к нам направляется.

Все замирают. Выдержав паузу, сторож произносит торжественно, облегченно вздохнув:

- А талант опять прошел мимо!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Там же. Те же. Через сторожа прорываются сюда запыхавшиеся Ванькина Банькина, обе Алды, поэтесса и прозаик, новые члены кооператива.

ВАНЬКИНА-БАНЬКИНА (*сходу с упреком к Петурхо-Петурицацкому*).

А нас ведь не известили, мы случайно узнали.

ГОЛОСА С МЕСТ. Подумаешь, цацы. Да тут мужской разговор... Прравильна, сообщать надо...

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*улавливая настроение масс*). Алочки, розочки! Шадим ваше здоровье, женское обаяние. Тут Жеребищев один чего стоит, такие словечки отмачивает, уши вянут. Это тебе, Жеребищев, не лимонами из Бразилии тут у нас торговать.

ЖЕРЕБИЩЕВ (*вскакивая*). Что Жеребищев! При чем тут лимоны! То давай, Жеребищев, идею, а то Жеребищев как кость в горло. Мне-то Зарцкий ваш по хрену... А вы, розочки, кавказские пленницы, если такие кисейные, зачем тогда вступали в наш мужской кооператив?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*делая шаг в сторону*). Все крови жаждешь, косишься на это место? Ну вот что! Если ты зам бери и веди собрание. руководи, а мы на тебя поглядим.

Жеребищев вскакивает и тут же идет в головище стола. Петурхо-Петурицацкий мгновенно возвращается в исходное положение.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Но в том-то и дело, что коллектив тебе не позволит! Коллективу порядочно надоели твои выходки! Коллектив уже не может терпеть!

ЖЕРЕБИЩЕВ (*остановившись на полпути*). Ладно, петух, сиди на яйцах своих! На пороховой бочке... Веди собрание. Но учти, все у нас еще вперед

ди, и мне первому слово... в порядке обсуждения.. Я, например, считаю. Захарыч (*совсем другим тоном*), что визитер из Москвы (*закладывая вниманием слушателей*) вовсе не по этому поводу.

МУХОБОЕВ (*вскакивая и держа явно сторону председателя*). Ну, а по какому же? Никак ты, Жеребищев, опять наверх, теперь уж на нас, что-нибудь накатал? У него, братцы, это в момент.

ВАНЬКИНА-БАНЬКИНА. Что тут происходит? Происходит тут что?

ЗЫКИНА (*в центре Трех бухов*). Да помолчите хоть вы! Театр тут им. интересно!

ЖЕРЕБИЩЕВ (*хохоча нервно, толчками*). Ну, Зыкина! Спущу тебя с Эвереста... Захожу к ней намеренно, а это кто ж тебя сзади через стул руками объял и притянул ко груди?.. Мне ваши будни тут ни к чему, я – человек прямой! Думаю так, визитер из Москвы не по этому, вашему поводу. У меня разведка лучше работает, и чердак тоже не хуже варит, то есть котелок. Это скорее всего по поводу твоей войны, Захарыч, за «испанское наследство». С Вепринцевым, с театром «Глобус», где и ты в свое время был режиссером, срывал цветы удовольствия. Слышали ль вы, львы, пантеры, тигры вы полосатые! Слышали (сказали по местному радио), за изнасилование срок одному припаяли? Да еще и постановили взыскать за моральный ущерб три миллиона... хотя она и за десятку бы, небось, согласилась, а?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*каменя лицом*). Какие цветы?! Какая война с каким таким «Глобусом»? Сам же, Омар – забодай тебя комар, сам сказал, что тебе сбрехать, что два пальца...

ЖЕРЕБИЩЕВ. Во, видали? Надо еще повторять! Как самого за ребро подцепили, так куда и лоск подевадся, сука такая!

ГОЛОСА С МЕСТ. Охамел!.. По делу говори!.. Тут тебе не конюшня!

Петурхо-Петуршацкий ободрен поддержкой масс. Его просто несет в диком административном восторге.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Перед встречей хоть шею-то вымойте, в порядок себя приведите! Брюки утюгом хоть раз в жизни. Рубашечку, галсту-

чек. - вы же артисты, то есть литераторы, на вас люди смотрят! А то у Рюмы, гляньте-ка, ширинка всегда пожалуйста, всегда нараспашку.

РЮМА (*хоть навряд бы спит*). Молния сломалась. Где молнию я возьму тебе, где? Пусть штаны, как и раньше, шьют на пуговках.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. А к Жеребищеву хоть на три метра не подходи. Жена на мясокомбинате работает, так от него убоиной за километр. Вот наши девочки, розочки, - скромненько, чистенько, со вкусом. Перед ними хотя бы держали себя, мужики. Иначе зачем тогда и принимали их в наш-то кооператив?

Петурхо-Петурицацкий подходит к спящему на столе Рюме. Подкладывает ему под голову том своих сочинений. Берет стул и со стула теперь уже смело обеими руками переворачивает портрет Гоголя лицом к стене. Молодой петух кричит заполошно в соседней комнате.

РЮМА (*отрывая со стола неподъемную голову*). Голос дряблый какой... Скоро и тебе Петухо-Петушацкий отрубят голову. Московского гостя петушатинкой потчевать, яиц ты все равно не несешь. Да, Захарыч, петухи-то яйца не несут, оказывается.

МУХОБОЕВ (*подобожествляя Петурхо-Петурицацкому*). Ну и как быть, Захар Захарыч? Я решительно за то, чтобы проявить бдительность, бдительность и еще раз бдительность. И ни слова лишнего. Ибо монархи приходят и уходят, а нам тут жить. Я думаю, Астралов... но не этот, конечно (*кивает он вниз, на вновь вписанное в забытье Рюму*), а тот (*показывая пальцем в потолок*) будет нами доволен. Хотя излишняя бдительность сужает наши творческие возможности. А мы и без бдительности возьмем и выразим свое отношение, ба-теньки-матеньки, просто любви и почтение, ну кому же еще – Астралову, которого, от себя особо скажу, все мы тут глубоко и так уважаем. Верно, алкаши? А Рюме просто-напросто, в таком случае, предложим сменить фамилию. Или пусть, как декабрист, Бестужев - Рюмин, или носи хотя бы в такой связке Астралов - Рюмин...

РЮМА (*отрывая голову от стола, восталенным взором вписывается в Му-*

хобоева). Все стучишь, наука? Ну, стучи, стучи, долбоум! Астралов – Рюмин у тебя в голове. Да я с тебя, за моральный ущерб три мильена взыщу!...

МУХОБОЕВ. Хотя, конечно, бдительность, может быть, и ни к чему. Просто надо быть человеком, верно говорю?

Голова Рюмы падает снова на стол.

РЮМА (Мухобоеву). Когда на том такой же, как у него, нашкандыбаешь (указывая на Петурхо-Петуришацкого), и тебя буду слушаться, муха.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гостиница «Предпоследний фейерверк». Номер с окном. В окно влезла ветка, на ветке сушатся носки. На постели валяется человек – это Ртищев Лир Григорьевич – профессиональный актер. Без денег, без места и уже без амбиций, готовый на все. Ждет звонка из театра «Глобус», от главного режиссера Вепринцева, с широкими предложениями.

РТИЩЕВ (снимая с ветки носки и заглядывая в окно). А площадь центральная. Но без мавзолея. Под красными флагами ходили, «ура» трибунам кричали. А за колбасой в Москву ездили... И теперь на митинги собираются, все ругают время, клянут-проклинаяют, но колбасу можно в магазине напротив купить. Да где, черт возьми, деньги, деньги где?! Вот в чем глобальный вопрос!.. Стенка к стенке в животе липнет (на свистывая и тут напевая «Казино, казино...» Вячеслава Добрынина). А не до казино. Тут хотя бы кильки в томате, да ведь и килька ныне зубастая, стерва, кусается.

Требуется в данный момент что? стационарная крыша над головой, место работы. Театр – это тебе не брызги шампанского, воду из крана и ту отрубили. Вот тебе и номер, размаха шага саженьи... Последнее место работы – Самарская драма, где тебя, брат, уже представляли к народному, да сменился главреж, Новый же, как обычно, приехал отсюда со своим «самоваром». А годы уходят, все лучшие годы. Амплитуда от Гамлета до теперь уже короля Лира. Надежды превращаются в дым... Кстати, о «Дыме» Тургенева. Кажется, именно эта премьера готовится в местном театре, подбирают состав. Что-то случи-

лось с ведущим актером. Запил ли, не сошелся с начальством: «я так вижу!» – «а я так не вижу!!!» О, судьба актера! О, эпоха эпох...

И вот ты здесь. Как тебя осенило: если главреж прибыл в Самару из этого города, значит, самарский главреж должен вынырнуть здесь! Вот и вояжируем мы «из Воронежа на Чернигов, из Чернигова на Воронеж».

Да, нужен ход, но какой? Не ординар, конечно. Хотя, бог мой, в мире всего какой-то десяток сюжетов. В один из таких сюжетцев и втиснуть бы свою интерпретацию, так сказать, проявить свой талант! Сейчас это модно. Методом режиссеров не корми, дай им в Шекспира втиснуть себя, а Шекспира послать к Мольеру и к чертовой... Вепринцев в заграникомандировке. Театр готовится к гастролям в Америку. Высоко берет, третье «до»! Сегодня должен во граде тут объявиться, позвоню домой наудачу...

Набирает номер. Одновременно звонят в дверь. В номер врываются сразу две молодящиеся особы – одна в белом берете, другая в розовом. В спину им крики: «Гражданочки! Гражданочки!»

Та, что в белом берете (протягивая левую руку). Алла Ванькина. Член кооператива литераторов, поэта. Стихи для газеты, школьные сочинения.

Та, что в розовом берете (протягивая правую руку). Алла Банькина, Член кооператива литераторов. Рассказы, повести, школьные сочинения.

РТИЦЕВ (принимая их едва не в объятия, наскучась по женской линии). Сочинения – да! Но почему школьные? (к той, что в белом берете). Что говорит на это Америка?

БАПЬКИНА (перчаткой кокетливо его по носу). А что же вам сразу академические, да?

ВАПЬКИНА (припадая и слегка задерживаясь у него на груди). А что же вам сразу поэтические, да? (Охлаждая ладонями горящие щеки). А что вы, правда, из Москвы? Специальный Посланник?

БАПЬКИНА (перебивая ее, стараясь обречь на себя внимание). А мы спрашиваем внизу... как его, метродотеля, а на этаже – труные, а они ни бум-бум...

ВАНЬКИНА. Не трупье, а крупье. В казино деньги сгребают. И не метродотель, у нас метро нет, только копают...

РТИЩЕВ (*в тон ей*)... под честных людей.

ВАНЬКИНА (*не обращая внимания*). А они, ослы, как в рот воды. А мы догадались сами... Так вы из Москвы, Посланник Президента? Какого? Какой фирмы?

ВАНЬКИНА (*с откровенной улыбкой на нее, с высоты Монны Лизы*). Вот бездуховность. И беспринципность!

РТИЩЕВ (*начиная входить в роль*). Да, я в некотором смысле из Москвы... Вот билет. Плацкартный, да где же он? Ага... И в некотором роде Посланник... н-да, я даже, хватай выше... король Лир, розочки мои дорогие, алая и белая розы, голубые кровя...

ВАНЬКИНА-ВАНЬКИНА (*смеются обе разом*). Вот как? Королей нам еще не хватало. Королей у нас теперь нет, даже царей. После 17-го...

РТИЩЕВ. Энциклопедия! Эпоха! Энтузиазм! Три «Э» – э, э, э... Турецкий акцент... Война Алой и Белой Розы. Нет, зачем же вам воевать, вы мне нравитесь сразу обе! Значит, так - вы лично (*оглядывая их снизу вверх*), как крысы тут в брошенной сакле? Денег вам не хватает, да? В забвения обществом погружены – местной флорой и фауной?

ВАНЬКИНА-ВАНЬКИНА (*обе сразу, аж подпрыгивая*). Да! Да!

РТИЩЕВ (*весело*). А я вас озолочу! Я вас сделаю гениальными, широко известными в узких кругах. Хотите, я подарю вам какую-нибудь планету. Хотя бы одну на двоих. Сейчас это модно – дарить планеты. Ну хотя бы какой-нибудь астероид, который летит сюда к нам с бешеной скоростью и вот-вот врежется в местный театр «Глобус». Не шекспировский, что ему жалко, что ли, какой-то другой театр «Глобус»?

ВАНЬКИНА (*хлопая его по плечу*). Лучше в тургеневский бережок.

ВАНЬКИНА (*беря интимно за локоть*). Скажешь тоже, десантник!

РТИЩЕВ. Ей-богу, девочки, Лир я, хоть пока еще и не король! Лир Григорич Ртищев. Вот и паспорт.

ВАНЬКИНА-БАНЬКИНА. Так бы сразу!.. Из Москвы, мол, я, прямой

Посланник, косая сажень в плечах...

Разворачиваются и кидаются в дверь.

Ртищев плюхается на стул. Пустячок, а приятно. Какое-никакое, а развлечение. Вспоминает о телефоне. Ага, попался этот Веприщев. После представления бывшему самарскому режиссеру рассказывает с восторгом о только что нанесенном ему визите.

РТИЩЕВ. Кто такие, Филипп Григорич? Да, говорят, члены кооператива литераторов. Да-да, прозаик и поэтеска... Есть идея, говорите? Воспользуемся ситуацией? Пудей ко мне, сейчас будете? Филипп Григорич! Вы – бог, вы – гений! Нет слов, дорогой, жду! Весь ваш, в приятных о вас воспоминаниях.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Тот же номер в гостинице. В номере – Ртищев и Веприщев.

ВЕПРИЩЕВ (*рассаживая по комнате*). Понимаю, понимаю тебя. Биржа, состояние листочка, оторвавшегося от дерева, неприятная вещь... А я как уехал из Самары, так за два года сменил три театра. Да, жизнь – индейка, судьба – злодейка. Однако у медали есть и другие педали. И вот я тут, в этом городе классических традиций. Спокойный, уравновешенный ритм. Голова города Астрахань, кажется, с головой. А дураков сторонюсь. В Самаре нановаялся. Теперь делаю по духу то же самое, но без тонора. Чем, скажем, и отличается эволюция от революции.

РТИЩЕВ (*вставляя свое выношенное*). Эпоха! Иная эпоха!

ВЕПРИЩЕВ. Ну, театр я, кажется, приноднял. Дух вдохнул в народ театральный... Фестиваль провинциальных театров провел, нас заметили, посылают вот на гастрольи за океан... А какое наследство получил – жутко вспомнить! Во что театр превратил этот Брехунко-Брехуншацкий, извините, заслуженный деятель! С детства образ передо мной такой – доктора Карабаса-Барабаса. После спектакля он развешивал куклы по стенке на гвоздики...

Главное – актеры «зомбированы», тени, роботы. У этого Петухова (Петрухо-Петрушацкий его псевдоним) прямо-таки дар: обволочь елеем, сбить с

толку, в первое время создать вокруг себя ореол, а потом лги, неистовствуй, царствуй! Его просто нельзя, категорически нельзя подпускать к руководящей работе, а он опять всплыл и где? В кооперативе литераторов. И вот теперь эти несчастные литераторы обесточены, обесчелочены, превращены в средство. И что интересно, они словно сами жаждут, как бы им подлечь под ярмо...

ВЕПРИНЦЕВ (*наливая из графина воды*). Да, кстати. «Стакан воды» Скриба. Первый спектакль свой здесь он, откровенно говоря, поставил недурственно. Но ведь начисто списал с вахтанговской постановки. А сейчас этот Петухов-Петушацкий затеял тяжбу с театром. Аргиста нашего – Неумываку – ввязал в борьбу, отлучил от творчества, отравил человеку жизнь. А ля гер ком а ля гер – на войне как на войне...

В общем, Лир, как я понял из визита к тебе Алой и Белой Розы что явствует? Что у Петуха не все гладко и в этом его кооперативе. На этой почве у человека развивается что? Видения, призраки, галлюцинации, что-то мерещится. Вот уже и Посланника из Москвы сегодня какого-то ждет, хе-хе, чушь собачья, завтра будет ждать самого Президента...

Вот ты, Лир, и сыграй мне роль! Супротив этого вальяжного чревоугодника, готового во имя живота своего плюнуть на искания молодости, на всякую порядочность. В общем, на все, лишь бы на тарелке у него с утра была вот такая, с собачью ногу, котлета... Словом, это тебе проходной балл. Думаю, сразу завоюешь себе место под солнцем, вольешься в славные ряды нашего «Глобуса». Чем у зрителя, думаю, вызовешь гомерический смех. Горбатых, как говорится, надо лечить... Ну, лады, Ртищев, договорились?

РТИЩЕВ (*слегка по ляжке себе местной газетой «Меридиан»*). Король Лир в роли посла Президента – а что, канальство, это заманчиво! Вперед, свободная пресса, и мы победим!

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Дом кооператива литераторов «Тургеневский бережок». Все тот же зал с дубовым «рыцарским» столом. Узкий круг лиц, малый совет при предсе-

датель – сам Петурхо-Петуршацкий, его человек – бывший директор театра «Глобус», ныне директор издательства при кооперативе Шевелюркин Тим Тимыч, а также магистр наук, член бюро Мухообоев (псевдоним Присягаев), Прокл Моисеевич.

На столе бутылка коньяка «Наполеон».

Сторож ВАВА СУДНИЦЫН (*просовывая голову в дверь*). Талант идет!
«Наполеон» мигом слетает со стола. Напряженная пауза.

Сторож ВАВА СУДНИЦЕВ (*входя в самую дверь, облегченно*). Талант
опять прошел мимо!

«Наполеон» возвращается в исходное положение.

Сторож ВАВА СУДНИЦЫН (*уходя обратно к себе за дверь*). Ну, Захар Захарыч! Креста нет на тебе! Будет тебе Судный день, ей богу! Разверзнутся небеса! Зарплату мне плотью уборщицкую, а работаю с рыском для жизни – вас тут тепленьких развожу, охраняю от одалисок.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЦ (*смурнея лицом*). От каких это одалисок?
Я - человек кристаллический.

Сторож ВАВА СУДНИЦЫН. Ну от баб, от баб, прощальчек этих.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*успокаиваясь*). Так бы и говорил. По-простому, по-русски. А то ведь слова какие-то ехидные потребля... потребля... во бля, память....

В соседней комнате кричит заполошно петух. Все смеются

ШЕВЕЛЮРКИН (*с готовностью служить*). Этот год – его (*показывая на председателя кооператива*). Год Петуха, Петурхо-Петуршацкого. Все будет у него получаться, ничего ему не грозит.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*Шевелюркину*). Движемся, Захар Захарыч, движемся. Наш паровоз, вперед лети...

Звонит телефон. Петурхо-Петуршацкий важно берет трубку, тут же встает. сливается с ней. Прикрывая мембрану сообщает многозначительным шепотом: «Сам Астралов».

Шевелюркин на цыпочках выходит в другую комнату.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*подобострастно*). Да-да-да... Отец родной, литераторы вам благодарны... Свечку в церкви поставим. Многоя лета... Да-да-да, таков человек, как вы, рождается раз в сто тысяч, в мильен лет... Приду скоро к вам, предстану пред ясны очи. Да тут у нас проблемка одна, малозначительная, прыщик на пальчике тоже болит... будьте, будьте и еще раз будьте, здравия желаем, яволь (*кладя трубку*). Ну вот, слышали? Сам (!) интересуется нами (*смотрит сверху вниз на Мухобоева и Шевелюркина*). Позванивает мне, извините, позванивает.

ШЕВЕЛЮРКИН (*пальцем к губам*). Сам Астралов, но какой Астралов?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Тим Тимыч! Сколько раз говорить, имей выдержку, не бери параллельную трубку, когда я с начальством, разговариваю... Слышали? (*кивает на трубку*). Так вот, намекаю, в случае чего – в беде не оставит. Это я вам для моральной поддержки. Чтоб в штаны раньше времени не наклали... Ну так что делать будем с этим Посланником из столицы? Информация требует, во-первых, проверки. А во-вторых, послушайте, Мухобоев, магистр наук, почему вы носите такую некрасивую фамилию? Ну что это – Мухобоев! У вас же вполне приличный псевдоним – Присягаев. Вот и носите его. Ах, слишком подобострастный? Для вас как раз в точку. Ведь Мухобоев – какая-то нечистоплотность, кровожадность, а ведь член бюро. Нет, вы только подумайте, что могут вообразить где-либо о бюро, о его председателе, обо всем нашем кооперативе? Не с па – не так ли, Тим Тимыч? Когда мы с тобой (*одновременно работая на Мухобоева*) сеяли доброе, вечное; ты – директором, я – главрежем, мы же себя не жалели. Не то что фамилию – гражданство готовы были сменить... кое-кому... из патриотических чувств. Пусть едут, кому тут не ндррравится, кто к себе на Восток, кто на Запад, а нам и тут хорошо. Верно, Тим Тимыч?

ШЕВЕЛЮРКИН. Не с па... Я что-то, Захарыч, сегодня не спал, вернее, спал, но плоховато.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. И чего?

ШЕВЕЛЮРКИН. Предчувствия. Фантазии разбушевались.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Вот кто артистом должен быть, вот кто артист! Не по профилю работаешь, сжигаешь, братец, себя... Ну хватит! Все на общество да на общество, а никакой тебе благодарности. Теперь, дорогие мои, давайте-ка поживем для себя. Тебя, Мухобоев, я буду все-таки звать Присягаевым, мне так нравится да и двигать так тебя легче... Вот Сталину принесли утверждать списки на командармов, а там одна фамилия глазик цепляет – Жидов. – Из тех, что ль? – спрашивает. – Да нет, говорят, из этих, боевой генерал. – Ну дак вот! – и чирк ма-ахонькую ковылюшечку сверху, так и родился генерал Жадов. И это уже история, эпоха! Вот так. А ты, Прокл Моисеевич, все Мухобоев да Мухобоев. Отец, говоришь, мух бил, и ты, что ли, тоже мух бить собираешься? А ведь ты магистр наук, член кооператива, мы – элита общества, на нас люди равняются. Ты должен быть Присягаев, личит это тебе, идет, хорошо!... Тим Тимыч, заседание закрывается. Иди, дорогой, зови кого-нибудь из «трибухи» – из трех наших славных бухгалтеров. Будем ребятки, гулять! Развлекаться! Кррруговая порррука, гитары, цыгане, ехали да на тройке с бубенцами-и-и...

В зал вбегают Ванькина – Банькина, бросаются к Петурхо-Петуршацкому на шею.

ВАНЬКИНА – БАНЬКИНА. Мы только чтс от него! Действительно, из Москвы. Билеты, паспорт показывал: Ртищев Лир Григорич... Говорит, озолочу, где хотите – опубликую.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*постепенно оседая*). В самом деле, из Москвы, от Президента? То-то, гляжу по телевизору вице-премьеры роем жужжат по городам, шмон наводят, налоговую полицию активизируют... Ладно! А-а вот и наши красавицы – три буха (Зыкина, мадам Икс и Карменсита). Садитесь, мамочки-мадамочки, сюда поближе, – раздвинем же плечи, содвинем стаканы. Как перед фотообъективом. Для вечности, как средство от стресса. Только рраз ббывает в жизни встреча...

Из окна Дома кооператива летят в черноту ночи, с классического откоса романсы и цыганские песни, неотобранные слова, пустые бутылки.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Зал Дома кооператива литераторов при тусклом ночном освещении. На диване – Петурхо-Петуришацкий. Часы бьют трижды. От каждого удара тело председателя содрогается. После третьего удара он просыпается. Встает, морщится от головной боли.

ПЕТУРХО-ПЕТУРИШАЦКИЙ. Опять вчера перебрали. Сплошь туман какой-то, рожи всякие перед глазами. А ведь зарекался пить, здоровьем Санечки клялся, беречь себя надо, дочку на ноги ставить. И опять же, дурак, нализался... Ну зачем тебе это лично – боль головоломная, семейные скандалы, немой укор в глазах доченьки? А все эта польза общественная, черт побери, во имя других! Да когда хоть жить-то начнем по-настоящему: лгать перестанем, лицемерить хотя бы перед самими собой! Вот и я, откровенно сказать, всю жизнь только и делаю, что вру, вру, вру беспощадно, просто ужас какой-то! Ну зачем, скажете, это надо мне лично, выгоды порой никакой, а все вру и вру, не могу остановиться. Когда врет маленький человек, без портфеля, без должности, люди просто махнут на него: а, брехло! И пройдут мимо, как сквозь стенку. А вот когда ты при должности – это невыносимо, кошмар просто смотреть в тоскующие по совести, по искренней правде глаза...

Господи, да и что за жизнь такая, одно сплошное вранье! Сначала врешь для маленькой пользы, потом польза все больше, большая польза, огромная выгода, и ты уже раб, тобой что-то ведет, управляет. Обстоятельства, вышестоящее начальство, твой родной коллектив. Обезбожились, обездушились, низко пали... Взять хотя бы командировки. Сперва так: ты в районе пробыл двое суток, а отметил трое. Потом и вовсе там не был, а знакомым послал, допустим, в редакцию, чтобы отметку сделали. А после закрыл глаза на все: еще и авиабилет приложил, выпросив у кого-либо на аэровокзале. «Что-то вчера на совещании, Захар Захарыч, вас не было? – В районе был. – Да я же вас у булочной видела. – Да это я за документами прилетал». Врешь и уже не краснеешь, все в тебе атрофировалось, совесть куда-то делась, сгинула. Так, что становится страшно. Все врут, и ты врешь. И ком, вал какой-то, сплошной поток вранья.

Избрехались настолько, попробуй поток этот останови. Это же каток асфальтировочный, катится по тебе, того и гляди, вдавит в гудрон, из тебя мешок с костями сделает...

Вот хотя бы Аполлончик, этот сынишка Зарецкого, писателя в оппозиции. Кажется, ну при чем тут отец? Сталин и тот в период массовых репрессий заявлял фарисейски, что сын за отца не отвечает... А вот вцепились, окаянные, в парнишку, это чтоб на отца через сына воздействовать. Все язык чешется у нас, зуд разбирает: учился парнишка в Москве в Литературном институте, так все телеги катили, не давали учиться. Вернулся с учебы, книжку приличную написал – в кооператив не принимаем. Всех подряд принимаем, а его – нет... И ты, Захар, хорош, ведь клялся-божился Зарецкому даже здоровьем Санечки, что с «детьми» не воюешь. Откровенно если, к самому Аполлончику нет претензий: парень серьезный. Это у отца его с нами конфликт, да и не со мной, а с «мамонтами» этими, ископаемыми доисторическими – со старыми членами кооператива. И вот подходит отец: ну когда собрание? А ты врешь ему: через неделю, через месяц, через полгода. И зачем врешь, к чему? В клещи тебя взяли эти ребята – чистый поэт Бранников и нечистый прозаик Батманов. Как на работу, ходят в кооператив. Придут и сидят, гипнотизируют, держат в шорах, как и что тут – все перед ними, как на духу. Дело в том, что, дескать, они коренные, через них должны быть выходы на начальство, в высшие сферы.

Да, ну а как же тогда насчет совести, насчет слова, данного тобою Зарецкому? Насчет твоей собственной дочери, твоего сына? По гороскопу – Зарецкий родился в созвездии Юпитера, под покровительством Зевса... Защищаем от Вепринцева актера «Глобуса» Неумываку, а у самих во какое бревнище в глазу...

Времена изменились, не те теперь времена. Дали в газете «Тургеневский бережок» литературный портрет Президента, приняли в Литфонд бывшего Голову, а в области выбрали другого – Астралова... Вот и трясись теперь, вдруг возьмут да и отключат обеспечение, зачем, мол, содержать этот кооператив как учреждение, делать в него вливания, когда он по сути против литературы, твор-

чеством не занимается, молодые таланты не пропускает... А эти друзья – Бранников и Батманов – вечно в собачьей стойке перед тобой...

Петурхо-Петуришацкий пьет прямо из графина, замечает, что со стены смотрит на него с портрета Тургенев.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (бурча под нос себе). Опять этот Рюма? Повернул его сюда к нам глазами.

Портрет уходит во тьму. Вместе с криком молодого петуха возникает фигура в белом – Призрак с обликом Тургенева.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (отступая на шаг в изумлении). Святые отцы! Живые классики! Казнить пришли или миловать? Да, вам хорошо, Иван Сергеич, вы давно уже умерли, а тут попробуй с этими... Чтобы и волки сыты были, и овцы целы...

Отступая перед Призраком, Петурхо-Петуришацкий валится на диван. Мгновенно засыпает. Призрак накрывает его газеткой.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Тот же зал при дневном освещении. Поблекший после ночных кошмаров Петурхо-Петуришацкий сидит в головице «рыцарского» стола. Как иттопор, при исполнении. Бранников и Батманов перед ним: в своей излюбленной стойке.

ЗЫКИНА (главный бухгалтер, она же и секретарша, входя с бумагами). Захар Захарыч, ну будем что-нибудь предпринимать?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. В каком смысле?

ЗЫКИНА. Кто-то там едет к нам, шорох тут наводить (замечает Бранникова и Батманова). А вы тут чего? Дайте хоть с руководством поговорить.

БАТМАНОВ. В каком смысле, говорю?

ЗЫКИНА. Чтобы дверь закрылась с той стороны. Валяйте, валяйте, ребятки! Сходите, пивка попейте, сюда принесите, банка у меня на окне.

Бранников и Батманов уходят.

ЗЫКИНА (придвигаясь к Петурхо-Петуришацкому). Вы бы сами их хоть

разочек поперли. Надышали тут всяких миазмов.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*принюхиваясь*). Бильярд купить надо или гитару, комнату отдыха организовать, пусть играют, как на собственных нервах.

Зыкина раскрывает папку с документами. Объясняет что-то, председатель кооператива то соглашается, то не соглашается. В дверь просовывается голова сторожа Вавы Судницына.

ВАВА СУДНИЦЫН. Захар Захарыч, талант идет! (*вздыхая, через паузу*).

Талант опять прошел мимо!

Петурхо-Петуршацкий, оторвавшись от бумаг, длительно смотрит вслед через окно.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. И еще предложение. Надо изыскать возможности, выдать ребятам деньжонок.

ЗЫКИНА. В каком смысле?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Фигура прибыла, представитель. Надо, чтобы нищebroды наши имели возможность на бутылку хотя бы... И вообще, чтоб к словам моим были повосприимчивее...

Появляются Бранников и Блатманов, опять замирают перед Петурхо-Петуршацким в излюбленной стойке.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*принюхиваясь к ним*). Вот Зыкина хочет вас развратить, кость бросить – деньжонок подбросить, не возражаете? Подкупает, чтобы поменьше трепались. Мало ли что тут у нас – дело семейное.

БРАННИКОВ. «Коза ностра», да? Мафия как семья, семейная мафия?

БЛАТМАНОВ (*на Петурхо-Петуршацкого*). Он – монарх, император, наделен полномочиями. Со: ласился нести вериги.

БРАННИКОВ (*бурча*). Канцлер какой... Раницкий. Монархов с такой фамилией нет, не бывает.

ЗЫКИНА. Распишитесь и отваливайте, а то никак без пол-литра не разберетесь.. Следующий!

Вваливается Рюма, он же Астралов.

РЮМА. Вот хорошо, догадались! А то вот-вот голова лопнет, да ты просто гений, Захарыч!

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Фамилию смени! С такой фамилией надо быть, как стеклышко. В последний раз под такой фамилией получаешь. Что надо сказать Представителю?

РЮМА. Ей богу, буду молчать! Нем, как рыба, Захарыч, понял?

ЖЕРЕБИЦЕВ (*у входа незаметно гася свечу*). Во дают! Подкупаете? На что рассчитываете, на беспринципность? Опустились, прогнили! Как устроились: мух не топчете, заполитизировались! Филиал и фирмам, в городе столько партий, одних и тех же портретов... Ну да черт с вами. Где тут у вас расписаться? Но учти, Петух, все равно свое, если что, прокукарекаю.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*морщась*). Да уж это тебе, как два пальца обласкать... слушай, а почему два, а не три? Мы же с тобой православные? Иди и подумай, а потом скажешь, лады?.. Да, а свечку-то зажги, зажги – доброе, вечное... Следующий!

Вбегают Ванькина-Банькина.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*Зыкиной*). Этим денег не надо - не пьют, не давай им.

ОБЕ (*разом, задохнувшись от обиды*). Почему, спрашивается! Мы торт себе купим.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*издеваясь*). Да у вас денег куры не клюют, сами купите.

ОБЕ РАЗОМ (*извиваясь перед ним*). Что вы, что вы? Да мы же тут у вас самые бедные.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. И вы что – в кооператив сюда шли за деньгами, что ли?

ОБЕ РАЗОМ (*уже нагло*). Да! Ну и что?!

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. А то, что денежки выдаются только тому, кто способен носить оружие, кто имеет желание защитить честь и достоинство кооператива перед лицом внешней опасности... Ладно, Зыкина, выдай им! Я не

жадный... И не «ого», а «спасибо» скажите!

Входит Сабецкий – чистый прозаик, председатель ревкомиссии.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Алексей Петрович, ты чего над паспортом своим так издеваешься?.. Звонили из милиции, говорят, в паспорте подтер, вместо «Сабецкий» переменил на «Савецкий», а теперь чего делать будешь, опять подтирать?.. По такому паспорту Зыкина деньги не выдаст, не имеет права.

САБЕЦКИЙ (*аж задрожав*). Да вы что, Захарыч, вы что? Да это же отпрыск мой, Сенька...

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*приобретая над ним хоть временную власть*). А то у всех паспорта нормальные, а у тебя одного подтерт... на почве политического недомыслия. И даже с грамматической ошибкой – «Савецкий», даже с двумя ошибками – с буквами «А» и «ц»...О, Господи, застой, никакой диалектики!...

САБЕЦКИЙ. А я, может, дальше всех вас смогрю.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Купи лучше трубу подзорную, лучше получится, а еще директор коммерческого центра! Вот Зыкина тебе по такому паспорту денег возьмет и не даст.

САБЕЦКИЙ (*заводясь*). Так в мире нигде нет паспортов, кроме нас!

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. В мире книжки не читают, книжку, может, всего раз в год в руки берут, а у нас каждый день, да по несколько раз, чтоб читать не разучивались. Вот, видал, что написано? «Пас-порт. Россия»... Хорошо, знаешь, знаешь, что сказать Представителю? Вот про паспорт больше и говори, про прописку московскую – чего они там, на Москве у себя, за нее, как черт за грешную душу держатся? Все у них не как у людей. А про кооператив я ему и сам расскажу... Да, завтра мне машина нужна, гостя по городу повозить, так что ты, Алексей Петрович, обеспечь... Хорошо, Зыкина, выдай деньги Петровичу и давай за-а-певай! про «Малую землю». А кто не успел получить, пусть идут жалаться Жеребищеву. Он меня все свергает, никак не свергнет. Остальную сумму мы с тобой, Зыкина, и сами по карманам как-нибудь, хе-

хе, распихаем.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Через какое-то время в том же Доме, в том же зале. Все сидят за большим дубовым столом без острых углов.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*вальжжно этак*). Ну что, все довольны?.. Ах, тебе, Жеребищев, казначейский билет поддельный достался? А тебе, Рюма, недодали, обсчитали? Ну нет уж, элита моя дорогая, мои бело-серые братья-писатели, выше знамя отечественного искусства! Мы не позволим трясти, как грушу, традиции нашего богатого литературного края. Вы теперь ангажированы, слышали такое словечко? Ну, как по Ленину, не свободны, значит «от денежного мешка, от подкупа, от содержания». И мы, значит, вас по дешевке купили...

ЖЕРЕБИЩЕВ (*установка в него*). Кто это мы?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Ну мы с тобой: я – председатель, а ты – мой заместитель.

ЖЕРЕБИЩЕВ (*успокаиваясь*). А, ну да.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Ну вот и все вроде, поставил задачу... Присягаев, ты скажи нам теперь что-нибудь про Тургенева, вдохнови! Покажи бочку сначала вперед, а потом снова назад (*подделываясь под общее настроение*). Вперед и назад, вперед и назад, покажи, Присягаев!

ВСЕ РАЗОМ (*реплики с мест*). Мухобоев же он! Какой Присягаев?!

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Он теперь у нас Присягаев, дает согласие на псевдоним. А то перед гостем из Москвы неудобно, ну что это – Мухобоев! Не уродства свои выставлять надо нашей столице, их у нее и без нас хватает. Да не втирать очки, не втирать, с чего это взяли, а показывать красоту и гармонию, гражданский мир и согласие. Верно, говорю? Верно. Отправляюсь за Посланником лично. И веду сюда его. Пусть нас тут воспринимает. Магнитофонов японских тут у нас нет, встроенных шкафов тоже, нам родные стены помогают...

РЮМА. А как пишется – вас принимает или воспринимает? От слова возить?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Как говорится, так и пишется. Так же, как и в 37-м, когда на друг друга доносы писали... Все, ну я пошел!

РЮМА. Вольная птица, пора в клетку.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Все тот же Дом кооператива литераторов «Тургеневский бережок». Тот же зал с большим «рыцарским» столом и портретами классиков. Однако теперь под портретом Тургенева сидит не Петурхо-Петуршацкий, а высокий гость из Москвы – Лир Григорьевич Ртищев.

Перед Ртищевым стопка бумаг.

Входит Жеребищев. У входа автоматически пытается накрыть ладошкой горящую свечу - у Доски репрессированных писателей, но тут же отдергивает руку, прячет ее в карман.

РТИЩЕВ (*непроницаемо*). С чем пришли?

Жеребищев лезет за пазуху, извлекает бутылку, бормочет что-то неслышимое, звуки никак не складываются в слова.

РТИЩЕВ (*вскакивая*). Позвольте, позвольте! Это как понимать, что тут у нас происходит? Это у нас тут кафе «Тургеневский бережок»? Нет, не кафе?.. Вот у меня список членов кооператива. Вот тут написано: заместитель председателя кооператива... Откровенно, да? Откровенно если, - хочется иной раз тебе, зам, сбросить самого да и засесть в креслице, хочется? Ну как Джонсону на место Кеннеди, Руцкому вместо...

ЖЕРЕБИЩЕВ (*делая движение вокруг шеи указательным пальцем*). Э, нет! Дураков тут у нас нет! Пусть большими параллелями занимаются депутаты. Пусть они на параше сидят...

РТИЩЕВ. А вообще, как у вас насчет микромира и макроколлектива?

ЖЕРЕБИЩЕВ (*заводясь*). Это насчет Петурхо-Петуршацкого, что ли? Есть команда, сумел сколотить. Но я среди дураков, я такой несусветный. Типичный совок с разбалансированной нервной системой. Я приехал сюда с Кавказа лет десять тому. И, представьте себе... э... Лир Владимирович... представьте себе, Лир Григорич, до сих тут делаю все во вред себе. Тут так говорят: умный на ногу себе топора не уронит. Ну, конечно! А я, извините, на голой поле со снежной вершины все время качусь. Видите, какой смех у меня идиотский? Просто сарказм какой-то. Смеюсь, гогочу над собой, над собственными и общими нашими пороками, а ведь самому не смешно... Бескорыстен, ребенок, понимаю, что не то делаю, а вот делаю, делаю! Это от нервов...

Вскакивает, начинает расхаживать. Ртищев зорко следит за Жеребищевым.

ЖЕРЕБИЩЕВ (*продолжая*). Дернут за веревочку, я и рад служить. Кому? Да хоть тому же Петурхо-Петуршацкому. Выступил вот инициатором этого письма в КПК (в Комитет какой-то, сам не знаю, - по проверке и корреляции). А что мне с этого, какая хоть выгода? Ну учился парнишка в Литинституте. между прочим, способный парнишка, его тут у нас за глаза все Талантом зовут ... а вот именно мне надо было вылезти из окопа...

Если вы приехали по этому поводу, скажу так: все кампании на руку какой-то, ха-ха-ха, га-га-га, компании. В конце концов, в пользу французской провинции Шампань – Арденн, шампанского и коньяка Петурхо-Петуршацкого... Это элементарно: заостряется факт, избирается жертва, в борьбе против одного все сплываются, в итоге лидер укрепляет позиции. И так, как я понимаю, до следующей кампании, до следующей жертвы. В общем, Дом кооператива – это дом, где перетираются таланты...

Понимать-то все понимаю, потому временно и старушка беременна, не в команде я Петурхо-Петуршацкого.

РТИЩЕВ. А вот по документу как вас, - Омар?

ЖЕРЕБИЩЕВ. Да, это у меня псевдоним, а так я Николай, зовите меня Николай.

РТИЩЕВ (*невозмутимо*). А вот по документу, я смотрю, книжки-то у вас каждый год выходили, а то и по две.

ЖЕРЕБИЩЕВ. Ну и что? Значит, работаю, когда другие бездельничают. А еще вот что... я взятки даю – редакторам, издателям, и кооператив тут не при чем, я сам, помимо кооператива... У меня жена на мясокомбинате, а за колбасу по бартеру в городе у нас что угодно - масло, шоколад, апельсины... Знаете, я такой дурак, что даже жену однажды, даже брата родного за то, что пьет, раздраконил в газете. В пух и прах, места голого не оставил. Так хотелось себе показать, чтобы в областную газету взяли корреспондентом. А все равно не берут. Я – жертва времени. Я – чужой, в войну свои же отца моего повесили. Вот у меня все и перемешалось – дерьмо с изумрудами, божий дар с яшницей...

РТИЩЕВ (*вздыхнув*). Ну, эпоха!.. Но парнишка-то в чем виноват?

ЖЕРЕБИЩЕВ. Как вы думаете, может, мне насчет этого обратное письмо написать? Самому Президенту... Это мне ерунда дело – написать, как два пальца обсосать, га-га-га, ги-ги-ги (*с тем и уходит*).

Покачав головой, Ртищев провожает его изумительным взглядом.

СЦЕНА ВТОРАЯ

В том же зале за тем же столом один только Ртищев. Входит Мухобоев.

МУХОБОЕВ (*представляясь*). Присягаев Прокл Моисеевич – магистр наук, член бюро, критик.

РТИЩЕВ (*склоняясь к бумагам*). А тут написано вы – Мухобоев Прокл Моисеевич.

МУХОБОЕВ. Я же теперь ПРИСЯГАЕВ. Это меня председатель перекрестил. Зачем тебе, говорит, такая кровожадная фамилия, смени, говорит, на Присягаева. Как член кооператива литераторов имеешь право на псевдоним. Более того, как критик (*заводясь все сильнее*) хочу, вас, батеньки-матеньки, предостеречь, поставить в известность, что Петурхо-Петуршацкий не имеет никакого отношения к микроклимату в коллективе, воздействуя порой, как в дан-

ном случае, на меня волонтеристски, безусловно, превышая свои полномочия. Это все у меня отцовская фамилия. Да и вы, что бы вы сказали на стихи вот такие, извините, цитирую по памяти (*закатывая глаза*).

«Подойду к тебе,

Сяду с краешка,

Золотая моя, золотишка»,

если бы эти стихи оказались подписанными не Степаном Щипачевым, а, допустим, Степанковым? Как вам это понравится?..

Ртищев пытается вставить словечко, напрасно.

МУХОБОЕВ – ПРИСЯГАЕВ (*продолжая*) ...а кому это понравится?

Собственно говоря, и науке тоже, которую я представляю, состоя в кооперативе и сея одновременно доброе, вечное среди молодежи на ниве народного просвещения. Нива народного просвещения – это звучит гордо, я целиком и полностью поддерживаю мысль Головы нашего региона о том, что если хозяйства в настоящее время не могут приобрести даже комбайн «Нива», то что уж тогда говорить о каких-нибудь минеральных удобрениях, а тем более о той же ниве народного просвещения – жалком сколке с общей нашей действительности, где в газетах и сборниках только портреты Астралова и печатают в разных позах и культах личности...

РТИЩЕВ (*приостанавливая*). Прокл Моисеевич! Прокл Моисеевич!

МУХОБОЕВ (*неудержимо, придерживая Ртищеву за локоток*). Нет и нет, вы меня не убеждайте, не убеждайте в обратном, батеньки-матеньки, ни за что не поверю, чтобы на родине столько блистательных литературных имен, сколько не поставил на службу отечеству никакой другой регион, чтобы хозяйству, носящему славное имя Тургенева, невозможно было купить комбайн «Нива» или хотя бы минеральные удобрения, и в этом Голова региона совершенно прав, тем более невозможно издать хотя бы тоненькую книжицу современного молодого таланта. А я, матеньки-батеньки, скажу совершенно откровенно (*склоняясь к Ртищеву*), все эти должности, звания для себя я не просил, они сами ко мне приплыли, и в этом я совершенно прав. Как и в том, что если отде-

лить в Захаре Захарыче, нашем руководителе, человеческое, то и он совершенно прав. Ну, зачем мне такая фамилия, надо уходить от прошлого, не сожалея...

РТИЩЕВ (*обрывая резко*). Ну так вы-то что – в одной команде с Петурхо-Петуршацким?

ПРИСЯГАЕВ (*грозя пальчиком*). Э, куда вы, в какие сферы. Я же не спрашиваю вас, батеньки-матеньки, в команде вы или не в команде нашего Астралова или Президента?

Так на высокой оптимистической ноте Мухобоев-Присягаев и покидает Рыцарский Зал.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Входит Сабецкий Алексей Петрович – чистый прозаик, председатель ревкомиссии.

РТИЩЕВ (*придвигая стул*). Ну-с, батеньки-матеньки? Надеюсь, вам-то понятно, в чьей я лично команде?

САБЕЦКИЙ. Конечно, конечно.

РТИЩЕВ (*сурово*). Вот вы – директор, вы других воспитываете. А зачем вы паспорт, скажите, испортили? Подтерли, исправили свою фамилию Сабецкий на «Савецкий»? Это как понимать? Политически или казуистически?

САБЕЦКИЙ (*наклоняясь на ухо, тихо*). Да знаете ли, этим актом хотел поддержать...

РТИЩЕВ (*недоуменно*). И кого?

САБЕЦКИЙ. Да Советы же.

РТИЩЕВ (*смеясь откровенно*). И что, что потом – ше-по-том?

САБЕЦКИЙ. Если бы каждый хоть буковку, хоть бы строчку...

РТИЩЕВ. Послушайте! Вы как литератор в самом деле уверены, что страницами книг и газет можно убирать урожай, повышать народное благосостояние, управлять, понимаешь, талантом?

САБЕЦКИЙ (*слабым голосом*). Сабецкий – это, может, знаете, главный был по хоккею, председатель Международной Федерации...

РТИЦЕВ (*недоуменно*). Ну и что? А как ваша-то, настоящая?

САБЕЦКИЙ (*вздыхнув*). Предана забвению.

РТИЦЕВ. Вот как?

САБЕЦКИЙ. Она меня не кормила. Невзрачная такая, обнаковенная... А мне и с этой фамилией не везет, пальцем тычут, воспринимают за иностранца. Я вот чистый прозаик, только прозу пишу. Попробовал стихи – не получаются. Может, на критику перейти, как вы думаете?

РТИЦЕВ (*разрешая*). Валяй. В конце концов, можно и критиком. А какого черта они плохие стихи и рассказы пишут, правда? Можно и раздраконить.

САБЕЦКИЙ. Не-е, у меня на критику сил физических нет. Я только такую критику, чтобы...

РТИЦЕВ. Кости чтобы не переломать? Чтобы кормила? Сладкой жизни вам захотелось, фавора, да?

САБЕЦКИЙ (*разочарованно*). Какое там! Хоть вообще о них, современниках, психах этаких, и не пиши. Лишь о классиках. Как Мухомоев. Так спокойнее. Да и отсвет падает смотря от кого какой – от Тургенева или от Жеребищева?.. Да, времена! Хотя бы до пенсии дотянуть, в бомжа не превратиться. Как Рюма... А ведь по молодости я и звонким же был!! Как выйду, бывало, на крыльцо в нашей деревне да как частушку-то заголошу!..

Все силы высосал проклятый город. Хорошо хоть в Москву не поехал. Приглашали в журналчик один (*наклоняется ближе*). А то бы уже и косточки сгнили в могилке-то. Тот, кто на то место сел, ушел уже после громкого дела, прикрыв главного редактора грудью, как амбразуру...

РТИЦЕВ. Короче, вместе с Петурхо-Петуршацким вы в разведку пошли бы?

САБЕЦКИЙ (*уклончиво*). Я человек не военный. Есть у нас такие – десантники. С ними насчет этого и толкуйте. А мы люди маленькай-и-и...

Уходя, движется спиной к двери.

РТИЦЕВ (*вслед*). Простые савецкие люди

Повсюду творят чудеса.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

В комнате задумчивый Ртищев. Входят Бранников и Батманов.

РТИЩЕВ (*отрывая голову от бумаг*). По одному.

ОБА СРАЗУ. Мы всегда ходим вместе.

РТИЩЕВ (*напористо*). Ну хорошо! Какие проблемы?

БРАННИКОВ (*несколько развязно*). Нон проблем. Хотя книжные магазины превращаются в «комки» под одной вывеской (*по-французски, с прононсам*) «Ремонт обуви» или «Автомото-велофото».

За дверью шум, крики. Голоса Петурхо-Петуришацкого и сторожа Вавы Судницына: «Занят! Не принимает!».

РТИЩЕВ (*кивая Батману и Бранникову на дверь*). Кто это?

ОБА (*несколько свысока*). А-а, читатели! Члены литобоза досужие.

РТИЩЕВ (*приосанясь*). Это те, что ездят на лошади, на Пегасе? А вы, что скажете относительно флоры и фауны в коллективе? Вы лично как – в команде?

Оба долго совещаются, кому первому слово. Решают – Батманову.

БАТМАНОВ (*вкрадчиво*). У деда моего в деревне стоял в сених железный сундук. С музыкой. Откроет крышку – «Боже царя храни», а на крышке изнутри батюшка Николай Александрович, Николай Второй. Перекрестится дед, послушает гимн, и на любое дело готов. А когда хата загорелась, дед этот сундучище один из полымя вытягнул... Что бы там ни говорили про нас, русских, отвечу пословицей: где родился, там и пригодился. Вот и я родился в деревне под этим городом, а вот он – вовсе на окраине. Спрашивается, от кого больше проку этому городу, региону в целом – от нас или от тех, что сюда потом понабились?.. Мы родились тут, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и... талант...

РТИЩЕВ. Чей талант, какой талант - имеем ввиду Аполлончика?

БРАННИКОВ (*реагируя*). Что вы-то в ввиду имеете?

Сторож ВАВА СУДНИЦЫН (*в дверную щель*). Лир Григорич, а Талант-то опять прошел мимо!

РТИЦЕВ (*встав резко*). Так догоните, пригласите!

ВАВА СУДНИЦЫН. Э, милые! Чего нет, того уже нет, ушел богоспа-саемо, подалее от греха.

БАТМАНОВ (*оглядчиво*). И правда, таланту, как говорится, надо помогать... бездарности пробьются сами... Девять лет лично я был председателем кооператива да еще лет пять в издательстве. С иными прямо-таки нянчиться приходилось, уффф (утирает со лба испарину). Вот он (*кивает на Бранникова*) приболел, помню, призраки белые ему после пьянки стали являться... ну, такая болезнь есть мужская... так я дежурил ночами возле него. Было дело, Ляксеич?

БРАННИКОВ (*поджимая губы*). А когда ты, бывало, загнешь в своем кроликоведении, я, бывало, сидел у края твоей могилы, караулил. Из кармана рупь литфондовский тянешь, как конфетку из сортира.

БАТМАНОВ (*глядя на него внимательно*). Что, обиделся?

БРАННИКОВ. А ты думал как?

БАТМАНОВ. Литфонд теперь у тебя, ты теперь конфетки и таскай для всех.

ОБА (*спохватившись*). А вообще-то, кто тянет, на того и наваливают... Кто отказывается от нагрузок, - времени нет, а он творит, созидает, вместе с ним ярмо тянем. Оттого в городе нас и знают...

РТИЦЕВ. А как насчет Петурхо-Петуршацкого?

ОБА (*осторожно*). Контролируем потихоньку, подучиваем, полируем. Он из другой сферы.

БАТМАНОВ (*на Бранникова*). Вишь, вот он человек принципиальный. Вступился через прессу за личность, за талантливого актера театра «Глобус» Неумывако.

БРАННИКОВ (*на Батманова*). А вот он в другой газете меня поддер-жал.

РТИЦЕВ (*вроде бы зевая*). А в чем, собственно, суть? В чем интрига?

ОБА (*переглядываясь*). А ни в чем, нет интриги. Эпоха такая! Но это уже другой разговор.

РТИЩЕВ. Ну, хорошо, хорошо. Можете быть свободными. Абсолютно свободными, если в этом смысле я могу что-то сделать для вас.

Оба уходят.

Ртищев сидит какое-то время, уставясь в одну точку прямо перед собой. В портрет напротив, в Тургенева.

РТИЩЕВ. Н-да, Иван Сергеевич! Бывалый вы человек. Вон куда замахнулись – во Францию. А вот если бы вас к нам сюда машиной времени перенесло? Интересно, как бы вы с нами тут жили и с делами справлялись, становясь в таком микрополисе классиком?

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Там же. Ртищев за тем же столом. Вбегают Ванькина-Банькина.

ВАНЬКИНА-БАНЬКИНА (*пылко, жизнерадостно*). Как будто век уже знаем вас! По вам... по вас... по... в общем, мы уже соскучились, Лир Григорич!

РТИЩЕВ. Девочки-розочки! А вы всегда такие вот... бело-розовые?

ВАНЬКИНА-БАНЬКИНА. Захар Захарыч тоже нам говорит, розочки-козочки. Если бы не жена, мол, дома, я бы вас, розы, опускал бы в вазу на «рыцарском» столе и целый день держал бы прямо перед собой.

РТИЩЕВ (*заинтересовавшись*). А что он еще и дамский угодник, ваш Петуршацкий?

БАНЬКИНА (*под бок подругу*). Дура (*чуть в сторону*). Белая роза!

ВАНЬКИНА (*уцепившись ответно*). От кого слышу (*и громко*). Алая роза!

РТИЩЕВ. Так ваза-то вся в пыли. Вон еще и мух, понимаешь, полна.

ОБЕ сразу. Антиквариат! Но Петуршацкий вазе не дает совсем пропылиться. Стаканы не просыхают: то юбилей, то презентация, то вот свадьба была. Сплошь праздники, так интересно.

РТИЩЕВ. Да, мамочки! А когда же вы книги-то пишете?

ВАНЬКИНА. А я, как Бранников, на ходу. В трамвае.

Ртищев вскакивает, чертом проходит по комнате, подхватывает под

руку Банькину, весело и интимно ей: «Ну, а мы пишем... в баньке?»

БАНЬКИНА (*отстраняясь*). Значения не играет.

ВАНЬКИНА (*наоборот, прислоняясь*). Какой вы обаятельный!

ОБЕ ВМЕСТЕ (*весело уходя*). Лир Григорич, какой вы шарман! Как будто лет сто с вами были знакомы! Скоро опять заглянем.

Ртищев провожает их до двери. Замечает в ней щель. Идет и задергивает портьеру.

Подталкивая впереди двоих – Рюму и милиционера Буянова, в зал вкатывается небольшой, шустрый человечек – Шевелюркин Тим Тимыч, директор издательства при кооперативе. Рюма ростом обыкновенен, зато Буянов толщ и длинен, как слега.

ШЕВЕЛЮРКИН (*раскланиваясь*). Честь имею, честь имею... в отличие от многих членов кооператива... я ваш покорный слуга. Тим Тимыч. Меня тут все знают, я был директором театра «Глобус».

БУЯНОВ. Милиционер я! Но, извините, не в форме. Пишу стихи, сочиняю (*и дерзко*). Но в члены кооператива не набиваюсь, хотя и ношу им сюда (*Тим Тимыч толкает его под бок*) бутыл...ки...ки...ки...

ШЕВЕЛЮРКИН (*со строгой ноткой*). Носишь, да! Но кому? Вот ему (*показывая на Рюму*). Не тому субъекту федерации.

РЮМА, он же АСТРАЛОВ. А мне что? Я, что ль, в кооператив тебя не принимаю.

РТИЩЕВ (*строго*). А что так трудно попасть к вам в кооператив, так почетно?!

ШЕВЕЛЮРКИН. Какое там! (*машет рукой*). В других регионах они давно уже рухнули. В Европе – ассоциации, свободный вход и свободный выход. Даже в университеты просто записываются и учатся. И только у нас осколок старого мира, все еще держится по такой простой причине, то квартиру тут власти выделяют... то кусок кое-какой кинут... (*берет Ртищева под руку, отводит в сторону*). Скажу совершенно конфиденциально (*кивая на Рюму и Буянова*). Видали, какие авторы? Я им спонсоров ищи на издания, а потом на реали-

зацию готовой продукции. Как белка в колесе. А они только и знают: мы – великие, мы – гениальные...

И уже вслух Рюме и Буянову.

Лучше бы вы «комиксы», что ли, писали, легче было бы со сбытом.

РЮМА (*подыгрывая Шевелюркину и, как всегда, в подпитии*). А то Захар Захарыч кричит: мы – элита, мы – сливки общества, учреждение закрытого типа, мы не можем разбухать до бесконечности. Не то к нам сюда хлынут за благами. У властей не хватит никаких средств... средств... среды окружающей, в общем, много, а средств мало... А я бы лично, Тим Тимыч, давно бы лавочку эту прикрыл. Все тут что-то химичат, наводят тень на плетень...

ШЕВЕЛЮРКИН (*не ожидая такого*). Ах ты, негодяйчик! Да мы же первого тебя напечатали. Что же ты рубишь сук...

РЮМА (*резвая, твердо поставленным голосом*). А кого же еще и рубить! Созданы были когда еще, при Сталине, суки эти, кооперативы. Чтоб друг на друга сучили, стучали. Сколько братья братьев за колючую проволоку позатолкали... И сейчас Аполлончика не пускаете, а у него книга, он – Талант, и я ему давал рекомендацию... А ты, Шевелюркин, постригись лучше. А ты, милиционер Буянов, лучше бы буянил в стихах.

ШЕВЕЛЮРКИН (*обиженно*). Ну вот и заслужил за все свое доброе! А чего тогда твой Аполлончик лезет в кооператив?

РЮМА. Ресстр тут, деньжонки хоть какие дают! У Аполлончика, как у всякого настоящего таланга, ни копы за душой, где ж ему еще взять-то? А вот магистр тот, да и директор... все мало им, Аполлончика не пускают, а сами и от крох не отказываются, где совесть?

ШЕВЕЛЮРКИН (*хлопоча возле Рюмы*). Опять Фаптомас разбушевался, Захар Захарыч подвергнет тебя остракизму.

РЮМА (*стараясь выговаривать четко*). А я никого не боюсь, никого, даже Андропова!

ШЕВЕЛЮРКИН (*успокаивая его*). А чего его бояться-то? Его давно уже нет. Это Захар Захарыча надо бояться, вот отключит планг тебе, кишку двена-

дцатиперстную...

РЮМА. А у меня и так две трети желудка нет.

ШЕВЕЛЮРКИН. И куда ж в тебя тогда все помещается?

РЮМА (*не обращая внимания*). А Андропов есть, есть, есть. Вон портреты по стенкам, члены бюро!

Выскальзывает из рук Шевелюркина и пластом валится на диван у стены.

БУЯНОВ (*топчаь на месте*). Ну вот и обрел себе местушко. Прилунился, землячок.

ШЕВЕЛЮРКИН (*осердясь*). А вот вы, товарищ Буянов, никогда, никогда не станете членом кооператива!

БУЯНОВ (*вспыхнув*). Это мы еще поглядим! От ГАИ спасать больше не буду! Никого, никогда!

ШЕВЕЛЮРКИН (*перед Ртищевым, на Буянова*). Видите, крысы кругом, а у него пистолет не заряжен.

Шевелюркин и Буянов уходят. Рюма спит на столе вниз головой. Ртищев вскакивает и, переполненный жизненным опытом, по-кавказски остренько, на носочках, проходит перед ним: ас-са-а.

РТИЩЕВ (*в зал*). Братцы мои, языческая эпоха! Любить искусство в себе, а не себя в искусстве – вот что, канальство, заманчиво!

Замечает перевернутый к стене портрет. Подставляет стул, поворачивает его обратно лицом к зрителю.

РТИЩЕВ (*в удивлении и с радостью*). А-а! Это вы тут – Гоголь!! (*Кланяясь в пояс*). Николай Васильевич! Кого я вижу, здравствуйте!.. Дорогой наш, бессмертный, давайте мне вашу честную руку. Станьте сюда вот, на стульчик. Сходите к нам сюда, не стесняйтесь нашей-то современности. Помогите и вдохновите в разбросе мнений – кого к стенке носом, а кого за нос да в навоз.

Сторож Вава Судницын заглядывает в дверь, застывает в изумлении.

ВАВА СУДНИЦЫН. С кем хоть вы разговариваете? Судный день! Ей богу, сукины дети! Что вытворяют! Затемнение окон!! (*занавес*). Франческо да

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Тот же номер в гостинице «Фейерверк». Ртищев разговаривает по телефону с Верпринцевым – главным режиссером театра «Глобус».

РТИЩЕВ (*смеясь*). Да все идет, как по нотам... Ну, не король Лир, а все-таки Лир, Лир Григорич Ртищев – да-да, высокий гость из Москвы... Да много чего сказать, много нюансов, разговор, Филипп Григорич, не телефонный... Домой к вам? Спасибо. Извините, кто-то ломится в дверь, я вам перезвоню... Да, а что это на гостинице теперь просто «Фейерверк», а где первое слово – «Предпоследний»?... Ах, покрасили уже, отломило цунами вывеску? Ну хорошо, хорошо...

Широко улыбаясь, с распростертыми объятиями входит Петурхо-Петуршацкий, бывший главный режиссер театра «Глобус», ныне председатель кооператива литераторов. Обнимает крест-накрест Ртищева, трижды смачно целует в щеку. Бухает на стол перед Ртищевым бутылку «Наполеона».

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*оптимистически, жизнелюбиво*). Хлеб насущный, надеюсь, в буфете найдется?.. Я благодарен вам, Лир Григорич, вы просто не знаете, как я вам благодарен за то, что вы дали возможность мне посмотреть на все вашими, Лир Григорич, глазами. Вы раскрыли мне новые, поташные горизонты в каждом из нас, всего нашего, в общем-то, здравого коллектива.

Наливает в стаканы.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*торжественно, с дрожью в голосе*). Григорич, нет слов, за тебя! До дна, до дна стаканы!

РТИЩЕВ(*снова приубливая*). Стаканы?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*показывая на стакан*). По-орловски - стаканы!.. Ах, желудок? Операция недавно? Ну этого злодея капелюшечку можно... А ведь какие мерзавцы талантливые, ух, собаки, талантливые! Как знают,

где что схватить, кого утопить, когда перед кем расписаться в лояльности. Всегда было как: кусок-то один, так первым надо к нему прорваться, статейку тиснуть - себя до небес, а всю черноту на другого. Ну, до чего мерзавцы талантливы! Рука не дрогнет бумагу словами изжечь и как только слова хоть находятся! И «родина» тут, и «совесть», и весь духовный набор. Все какой-то «летальный конец» вещают, и я их хорошо понимаю: поменьше жрать надо, работать усерднее, рынок хвост прищемляет, другие ценности, шутки плохи... Ну до чего же, собаки, талантливы! Сбились в команду, так с ними легче держать остальных...

РТИЩЕВ (*вяло так*). И кто же в команде-то?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Да трое-четверо. Но каждый – уффф! Штучный товар! И я схватываю у них, учусь кой-чему. Я ведь у них тут недавно, я из театра, имел дело актерами... Ну, а эти! Никогда не узнаешь, что у кого на уме! Вроде в одной команде, а скажи, что они там замышляют, – не скажешь. Не то что актеры. Актеры – народ простодушный, чего там – простофили, дети великовозрастные. Плачут искусственными слезами, смеются искусственным смехом, а чуть что – всерьез ведь, все искренне.

РТИЩЕВ. Н-да? Однако тоже лицемеры порядочные.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. А у этих слезы не выжмешь! Сдохнет с голоду, а не заплачет. Задумают кого с председателей сбросить, – подвергнуть, как у них говорят, остракизму, – упредить невозможно. Интриганы, комбинаторы! У актеров ходы известны – просчитать можно. А у этих - доморощенные, свои! Но я до сих пор вот на месте сижу, а чем беру? Во-первых, команда теперь у нас, остальные – не гуди. Во-вторых, слабы ребятки на это дело... Ну и на стыке, понимаешь, беру, когда тактика у них переходит в стратегию, или, наоборот, стратегия – в тактику, тут у них четкости нет, тут я их и ловлю, на размытости критериев. И в кастрюлю, и в суп, как раков. Тоже ведь, в сущности, дети...

Кто-то ломится в дверь.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*вставая поспешно*). Вы кого-нибудь жде-

те? Да?.. Ну, хорошо, Лир Григорич. Зайду попозже. Или, может быть, завтра? Ну, хорошо, хорошо. Спокойной ночи. До завтра.

Уходит. Ртищев рассматривает бутылку на свет. Бормочет: «Заграница. Клик. Коньяк «Наполеон»... Интересно, а есть клир - коньяк «Распутин»? Убирает с глаз долой.

Стук повторяется, и в дверь вваливается Рюма. Вытаскивает из-за паху бутылку, бухает на стол.

РЮМА. Волка. Во, «Русская»! Ну что, сейчас будем пить или сам потом, инди... инди-вицли... дуально?

РТИЩЕВ (*наливая «Наполеон»*). Видал, как живу?!

РЮМА (*живо*). Самогон? У нас в городе в таких флаконах чимергез... Интересно, а в Москве как у вас?

РТИЩЕВ. Чего в Москве? В Москве тоже люди живут.

РЮМА (*жалуясь*). Сами пьют каждый день. Ведрами. А меня ругают... Сабсцкий этот с хоккейной фамилией, тоже в команде. А я как выпью, обязательно во что-нибудь влипну. Вот на днях идет зам. Головы района, работал когдато в райкоме, я и спрашиваю его: и куда ж ты, Антоныч, партбилет дел? – А ты, говорит, куда? – А я, говорю, закопал на всякий пожарный. А пошли с тобой выпьем. – А он мне: да пошел ты! – Ну я ему яблоком в глаз, в глазное яблоко. Захарыч меня потом выручал, полкило бумаги извел, диск скрутил телефонный...

Ему, понимаешь ли, выгодно это дело.

РТИЩЕВ (*вяло*). Что выгодно?

РЮМА. Ну, алика, алкаша в коллективе иметь. Громоотвод! А я им подырываю. А они за это мне плотют. Сами пьют, кутят – гуляют с привлечением женского пола, а на меня списывают. И где только денег берут? Овес нынче дорог... Но у меня к Петурхо-Петуршацкому двойственное чувство. Сел, правда, Захарыч на шею, однако хоть крохи швыряет нам от себя. А от Батманова, бывало, и этого не дождешься... Уффф, паразиты!.. Глотки луженыс... твердые, как стекло безразмерное...

Рюма скрипит зубами.

РТИЦЕВ (*сочувственно*). Не рыпи! Доведешь себя до психушки. Хочешь, скажу, как стресс снимается? Повесь в туалете портрет Петуршацко-Петуршацкого, сядь на толчок и плюй в него, сколько влезет. Пока сам в очко не свалишься, понял?

РЮМА (*отсмеявшись*). Веселый ты человек!.. Ну, я пошел, Григорич! Как соскучишься, так звони, я моментом!.. Петуршацкий этот снаружи такой, крепкий вроде. А изнутри черный весь, кукловод. Скоро и по лицу проступят пятна. Вот тогда поглядишь... Да! Книжка моя «Стручок синхрофазотрона» есть в библиотеке, можешь взять почитать.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Тот же номер в гостинице. Ртицев. Требовательный стук в дверь. Заявляются Бранников и Батманов. Ставят на стол по бутылке.

РТИЦЕВ (*войдя во вкус*). А как насчет книжечек? Вы, кажется, тоже авторы?

ОБА (*спохватившись*). Ах да!

Вытаскивают из кармана по книжке.

РТИЦЕВ. Итак, с чем пожаловали, друзья?

БАТМАНОВ. Да вот проходили мимо. Дай, думаем, заглянем на огонек. По своему опыту знаем, как невыносимы вечера в чужом городе, в командировке.

РТИЦЕВ (*молниеносно в сторону Бранникова*). Это вы, кажется, приняли бывшего Голову в стены Литфонда?

БРАННИКОВ (*также молниеносно*). Это Захар Захарыч – член Правления.

РТИЦЕВ. Ну да, у нас всегда так: крайнего сыскать невозможно.

БАТМАНОВ. Слушайте! Может, нам взять да и принять вас, Лир Григорич? А что? Петуршацкому, значит, можно, а нам, значит, нельзя?

БРАННИКОВ. Это идея! Это нам раз плюнуть!

РТИЩЕВ (*в изумлении*). Да вы что! Не смешите! Я ж арти... мы же артисты – художники – виртуозы своего дела (*смеется*). Нет, серьезно! Вы как банки, которые вроде как из воздуха делают деньги. Хоп! – и вдруг член Литфонда, как вам это нравится?

ОБА сразу. А что ж тут такого? У вас, небось, тоже есть сборник стихов, хранимых у сердца. А у кого их нет? Их пишут тайно, собирают всю жизнь и вдруг вытаскивают на свет божий. Ну да! Опубликуем и примем в Литфонд.

РТИЩЕВ. Это серьезно?

БРАННИКОВ (*грубовато, с подковыркой*). Вон Батманов! Когда был председателем, даже билет члена кооператива выписал Петурхо-Петуршацкому. А был ли мальчик? Это когда Петуршацкий только-только приехал в наш город... Он не имеет права быть председателем, потому что никогда, нигде, ни в каком другом городе его просто-напросто не принимали в члены кооператива. Зато потом, будучи главрежем театра, Петуршацкий вставлял, кажется, ваши стишки, Батманов, в свои дрянные спектакли, не с па – не так ли?

БАТМАНОВ (*бросая на Бранникова недоуменный взгляд*). Да ты что – с цепи сорвался? В самом деле, билет был утерян... Нет, ты не Виктор Хара, ты – Виктор Хара. Всю жизнь торгуешь собой, своими возможностями. Разоблачил – кусок бросили, покаялся – опять заплатили, вот так. Но, милый, не зарабатывай на мне, своем благодетеле (*обращаясь к Ртищеву*). В самом деле, если вы нормальный человек, у нас же должны быть стихи...

Крики в коридоре, голос Рюмы: «Пропустите меня, пропустите!»

БАТМАНОВ (*вполголоса*). Сволочь, Рюма этот, опять пализился.

РТИЩЕВ (*не обращая внимания*). А вот! Хотите? Ну хотя бы вот это... Если что – извините, в голове перепуталось: что мое, что чужое. Вот такие стихи. Называются «Орел».

Его зачаровала вышина

И властно превратила сердце в солнце.

И он летел три ночи и три дня

И умер, задохнувшись от блаженства.

Он умер, да! Но он не мог упасть,

Войдя в круги планетного движенья.

Бездонная внизу зияла пасть,

Но были слабы силы притяженья.

Лучами был пронизан небосвод,

Божественно-холодными лучами.

Не зная тленья, он летел вперед,

Смотрел на звезды мертвыми очами.

Не раз в бездонность рушились миры,

Не раз труба архангела трубила,

Но не была добычей для игры.

Его великолепная могила.

БРАННИКОВ (*сердито*). Послушайте, Ртищев! Это же не ваши стихи!

РТИЩЕВ (*улыбаясь, иронично*). Действительно, вот те стихи – Гумилева, за которые расстреляли. А вот эти стихи – мои, потому что хорошие. Как будто я их сам написал, так хороши!

БАТМАНОВ (*охлаждая Бранникова*). Успокойся, успокойся, холерик! Вот боевик (*обращаясь к Ртищеву, с лицемерной улыбкой*). Да вы просто артист, так читать! Бранников, ей богу, артист! Пусть и наши стихи читает. Нет, зачем ему зарывать свой талант?

БРАННИКОВ (*вскочив*). Браво, бис!!!

Оба неистово хлопают в ладоши, изобразив аплодисменты.

РТИЩЕВ (*строго*). Неужели я! достоин быть членом? А что ж Аполлончик? И как, ребята, это вам нравится?

Улыбка съезжает с Батманова и Бранникова. Уходя, чистый поэт Бранников стягивает незаметно со стола свою тощую книжицу и сует обратно себе в карман.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

В номере тот же Ртищев. Входит, озираясь, Сабецкий.

РТИЩЕВ (*ободряюще*). Кого я вижу, Алексей Петрович! Что в вашем кооперативе председателями ревкомиссий специально выбирают робких таких, не защищенных?

САБЕЦКИЙ (*хорохорясь*). Нет, почему же? Внешность обманчива. Я, Лир Григорич, очень даже, когда надо, принципиальный.

Замечает бутылку на столе.

САБЕЦКИЙ. Кто-то был у вас, да?

Ртищев тут же убирает бутылку. Сабецкий мнется-перемывается, однако вынимает из дипломата и ставит свою – семисотграммовую. Черная бутылка, из-под шампанского. Облегченно вздыхает.

САБЕЦКИЙ (*уже гораздо спокойнее*). Должно быть, Батманов с Браниковым вас уже осчастливили? Только что видел их в холле, Рюму удерживали. сюда не пускали. Хватит, говорят, с тебя. Вволю, небось, настучался.

РТИЩЕВ (*улыбаясь слегка, как с Олимпа*). А что - дай, мол, другим постучать, да?

САБЕЦКИЙ (*передвигаясь к нему*). Кому-кому, а уж им-то средства никак нельзя доверять. А они у нас то один, то другой - Уполномоченные Литфонда.

РТИЩЕВ. Почему?

САБЕЦКИЙ. А потому что в одной команде с Петурхо-Петуршацким. Он вроде им доверяет, а вернее, вынужден доверять, они его к себе как прикопали... А сами только и ждут момента – («мemento мори», с латыни – «смерти eius»), чтобы засесть снова в креслице председателя. Хотя их и это устраивает: пусть таскает для них каштаны... Да какая разница! Тот хоть уже пограбил, а эти со свежими силами.

Улавливает настроение Ртищева, приспособливается к нему.

САБЕЦКИЙ (*продолжая*). «Мemento мори», «мemento мори»! Ну и пойте, отпевайте себя! Используйте кооператив для своих погребальных песен.

Даже страшно становится, кажется, вот-вот схватится кто-то за автомат! Отчего такая бескомпромиссность – от бездарности, неумения строить жизнь?

Встает, начинает расхаживать.

САБЕЦКИЙ. Что я делаю, куда несет меня, все выбалтываю, все сокровения! Намолчался, наверно... Да у них, если по правде, у каждого рыло в пуху. Послушать хотя бы Петуршацкого, так нет на земле честнее его человека. А ведь чревоугодник! Помните Нюрнбергский процесс? Геринга охраняли американцы. Так этот разожравшийся боров молил-умолял, просто визжал перед охранником, чтобы тот дал ему лишний кусочек, зачем?... Там наверху помощь оформляют, тут списывают...

РТИЩЕВ (*сердясь*). Зачем вы все это мне говорите? Вы – ревкомиссия.

САБЕЦКИЙ. От бессилия. Господи, да пусть берут, пусть кладут в свои швейцарские банки! Моя позиция принципиальная: у меня на мокрое дело просто здоровья нет. Не могу же я, как Петурхо-Петуршацкий, дверного скрипа бояться, вздрагивать каждый раз, трястись, как студень.

РТИЩЕВ (*морщась, словно от зубной боли*). Послушайте, Сабецкий. А не подтереть ли вам еще разок – первую и третью буквы своей фамилии: на «г» и «д»? И вообще еще что-нибудь подтереть? Зачем мне все это? (*развязнее уже*). Хочешь, я тебе анекдотец расскажу? Вот, скажем, такой диалог двух друзей (*Рассказывая с мимикой, жестикуляцией*). «Ты, что нос, повесил, старина? – Черт бы побрал этих друзей! Знаешь, какую они сыграли со мной идиотскую штуку: положили в карман дамские трусики. – И что, их обнаружила твоя жена? – Какое там! Моя любовница. – Ну, это не так уж страшно. – Н-да? Сразу видно, что ни черта в этом не понимаешь. Любовница тут же позвонила моей жене и все рассказала».

САБЕЦКИЙ (*вяло смеясь*). Сам сочинил?

РТИЩЕВ. Нет, мы сами не пишем, редко кто из нас пишет. Больше чужое читаем, авторское... Я еще в Одесской опере пел когда-то по молодости. На концерт прямо в цехе, на заводе одном, напарница моя не пришла, заболела. Так я что, по-твоему, сделал? Весь дуэт спел сначала за Лизу, потом за Полину.

«Уж полночь близится, Сабецкого все нет»... А бутылочку мы приберем, бутылочку твою начинать сегодня не будем, нам и других хватит. А то вы тут меня спойте окончательно, мы с тобой в другой разик, у нас еще много дней будет, если, конечно, я тебе не разонравлюсь.

САБЕЦКИЙ. Как это разонравишься? Классный мужик! Но анекдот твой с бородой, я его, кажется, где-то читал. В «Осколках», что ли?.. Дай-ка я книжку тебе свою подпишу. Говорят, книжка-то ничего, мировая книженция.

РТИЩЕВ. А что же Зарецкий? Тот что?

САБЕЦКИЙ (*машет рукой, смеется*). Дуррак набитый, исключительная способность наживать себе врагов... Сразу стать хочет большим, а кому это нужно? Может, мне, может, тебе, может, самому Петурхо-Петуршацкому, всему коллективу, наконец, самому Астралову? Чтобы большим стать, нужно сначала побыть маленьким – маленьким, вот таким крохотулечкой, во! Чтобы все были больше тебя, выделялись, превозносились.

РТИЩЕВ. Молодец! Далеко пойдешь, если вовремя, как говорится, не остановят.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

В номер к Ртищеву врывается Жеребицев.

РТИЩЕВ (*запросто уже, расковавшись*). Разулся бы, что ли? Ломишься в сапожищах!

Жеребицев пытается разуться.

РТИЩЕВ. Ладно, Азия. Небось, там у тебя онучи вопючи.

ЖЕРЕБИЦЕВ (*смотрит на него уже подозрительно*). Кто тебе это сказал?!

РТИЩЕВ. У Рюмы ширипка нараспапку, у тебя – душа, да... Колбасы принес, водки принес? Нет? Ах, сборник стихов принес, да и тот не свой, небось, а своего любимого поэта Бранникова, так?

ЖЕРЕБИЦЕВ (*глядя в упор*). Ты что, оборзел? Бранников, после Зарецкого конечно, - мой личный враг, я скоро буду с ним на дуэли драться.

«Ах, боже мой, как хочется стреляться

Среди березок средней полосы!»

РТИЩЕВ. Прозаики на дуэли не стреляются, это поэты. «Не разойтись ли нам, пока не обагрилася рука»

ЖЕРЕБИЩЕВ. Слушай сюда! И откуда ты все это знаешь – про прозаиков, про поэтов?

РТИЩЕВ. Интеллектуал же! Что же ты думаешь я тебя первого вижу? Да я на всех юбилеях бываю, на всех презентациях, ведущим на капустниках. У меня же чувство юмора, умение выкручиваться из ситуации, когда иные раскисают, собраться – в нашем деле не последнее качество. Ка-че-ство, понял меня?

Ртищев наливает себе в стакан, отпивает.

РТИЩЕВ (*как бы извиняясь*). Собачий холод, бррр! Превращаюсь в сосульку.

ЖЕРЕБИЩЕВ. Лир Григорич! (*после паузы*) А вашему лучшему другу?

РТИЩЕВ. Тебе нельзя. Тут же пойдешь трепаться по городу – с начальством пил, аж с Представителем, как бывший депутат Самарин – с самим хозяином Белого Дома. Ладно, из жалости разве уж...

Накатывает Жеребищеву стакан, тот жадно пьет.

РТИЩЕВ. А теперь этюд тебе. Ну как будто ты в театральный поступаешь. Возьми и остругай начальство свое, скажем, Петурхо-Петуршацкого, и возвеличь его оппонента, скажем, Зарецкого.

ЖЕРЕБИЩЕВ. Я у Петуха главный оппонент, я! А не этот Зарецкий. Для врага он благороден слишком, интеллигент... Петуху грубый мужик нужен, вроде меня (*смеется*)... Значит, отругать? Отхлестать, значит? Это раз плюнуть. Сейчас. Значит, личность известна. Неясно, за что ругать, каковы мотивы? Допустим, знаем за что! Теперь, чтобы личная была заинтересованность, выгода личная, тогда дело пойдет... Давай так, на контрасте...

РТИЩЕВ. Валяй, давай контрапункт, братец!

ЖЕРЕБИЩЕВ. Значит, так. Сначала Петурхо-Петуршацкий сделал па-

кость Зарецкому. Ну, роман в издательстве остановил. Вот, как я понимаю, их диалог. В лицах, конечно, в лицах. Давайте изображу.

ЗАРЕЦКИЙ. Это вам, Захар, Захарыч, роман мой понравился, предисловие даже писать собирались. А поехали в издательство и тайком зарубили.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Ну и что? А что ж печатать всякое? Не читал и голову свою подставлять не собираюсь. Мне дочку Санечку на ноги ставить, до ума доводить, мне нельзя.

ЗАРЕЦКИЙ. И у меня сын. Но при чем тут роман, так сказать, святое искусство?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Пошел ты!.. Рассказы лучше пиши, коллективу романы твои не нужны.

ЗАРЕЦКИЙ. Неблагодарно! Бесчестно! Ухожу в оппозицию!

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Уходи, уходи, ха-ха-ха!

ЖЕРЕБИЦЕВ (*вздохая*). Вот так примерно и было. А и теперь председатель мою рукопись попробовал остановить. Но, во-первых, я сам лично съездил в издательство, на лапу дал кое-кому. Во-вторых, подыскал троих волкодав, пошпил их, отхватили Петуха на улице. И вот так, разговор в одну сторону. Петух то краснел, то бледнел, даже не кукарекал:

«Ты в издательстве наследил? Забери, сволочь, бумагу свою паршивую! Видел мужиков? Знаешь, что у них в кармане? Слышал про прекрасный город Калугу, про редактора ихней газеты? Сам не знаешь – людей спроси, скажут».

ЖЕРЕБИЦЕВ. И вот факт налицо! Вот она, дарю тебе эту книжицу. А у Зарецкого его гениальный роман до сих пор плавает.

Жеребицев прислушивается, прикидывается, оглядывает улы.

ЖЕРЕБИЦЕВ. Батманов с Брашниковым были тут! Зачем сволочь всякую принимаешь? Так оставляем этого председателя, а то, может, быть, скончим? Га-га-га...

С сатанинским хохотом Жеребицев уходит. Хохот долго вылетает по углам и оборотам долгого извилистого коридора.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Жеребищев возвращается с женщинами – это Ванькина – Банькина.

ЖЕРЕБИЩЕВ (*Ртищеву*). Вот привел кого! Гляжу в холле крутятся, а к тебе сюда вроде стесняются... Налей, Григорич, и им, развязнее будут.

Жеребищев уходит, Банькина включает принесенный с собой магнитофон.

«... Но не было добычей для игры

Его великолепная могила», -

докручивается пленка с голосом Ртищева.

РТИЩЕВ (*заметно волнуясь*). К-ккак она сюда к-к вам п-попала?

БАНТКИНА. Кто?

РТИЩЕВ. Пленка!

БАНЬКИНА. У Батманова диктофон «Панасоник», японский.

ВАНЬКИНА-БАНЬКИНА (*простодушно*). А у нас вот «Весна», отечественное производство.

РТИЩЕВ (*смягчаясь*). Да у вас, розы вы мои, всегда весна. Вы всегда для меня букет... Пусть вечер этот будет только для нас!

Выставляет принесенные всеми за вечер бутылки.

БАНЬКИНА. Ой, «К-700» - семисотграммовая! Жеребищева, что ли, любимица?

РТИЩЕВ (*доставая из чемодана*). А, гулять так гулять! Это тоже коньяк, мой собственный. – «Ртищев»! Не французского разливу, бывшего нашего великого отечества, а ныне СНГ.

Банькина снова включает магнитофон.

«Пока – пока – покачивая

Перьями на шляпах,

Судьбе не раз скажу:

«Мерси боку, мерси боку-у-у»...

БАНЬКИНА (*прислонясь к плечу Ртищева*). Лир Григорич, спойте что-нибудь, заветненькое. У вас, наверно, получится.

РТИЩЕВ. Почему?

БАНЬКИНА. Не знаю.

Ртищев снимает гитару со стены, делает несколько аккордов, например, романса «Ночь светла».

ВАНЬКИНА-БАНЬКИНА (*восторженно*). Вы что – реалист?

РТИЩЕВ (*внутренне улыбаясь*). Ну что вы! Вот брат у меня – это да, артист!

ОБЕ (*сразу к нему*). А как зовут вашего брата?

РТИЩЕВ (*грустновато*). Как зовут его? Карузо. А может быть, Принцев.

ВАНЬКИНА. Как главного режиссера театра «Глобус»?

БАНЬКИНА. Фамилия почему-то не ваша у брата, другая.

РТИЩЕВ. Так сводный брат-то. Брат Филя, узнаешь брата Лира?.. Ну и как они, члены вашего кооператива, на руках вас, девочки, носят? Частенько, небось, поносят?

БАНЬКИНА. Бывает. Для нас это праздник. От плиты, от стирки, от прозы жизни – так иногда хочется закружиться и... сказать, черт побери все! Кажется, при нас ребята стараются и ходить, не косолапя, слова подбирают полегче.

ВАНЬКИНА. А Рюма вчера в рубахе чистой явился.

БАНЬКИНА. Это я ему выстирала, он же у нас холостяк. Все ему перестирала. Даже гардины на окнах. Они же, ребята наши, в сущности одиноки. Жены их не понимают, люди тоже...

РТИЩЕВ (*вспыхнув*). Хорошо мне тут с вами, девочки! Как с вами тут мне сейчас хорошо! Что день грядущий мне готовит?.. Иххх! (*тряхнув головой*) Частица черта в нас заключена подчас!...

И срывается в танец, в пляс - перепляс. Все смеются, хохочут, поют. С тем, полубоявив, он и провожает гостей до двери. Ванькина-Банькина уходят, оставив по книжечке.

РТИЩЕВ (*улыбаясь в окно*). Нет, до чего ж площадь центральна, глав-

ная! Но – без мавзолея. Зато с театром «Глобус» Вепринцева, с цирком где-то там Петурхо-Петуршацкого. С призраками эпох...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Зал Дома кооператива литераторов «Тургеневский бережок». Часы бьют полночь. При сумрачном свете на столе лежит чья-то голова, прямо в тарелке. Это сам председатель кооператива Захар Захарыч Петурхо-Петуршацкий. Перед ним стопка бумаг, документы. Вместе с последним ударом часов раздается крик молодого петуха. Петурхо-Петуршацкий встряхивается, тупо смотрит в пространство. Из двери слышен голос сторожа Вавы Судницына.

- Судный день, судный день!.. А Талант опять прошел мимо!..

На стене – портреты классиков. Портреты уходят в темень, выдвигается тень человека в белом. И почти современник, и призрак уже.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*пяясь*). Это вы, Андрей Вадимыч? Вы, отец родной – основатель нашего кооператива?!

ПРИЗРАК. Тревожно мне что-то, плохо. Плювиоз – дождь холодный, осенний, как слезы людские. Проникает сквозь крышку гроба, и духу неймется.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*шепотом*). Отчего же?

ПРИЗРАК. Талант проходит мимо, а бюрократия растет. И где роман века? А ведь цикл завершается, на сходе целое тысячелетие... Почему не горит свеча у Мемориальной Доски?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Господи, опять вы? Как белая горячка, черный камень в душе. Я не виноват, не виноват, не виноват! Мне недоступны, Андрей Вадимыч, ваши святые заветы. Зачем я вру – себе, людям, времени? В белом экстазе дело имеем с богами, а тиражируем, множимся теми, чья единственная способность – быть в команде, ходить в упряжке, в узде.

Господи! Да возможно ли сотворить что-то доброе в этом несчастном «оазисе»? Ломаются догмы, стереотипы, Россия шатнулась! Целый материк, континент целый Азии и Европы, где в массе все мы таковы: я твой конь, запрягай меня, только лишь накорми. Прорубим «окно в Европу», а оно зарастает, прорубим – ояпять зарастает. Сейчас вот ояпять прорубаем...

Когда начинали вы, отцы-основатели, в кооперативе было вроде бы хорошо. Мы были сжаты в кулак. Сейчас из яблока в кулаке выжимается сок... Пегас в небо стремится, да грехи не пускают. Верхам – служи, низы – давят. Прагматики ведут тебя на буксире. Путь святой Руси всегда пролагал юродивый или святой, словом, человек с интуицией... Портреты эти, как тени предков. едят глазами! Эпоха ломит...

Петурхо-Петуришацкий включает электрический свет.

ОН же (*облегченно вздыхая*). Все просто: нельзя надолго оставаться во тьме. Пойти бросить петушку зернца, - петух мой, ангел-хранитель. В год Петуха все у меня должно быть хорошо. Рыба гниет с головы... Забодал комар, засла рефлексия, но нашему брату чиновнику в дебри нельзя. С другой стороны, ты ведь человек и жаждешь успеха. В итоге, используя место, оттираешь того, кто тоже ведь специалист... И этот Зарецкий – зело, зело крепок орешек...

А Ртищев – высокий гость из Москвы, кто он? Чиновник из высших сфер, а читает стихи Жеребищеву, Ванькиной-Банькиной, даже пост. И всем ланшу на уши вешает... И слово у него такие знаковое, знакомос, привычное – «эпоха»!...

И ояпять в коридоре кричит молодой петух.

ПЕТУРХО-ПЕТУРИШАЦКИЙ. Ну вот и дожили. Досиделись. До третьих, кажется, петухов.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Тот же зал в Доме кооператива. Тот же дубовый стол с закругленными углами – большой «рыцарский» стол. В головище его – Петурхо-Петуришацкий Захар Захарыч, Шевелюркин Тим Тимыч, Сабецкий Алексей Петрович. Все в

свободных позах, идет обсуждение ситуации.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*косясь на портреты*). Ну-с, каковы впечатления от визитера? Только начистоту, откровенно.

ШЕВЕЛЮРКИН. Что не от самого Президента, то факт. А вот не подослан ли он, этот Ртищев, Налоговой полицией, чтобы издательство наше проверить? С КРУ мы нашли общий язык, а Налоговая полиция – новая метла, черте чего наметет.

САБЕЦКИЙ. У голодной куме одно на уме.

ШЕВЕЛЮРКИН (*обидчиво*). Уж кто бы квакал, серый кардинал! Все прибедняешься. Да все у тебя – лазарет, здоровьишко утлое. А первым бежишь в ведомости расписываться. А откуда оно что берется-то, знаешь?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*утирая испарину*). От коллектива что в данное время требуется? Что мы можем предложить коллективу?

САБЕЦКИЙ. Что дадим, то и съедят.

ШЕВЕЛЮРКИН. Ух, какой ты хороший!

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Денег мы им уж давали, чего еще надо? Ну, предлагайте же, предлагайте!

САБЕЦКИЙ. Автобус нанять, свозить в Ясную Поляну.

ШЕВЕЛЮРКИН. Им эти места твои литературные до фени! В Киев направить автобус, меркантильные интересы надо учитывать.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*рассмеявшись*). В Киев? Ха-ха-ха... Ты что, Тим Тимыч! В летаргическом сне? Да кто же сейчас в Киев-то ездит. Теперь они сами к нам сюда, в рублевую зону.

ОБА сразу. Ну так что тогда?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*подходит и поворачивает один из портретов к стене*). Думайте, варите котелки! Для чего тогда и собрались на этот тайный совет? Парализованы, не хватает фантазии? Во-первых, отправить членов кооператива в народ. Пусть по спонсорам с шапкой пошаркают. Нечего тунеядствовать, в рот мне заглядывать. Что я выбью им там наверху, в Большом театре, тем и живы, пролетариат.

Сабецкий, реагируй, не до жиру, мух не лови. Во-вторых, со Ртищевым надо дело довести до конца. Этот дьявол всех девок нам перепортит, биографию испохабит. Заметили, какой нос у него – как у чайника. Со свистком. Фигь-фигь-фить. так и свистит-высвистывает, нюхает-принюхивается... Так вот. смотреть за ним, по очереди – ухо остро...

САБЕЦКИЙ (*реагируя*). Стихи Гумилева читал, а выдавал за свои.

ШЕВЕЛЮРКИН. Сам-то ты, Алеша, каков! Издаю твою книжку, а душа не лежит. Мысль неотступна: у кого каких ты, Алеша, каденций понатаскал?

Сильный стук в дверь. Вваливается Жеребицев.

ЖЕРЕБИЦЕВ (*радостно*). А-га-га-га-га! Вот вы где – мафия собралась, «коза ностра»! Спелись тут, прогнили! Все планы свои вынашиваете? Бюро законное отстранено, с «серыми кардиналами», Захарыч, шашни водишь?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Язык-то у тебя всегда наперед мыслей летит. Заведет он в яму тебя – не вылезешь. И я руки тебе не подам. Восстанавливаться до-олго придется.

ЖЕРЕБИЦЕВ (*сбавляя обороты*). Знаю, знаю, Захарыч, еще и подтолкнешь. Сапожищем. Скольких людей втихаря закопал, культ личности, гробокопатель!

ШЕВЕЛЮРКИН. Типун тебе на язык. Знай хоть, что мелешь! Свежий человек послушает тебя, что подумает? А ведь Захарыч – отец нам родной. Проживетесь, пропьетесь – куда занимать летите?

ЖЕРЕБИЦЕВ. У меня своих червонцев по горло! Мусор. Сорю. Сам печатаю – сам трачу. Слыхали, фальшивые купюры тысячные в городе появились – моя работка! Лично фабрикую!

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Окоротись, придержи язык, дурачок! Вот сидим втроем и прикидываем, как народ наш честно подкормить, членов кооператива...

ЖЕРЕБИЦЕВ. И себе схватить заодно пару «лимончиков»?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*не обращая внимания*)... и такое диво Ртищеву выдать, чтобы увез с собой в Москву о нас впечатление.

ЖЕРЕБИЩЕВ. Есть предложение – нет возражения. Взятку дать ему – мильенчика полтора, га-га, старыми деньгами.

ШЕВЕЛЮРКИН. Жизнерадостный идиот! Сам иди и садись в тюрьму, добровольно.

ЖЕРЕБИЩЕВ. Знаю, знаю, чем все это кончите. Соус разный, а шашлык тот же самый. Старые деньги кому нужны – давай новые.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*неожиданно вскакивая*). Эврика! Дата такая, историческая – 25-летие кооператива! Отметим достойно! Времени в обрез, но успеем. Подымаем город, средства массовой информации – послезавтра празднуем! На таком уровне и проводим высокого гостя... Сей же момент собираем расширенное, принимаем решение (*наклоняется к Шевелюркину*). Одно, правда, вызывает сомнение. Попробуем провести расследование собственными средствами.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Тот же зал. Тот же стол. Идет расширенное заседание бюро кооператива.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*вставая во весь рост перед всеми*). Видите, сколько нас здесь сегодня, за этим столом? Наш отец – основатель Тульчаков создал это уникальное сооружение с закруглениями, стол-полуoval. Чтобы и у нас тут, «рыцарей», поменьше было острых углов. Предлагаю расширенное бюро преобразовать в собрание, давно уже не проводили.

ЖЕРЕБИЩЕВ (*язвительно*). А как же без Зарецкого? Ведь у нас его заявление с просьбой рассмотреть вопрос на собрании.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*не обращая внимания*). Кто «за»? Кто «против»? Так, не проходит... Ну, хорошо. Проводим, значит, расширенное. Зыкина, веди протокол (*откашлившись, деревянным голосом*). Итак, на повестке – текущий момент...

РЕПЛИКИ С МЕСТ. Шапку литературную, шапку!!

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*недовольный, обращаясь к Мухомову*).

Вам слово, Прокл Моисеевич! Передаю бразды, рисуйте картину.

МУХОБОЕВ, он же и ПРИСЯГАЕВ, магистр наук (*закатывая глаза, как перед студентами*). Э-э, в прошлый раз мне, к сожалению, не удалось до конца высветить свою мысль, попробуем сделать это сейчас... Итак, если у просветителей приоритетным является разум, то у романтиков на всем лежит печать личности, влияние ее на природу вещей, на людей, Космос. Слиться с Космосом, по словам великого Блока, - это «разумное очеловечить». Последний из романтиков – Аполлон Григорьев...

РЮМА (*отхлебывая из бутылки*). Аполлончик наш из романтиков? Вот не знал-то. А в кооператив почему не принимаем? А? Я давал ему рекомендацию.

Петурхо-Петрушацкий грозит ему пальцем.

МУХОБОЕВ (*продолжая, как с кафедры*). Второй момент – становление. Вечное движение, бесконечность. Отсюда – миф, фантастика, сновидения, призраки...

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*вздвигнув*). Призраки?

МУХОБОЕВ (*настаивая*). Да, призраки! Яркая образность, иррационализм, выражаемый даже не в аллегориях, а скорее, символами. Засилие разума вызывает раскрепощенность чувств, когда лишь миф, лишь легенда способны охватить мир. Сменены просветительские идеалы, всесильный разум заменен интуицией, что рождает у романтиков, как видите, катаклизмы фантастики и утопизма. И это закон всеобщий для всех: для французов, для англичан, россиян...

РЮМА (*перебивая*). Ну нет. Прокл Моисеевич! Только не для нас! Закон у нас зацепился за кол. А Денис на колу повис.

МУХОБОЕВ (*живо*). Да, Рюма! Для таких, как ты, законы не писаны.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*поднимаясь*). Ну, хватит, Прокл Моисеевич! Достаточно. Просвещение, конечно, - великая вещь, но пора и о Рюме подумать... Позвольте сказать, что в сумятице дней мы великие вехи забываем. А ведь нам уже двадцать пять.

Три буха сидят, как воды в рот набрали, свидетели эпохи (Кармен-Зыкина – мадам Икс).

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Зыкина! Она тут с первого дня. Пришла сюда еще юной. Вот она и оживит, даст характеристики и предложения.

ЗЫКИНА (*с дрожью в голосе*). Мы были тогда молодыми... канарейками... Когда? Послезавтра. И я предлагаю.. успеем...

РЮМА (*перебив*). Какими канарейками?

ЗЫКИНА. В желтеньком платьице, выше колена.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*подхватывая*). Но больше полена. Кто «за»?

В дверях появляется Отроковица – жена Жеребищева.

ОТРОКОВИЦА. А, вот ты где, негодяй! И ключ унес, и дети некормлены. А ну, марш домой! (*оборачиваясь ко всем*). Расселся тут, а то дома и гвоздя не забудет. Я ему и баба, и мужик (*замечает Рюму, тут же вскипает*). Они заседают, вот деятели! Алкаши несчастные, больше не приходите, на порог не пушу!!.

Жеребищев пытается ее урезонить, она вырывается из его рук.

ОТРОКОВИЦА (*продолжая*)...разбрехался тут с ними, когда хоть остановишься! Деньги он дома печатает, да он домой уже как с полгода ни рубля вашего не принес. Иди, иди, домой, хамаидол! Иди!

Жеребищев уводит. Мертвая тишина.

РЮМА (*подавая голос*). Не баба – зверь, она теперь... вершит делами революции культурной...

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*с грустной иронией*). Кабы ты, Рюма, по дворам меньше шастал, вулканы так вот бы не извергались.

РЮМА (*махнув рукой*). А-а! Вот вам (*показывая дулю*) «Последний день Помпеи».

Петурхо-Петуришацкий проходит к стене, переворачивает лицом к зрителю портрет: надо же, опять-таки это Гоголь. Так и тянет его сюда, в это общество, в Дом на откосе.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Все те же портреты снова лицом к зрителю. Петурхо-Петуршацкий вливается глазами в стену. Свет выхватывает из тьмы то Тургенева, то Пушкина, лишь бы не Гоголя.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*боднув головой*). «И мальчики кровавые в глазах».

МУХОБОЕВ, он же ПРИСЯГАЕВ (*склонясь к нему с беспокойством*).
Какие мальчики?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Кровавые.

ПРИСЯГАЕВ (*наклонясь в Бранникову и Батманову*). Отведите, ребята, Петуршацкого в его кабинет. И на диванчик, пусть полежит, очажнет... Ну те-с, батеньки-матеньки, так! Вопросы, связанные с 25-летием режима, решим, я думаю, в рабочем порядке. А вот давайте обменяемся мнениями по поводу... по поводу этих двух дней, когда мы контактировали с гостем, э, из Москвы. Нам нужно иметь материал, чтобы, в случае чего, себя защитить, вынести для этого что? Пррравильна, ре-зо-люцию!

РЮМА (*снова отхлебнув из бутылки*). Резолюция, революция, эволюция... И чем креслице тебе мазано? А членский билет на чердак закинул, небось...

ПРИСЯГАЕВ (*обиженно*). Я – безбилетный член кооператива. Нет, это я раньше так говорил... Я вообще человек беспардонный, никогда нигде не состоял. Это я так говорю теперь, человек кристаллический.

ЖЕРЕБИЩЕВ (*с саркастическим смехом*). Кто с партбилетами – грушу трясли, а без партбилетов – внизу собирали.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*возвращаясь и беря снова бразды в свои руки*). Друзья мои, дорогие друзья! Мы же организация деполитизированная, без стереотипов, чего нам делить? Давайте просто, без дураков.

РЮМА (*бурча под нос себе*). От деятили! Знаем мы вас!.. При тебе, Захарыч, хоть крошки с твоего стола, а при Батманове, бывало, ни себе, ни людям. Зарецкий, правда, не успел себя показать, однако этот – «Дом на крови»,

его рук дело. А мы его в шею, в шею, Зарецкого-то...

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*нетерпеливо*). Итак, вернемся к нашим баранам... К каким, говорите? К баранам, говорю, к нашим, к чему, к чему? Ну, к баранам, к баранам! Ну выражение есть такое, при чем тут вы? Не оскорбляю, а вы сами не оскорбляйтесь... Ну не к нашим тогда – к брянским волкам, курским соловьям, куда подальше – к алтайским, кто там, козлам-архарам... Так вот, ваши впечатления о Ртищеве, о цели его визита?

РЮМА. Чтобы тебя, Захарыч, если не свергнуть, то хотя бы трон твой шатнуть. Я так думаю.

САБЕЦКИЙ. Наоборот, он может с людьми снюхаться. Тебя, Петух, поддержать. Классный мужик!

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*Ванькиной-Банькиной*). Ну, а вы что скажете, розы?

ВАНЬКИНА. Банькина в него втюрилась. Океан бы с ним, говорит, переплыла.

БАНЬКИНА. И Ванькина захотела бы переплыть, да плавать не может, молодая еще, не научилась.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*вкрадчиво*). Ну, а странного чего-нибудь необыкновенного ничего такого за ним не заметили? Может, черточку какую, детальку, червоточинку? Где-нибудь проговорился, словечко какое-нибудь выронил? Ну вот слово такое у него «эпоха». Где-то я его раньше слышал, в спектакле каком-то вроде как ключевое?!

МУХОБОЕВ-ПРИСЯГАЕВ (*несколько обиженный*). А что в нем ключевого-то, слово обнакновенное.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. А то необыкновенно, что из другого пласта, одно время в театре у нас было в ходу... Ну это я так, к слову. У нас «перлы» так до сих пор и вылетают. Жемчуга! Дialeктизмы, называются.

ЖЕРЕБИЦЕВ (*врываясь в дверь и сходу*). Да я сроду в театре не был, а «диалект» мне сказать – как два пальца обласкать.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. С неба, что ли, свалился? Тебя ведь жена

увела.

ЖЕРЕБИЩЕВ (*нараспев*). А жену увел поручик молодой, ха-ха-ха. Мы диалектику учили не по Гоголю. Так я тебе и пошел домой, гвозди в гроб забивать.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Кому?

ЖЕРЕБИЩЕВ. Поросенку.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Чепуха какая-то, чушь!

ЖЕРЕБИЩЕВ. Вот и я говорю жене, иди, мол, сама и ешь свою охотничью колбасу. Если ты на все руки... и вернулся сюда к вам, ребята, к вашему расположению.

РЮМА (*мотнув перед ним большой темной бутылкой*). Садись со мной, друг мой! Во, «К-700»!

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Принимается резолюция: одобрить действия бюро во главе с председателем...

ЖЕРЕБИЩЕВ. Валяй.

РЮМА. Далеко смотрит! Еще полгода до выборов, а уже одобряем-с кукарекаем.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Тот же зал в Доме кооператива. Стулья вокруг большого «рыцарского» стола стоят как зря, бессистемно. Свободным, прогулочным шагом входит Ртищев, вместе с ним Зарецкий – писатель в оппозиции.

Свеча у Мемориальной Доски не горит – Зарецкий зажигает ее. Лицом перевернут к стене один из портретов. Ртищев поворачивает его снова к зрителю – опять этот Гоголь!

ЗАРЕЦКИЙ. Гоголь им не нравится. Все бы к стене ликом его, все бы к стене.

РТИЩЕВ. Кому не нравится?

ЗАРЕЦКИЙ. Кому же еще? Петурхо-Петуршацкому.

Сторож Вава Судницын, появляясь в дверях, издали кланяется Зарецко-

му.

ЗАРЕЦКИЙ. Не выгнали еще, трудишься?

ВАВА СУДНИЦЫН (*показывая на Петурхо-Петрушацкого*). Судный день все сулю ему, Судный день.

Раздается крик молодого петуха.

ЗАРЕЦКИЙ (*смеясь*). А это что, птицеферма?

ВАВА СУДНИЦЫН. Чудит председатель. Пока, говорит, петух тут со мной, говорит, ничего не случится.

Зарецкий и Ртищев смеются. Часы бьют три раза. Зарецкий открывает футляр больших напольных часов, переводит стрелку на час назад.

ЗАРЕЦКИЙ (*поясняя*). Отстают! Согласно указу. Все вперед уже перевели.

В коридоре шум, движение, голос сторожа Вавы Судницына: «Уходите! Опосля!»

РТИЩЕВ. Кто там?

ВАВА СУДНИЦЫН. Да читатели ломаются! Хотят вас, Лир Григорич, видеть!

РТИЩЕВ. Ну и пусть входят.

Вваливаются люди. С книжкой наотлет выдвигается вперед седой, грузный мужчина.

ЭТОГ МУЖЧИНА. Нет, я не писатель, я просто читатель. Без чинов. Крокодил Гена.

РТИЩЕВ (*озадаченно*). Как Крокодил?

ЗАРЕЦКИЙ. Как Крокодил?

КРОКОДИЛ ГЕНА. Это дети меня так зовут. А это вот книжка Елены Благиной.

РТИЩЕВ. Ну вот, Благиной. А я только свои подписываю.

КРОКОДИЛ ГЕНА. Так ваших нет нигде.

РТИЩЕВ (*с улыбкой*). Плохо искали. Через сто лет найдут, но уже под чужой фамилией... Так что у вас там ко мне?

Читатели хихикают, стоят-переминаются. Наконец, собираются с духом и все «Дерет шкуру, подлец! Берет все подряд. Не только мелочь всякую, но уже и по крупному... А управы нет, жалиться некому, Петурхо-Петрушацкий покрывает»...

РТИЩЕВ. Так! Не сразу все, по порядку. Вот ты! Какие претензии и к кому?

ПЕРВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ. Да к Бранникову, руководителю студии. Не к Гордничему же, как у Гоголя. Все, подлец, ташит, ничем не гребует. Не только из книжек, но и у нас дергает строчку по строчке. Как солому бывало, на крыше, в сарае, цельный том себе натаскал.

РТИЩЕВ. Ну, а ты что скажешь, аббревиатура?

ВТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ. И мою частушку присвоил! Самую лучшую. Я записал ее от ухажорки, на «пятак» встретил, а та услышала ее еще от своей бабки. А он ее хоп – и себе в книжку.

РТИЩЕВ. Так, частушку, значит. А у тебя, непарель, что – поэму сперли? Как жена Жеребищева целую тушу, например, с мяскокомбината, из убойного цеха?

ЗАРЕЦКИЙ (*захохотав*). А откуда вы знаете?

РТИЩЕВ. Что же ты думаешь, если я, к примеру, в Москве живу, так мне ничего неизвестно? Вот, видите, воруют, растаскивают интеллектуальную собственность, так, ребята? Так ведь. Гена Крокодил, как фамилия?

КРОКОДИЛ ГЕНА. Баритонов.

РТИЩЕВ. Во! И ведь в басы, небось, собираешься, в Одесскую оперу! Только там, у самого синего моря, могут жить и творить зеленые крокодилы. Там они рождаются, а тут помирают. От тоски зеленой, оттого, что растаскивается все буквально; сегодня стащил строчку, завтра – образ, послезавтра – автовокзал.

ЗАРЕЦКИЙ (*опешив*). Почему именно автовокзал?

РТИЩЕВ. Гротеск! Вокзалы пока что на месте, как влипли. А куда тащат Россию не знаю, чай, не на прародину ль Пушкина, в Эфиопию? Ну, хоро-

шо, хорошо, я скажу этому Бранникову, чтобы каштаны таскал из другой ко-
нюшни, отсюда нельзя.

КРОКОДИЛ ГЕНА. Какое там! У него монополия.

РТИЩЕВ. Вот как! Вы что - конкуренции? Ни врагов, ни чинов, о санта
симплицитас, однако не боги горшки обжигают. Ну и как вы... и что вы... ка-
кова амплитуда... Вопросы не задаю, это ответы....

ГЕНА КРОКОДИЛ *(бух на стол бутылку водки)*. Вот членские взносы.

Следом, как градом по крыше: бух-бух, бух-бух, - и все рукой по столу.

РТИЩЕВ *(схватясь за голову)*. Что за ритмы? Куда я их буду девать?

КРОКОДИЛ ГЕНА. У вас глотка широкая.

РТИЩЕВ. Вы так думаете?

ВСЕ ХОРОМ. Вы – нота высокая, нота бене.

РТИЩЕВ. Тем более, водка к начальству касания не имеет.

Все смеются на это. С тем и уходят.

РТИЩЕВ. Вот паразиты! А закусывать чем? Ямбом или хореем? Даже
автографов своих не оставили.

ЗАРЕЦКИЙ *(иронично)*. Да, жестокие нравы, сударь, в нашем городе.
жестокие! А я за рекой живу, через речку, так моста все нет и нет переходного.
годы уже после войны, а в центре сдирают асфальт и стелят, сдирают и стелят,
и этим все сказано.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

*Тот же зал в Доме кооператива. Ртищев сидит один, в глубокой задум-
чивости, в некоторой тревоге.*

РТИЩЕВ. Пора и честь знать! Сматывать удочки, пока камнями тебя тут
не побили. Как же все это выглядит, скажем, глазами Вепринцева? Достойн я
места в театре «Глобус» или опять же московская биржа, мне всяческие вояжи
«из Чернигова на Воронеж»? Суета сует – все суета, сказано в Экклезиасте. Хо-
тя, собственно, за жизнь человек должен семь раз переехать, перетрясти себя, в
общем сменить обстановку, как змея свою кожу. Эта кожа – шестая....

Вбегает Банькина. Стоит перед Ртищевым – глаза навывкат, опадая телом смотрит снизу ввысь, исподлобья.

БАНЬКИНА (низким, почти мужским голосом). Лир Григорич! Пришла к вам, я без вас не могу.

РТИЩЕВ (тепло, но с долей иронии). Милочка! Ты – роза, ты – молодая и нежная, а я не садовник, я кровельщик. Посмотри, какие ножницы у меня, ими по железу работают. Смотри, я ведь стар уже для тебя, прошел через все, а у тебя все еще впереди.

БАНЬКИНА (глуховато). Все равно. И фамилия у меня какая-то некрасивая. От первого мужа.

РТИЩЕВ. Небось, ходит еще, ходит в шинели. Рискует жизнью где-нибудь в горячей точке ради тебя. А у нас порывы, мы ему сюрпризик один да другой, без этого мы не можем... Прости, но я уже сманивал, увозил, воскрешал. Все это было! И что теперь, кроме пошлого опыта?

БАНЬКИНА (потупясь). Заберите меня отсюда, я буду любить вас всю жизнь.

РТИЩЕВ. Забрать? И куда? В шалаш, в какой-нибудь семиметровый рай без коммунальных услуг? У меня, милочка, и дома-то нет. Я – бродячий артист. Предо мной весь мир, все – и ничего. Мне ничего не стоит подарить тебе какую-нибудь Антарктиду, но я не могу предложить тебе элементарного дома, квартиры с сетевым газом, крыши над головой. За жизнь я не заслужил ничего... Давай же, милочка, просто дружить, просто будем друзьями.

БАНЬКИНА (тяжело вздохнув). Ну хорошо, будем. Первая просьба как друга. Вот я вас сейчас поцелую, а вы меня нет.

Приподнимается на цыпочки, целует. Отстраняется, смотрит на него все так же снизу вверх, исподлобья. Загораясь, Ртищев тянется к ней, она отклоняется.

БАНЬКИНА (закрывая ему губы ладонью). Мы же друзья... Я могу подарить вам планету, целую Антарктиду. Но не могу разрешить поцеловать себя, броситься за вами очертя голову, в неизвестность, у меня же квартира с сете-

вым газом, муж с приличной зарплатой, наконец, сын. А что мне можете предложить вы – бродячий артист, вернее, чиновник из Москвы? Саму Москву – столицу в ее нынешнем состоянии, с ее митингами, беженцами, разгулом преступности, с еще больше, чем у нас, неуверенностью в завтрашнем дне? Смотрите, как москвичи расплозаются из нее, совершают экспансию в близлежащее кольцо вокруг ее горла. За спокойствием, за деньгами, за заказами и, возможно, теперь за признанием. Москва богатая, а садится на слабые возможности глухой, безнадежной провинции... Не надо рук, мсье, обойдемся без рук! Бог мой, всем мужчинам нужно только одно, у всех вас только одно на уме...

РТИЦЕВ (*беря себя в руки*). Действительно, все это пошло. Хотя на банальности возник, длится и, на мой взгляд, длиться будет... я все-таки оптимист... весь этот род человеческий.

БАНЬКИНА (*оживаясь опять*). Как вы все это умеете? Все у вас получается! Вы просто талант, вы должны нести людям счастье. А вы приехали к нам сюда из Москвы, в несчастный наш город, в этот наш кооператив с банальной проверкой. Имеете дело с серостью, с людьми по большей части лживыми, жуликоватыми, а, в конце концов, и глубоко несчастными.

РТИЦЕВ. Будить, делиться биоэнергией – таков мой удел, мадам. И, когда ее нет во мне, я должен ее в себе вырабатывать. Просто обязан, иначе нельзя! Таковы правила игры.

БАНЬКИНА (*загораясь снова, тянется к нему*). Заберите меня отсюда, я верю вам, вы вселяете веру.

РТИЦЕВ (*отстраняясь*). Э, милочка! Вы меня отрезвили. Напомнили, что жизнь быстротечна, а годы неумолимы. И вот вам моя рука! Это рука честного человека. Ею не убивали, не подписывали подметные письма, фальшинвые документы, не загоняли человека в тюрьму. Ею чертили радугу, давая надежду...

Стук в дверь. Вбегает Ванькина.

ВАНЬКИНА. А, вот вы где! Заговорщики (*подбегает к Ртицеву, поднимается на цыпочки, целует в щеку*). И я, Лир Григорич, без вас не могу, и я

вас люблю.

РТИЩЕВ (*замечает за шторой движение*). Где шпага?! Деточкин, дай мне свою шпагу!

ВАНЬКИНА. Вам шпагу? Зачем??

РТИЩЕВ. Я проткну сейчас эту портьеру! о червь несчастный... отец Офелии, выходи, негодяй, из своих средних веков, заколю!

Дверь за шторой. Из-за шторы появляется Швелюркин Тим Тимыч. Все смеются. В отдалении за дверью перебегает в свете электролампочки внушительная фигура Петурхо-Петуришацкого.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Дом кооператива литераторов «Тургеневский бережок». Зал при параде, стол накрыт. Все с нетерпением ждут Астралова – Голову города. На стене лозунг «Слава кооперативу». Крики: «Едут! Едут!»

Появляется сам Астралов. С ним Висякин, начальник управления по культуре, с папкой под мышкой. Рюма подходит к Голове, подает руку: «Астралов». Улыбнувшись, Голова здоровается молча со всеми, с Рюмой слегка обнимается и проходит далее.

АСТРАЛОВ (*останавливаясь посреди зала, улыбается лучезарно, оптимистически*). В Москву отбываю, на совещание. А вот заскочил сюда к вам... Такое событие, дата!

Тут же все выстраиваются, согласно иерархии. Вопросительным знаком Петурхо-Петуришацкий, перед ним восклицательным знаком – Астралов. Рядом, подложив колени, - Висякин. Далее за спиной у начальства все остальные до самой двери.

АСТРАЛОВ. Разрешите поздравить со славным юбилеем, Захар Захарыч, и вручить этот приветственный адрес.

Висякин зачитывает текст приветствия.

АСТРАЛОВ (*оглядывая помещение*). А что? Хорошо живете! Дом - красавец! Вот и великие на стене, классики позавидовали бы... Не вижу Зарецкого,

где Зарецкий? Его заслуга в восстановлении дома несомненна, помотал же нам нервы.

По коридору катится: «Где Зарецкий? Где Зарецкий? Где, где?...»

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*спокойно*). Где ему быть – за речкой, где же еще?

АСТРАЛОВ. Ну хорошо, хорошо, будьте здоровы. Успехов, успехов и еще раз успехов... Остальное – Висякин.

ВИСЯКИН (*окидывая взглядом праздничный стол и распрямляя спину*).

А это вам от имени города, от Астралова. Вот (*доставая из папки пакет*). Так сколько у вас, Захар Захарыч, членов кооператива?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*заученно, как таблицу умножения*). Трижды пять – пятнадцать.

ВИСЯКИН (*улыбаясь*). Как это?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Три двора – пять проблем.

ВИСЯКИН (*улыбаясь еще более широко*). А у художников – двадцать.

Извлекает деньги из конверта. Пересчитывает перед всеми: двадцать тысяч. Пять тысяч кладет обратно себе в карман.

ВИСЯКИН (*подавая пакет*). Это вам – всему кооперативу. Ничего-ничего, отдыхайте, будьте здоровы, успехов, успехов и еще раз успехов.

И уходит. Мертвая тишина.

Часы бьют трижды. И тут же раздается крик молодого петуха. Сто-рож Вава Судницын просовывает в дверь, как всегда, ухмыляющуюся физиономию.

ВАВА СУДНИЦЫН. Захар Захарыч!

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Чего тебе?

ВАВА СУДНИЦЫН. А Талан-то опять...

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Тьфу ты, господи! Одно и то же, одно и то же! Ну прошел, ну Талант – ну что мы без него, что ли, не обойдемся? С этими талантами – просто беда, все у них не как у людей... Уффф, не могу!...

Итак, дорогие друзья, рассаживайтесь за знаменитым нашим столом без

острых углов. Острых углов в нем, как видите, нет. Острых углов, надеюсь, сколько угодно, мы уж наделали сами. Будем же ориентироваться на себя, а не на какую-то там эфемерность – талант, если так можно выразиться в этом богоспасаемом месте.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Тот же зал. Тот же лозунг. За столом те же лица. Далее – посланцы трудовых коллективов, активисты общества «Книга», индивидуалы и интеллектуалы. читатели и почитатели, потенциальные критики.

Рюма на переднем плане возится с магнитофоном.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*открывая торжество*). До сих пор, соглашаясь с наукой, общество считает искусство где-то на периферии человеческой деятельности. Не можешь, дескать, пахать, не паши, так стишки хоть пиши...

Рюма включает магнитофон, на всю катушку, звучит голос настоящей Зыкиной: «Вот кто-то с горочки спустился...»

ГОЛОСА из зрительного зала. Чшшш, тише ты, Рюма! Охххренел, что ли?

РЮМА. Я сейчас, сычас, я сычас... моментик...

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*продолжая*). Однако третье тысячелетие резко меняет акценты. И именно интуиция, непредсказуемость, непонятное, осознание собственного несовершенства и ведут человека через сомнения (*наконец. Рюма попадает куда надо: плывут тихие, торжественные звуки Шестой симфонии Чайковского*)... через сомнения к прогрессу, в конце концов, к счастью. Политик же, слишком знающий, что ему делать с нами, так сказать, рыцарь без страха и упрека, - опасный политик. Уважайте чужое мнение, которое не обязательно подкрепляет ваше, но непременно его дополняет...

Единство – личность, множественность – коллектив, что важнее? Женщина в штанах или, может, мужчина в юбке? Хотя бинарность, в самом деле, в природе вещей. Однако природа могла бы произвести много полов, но в ней ос-

тается лишь два, всего два пола – мужчина и женщина – источник любви, вдохновения, стремленья, надежд...

РЮМА (*отключая симфонию, непосредственно сам обращается к зрителям*). Видали? Умственный мужик! Для Астралова готовил, а Астралова нет.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*не замечая*)... тут, мол, хлеба не хватает, а они еще и стишки пишут! Но в том-то и дело, что стихи, поэзия, эта именно интуиция, пролагает путь к хлебу насущному. Сильный руководитель нуждается в сильных.

В последние два года наш кооператив выпустил пять сборников. Прекрасен поэтический сборник Бранникова «Пыль на дорогах», прекрасна проза Батманова «Монарх в сундуке». Ничего себе также стихи Ванькиной, проза Банькиной... В портфеле издательства еще множество... ничего себе...

ЖЕРЕБИЩЕВ (*бесцеременно*). А вот позвольте, позвольте! Такая картинка. В Туле рассказывают о достижениях. До революции, дескать, был там у них всего один писатель, а теперь, как и у нас. И все члены кооператива...

РЕПЛИКА С МЕСТ. Да кто же один-то хоть, кто?

ЖЕРЕБИЩЕВ (*пауза*). Лев Николаич! Толстой!

И тишина. Рюма включает магнитофон. Опять звучит в записи голос Зыкиной. Торжественная часть сворачивается мгновенно как-то. Петурхо-Петуришацкий приглашает членов кооператива и гостей (реверанс в сторону Ртищева) на неофициальную часть.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Тот же зал. Все те же, кроме представителей трудовых коллективов, индивидуальных и интеллектуалов, читателей и зрителей. Ртищев сидит на почетном месте – справа от Петурхо-Петуришацкого.

ЗЫКИНА (*уже навеселе, запевает от себя лично, а не от пластинки «Вот кто-то с горочки спустился...»*)

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Рано, Зыкина, рано! Сначала скажи о пу-

ти нашего кооператива, стояла ведь у истоков.

РЮМА (*не без подхалимства*). Про Захарыча скажи, про Захарыча!

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*весело*). Ну, Рюма! Смени, говорю, фамилию – выручать из милиции больше не буду.

РЮМА (*живо*). А меня дядька выручит.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Какой дядька?

РЮМА. Ну кто тебе адресок вручал? Астралов.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*сердясь уже, на все застолье*). А то валяется, понимаешь, на скамейке перед Большим театром, пока не протрезвеет. Как будто обладает депутатской неприкосновенностью. А люди идут и спрашивают: кто это? Астралов, говорят. А потом и идет по народу. Слыхали, мол? Астралов вчера перед Большим театром опять на скамейке лежал... Чего, Рюма, дядьку позоришь?

РЮМА. Я дядьку люблю. Начальство не трогаю. И членский билет до сих пор храню во где, в теплышке на груди. А ты?..

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Так, слово Зыкиной. Давай рисуй, живописуй картину пути.

Зыкина встает, улыбаясь, размазывая тушь по щечкам.

ЖЕРЕБИЦЕВ. Пьяные слезоньки, пьяные.

МУХОБОЕВ, он же ПРИСЯГАЕВ. Дорогие друзья, давайте хоть сегодня договоримся...

РЮМА (*в сторону не то Зыкиной, не то Мухобоева*). Пить уметь надо.

МУХОБОЕВ-ПРИСЯГАЕВ (*вскакивая, как ужаленный*). Кто сказал, что я пью! Ну, кто когда меня видел?! (*обводит глазами присутствующих*). Механизм слухов по городу - рупор реакции... Но я все же магистр, у меня студенты...

РЮМА (*теперь уже заводясь*). И я министр, а то вон сидит еще и директор коммерческий. Мы тут сидим, - строчки гоняем про Тима Тимыча, а молодого коллегу – Аполлончика отбрасываем. Отцы, детей своих без куска оставляете...

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*строго*). Опять заводисься? Опять правда из тебя хлещет? Ты у меня посидишь на голой жо...

РЮМА. А чего ж вы? Я ему рекомендацию давал. И другие давали, но сидят и молчат. А ты, Захарыч, куда прешь со своей мафией, вот нахохлилось воронье – Бранников и Батманов, ты, Захарыч, зарплату за что получаешь?.. А ты, Слабецкий, не перебивай, подхалим!.. Не напился я, нет, пока еще в своей памяти, да!..

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*багровея, наклоняется к Ртищеву*). Извините, Лир Григорич! непредсказуемое... (*обращаясь к Рюме*). Друг мой!! Юбилей для того и существуют, чтобы отмечать достижения, а не уродства.

РЮМА (*все еще не успокоясь*). А я правду говорю! Дай хоть раз в жизни скажу. А то в кооперативе этом ты, Захарыч, так за горло схватил всех...

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*решительно*). Выведите! Ну кто-нибудь хоть это-то (!) может?!

Вскакивают Бранников и Батманов, хватают под руки Рюму. Рюма кричит: «Не смейте, мрази! Я сам!» Пошатываясь, гордо движется к выходу перед глазами у всех. Пауза. Рюма опять просовывается в дверь и кричит как-то по-петушиному, весело.

- Все мух бьете, давайте, да? А Талант-то опять пррошел мммиммо-о-о-вас, ми-и-и...

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*извиняясь перед Ртищевым*). Ну, ей богу, черт знает что! Позвонил бы в милицию. Но ведь автор все же, член кооператива, элита общества, сливки.

ЗЫКИНА (*стоя наготове*). Ну что - мне можно?

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*делая знак*). Валяй. Но не песню, а про истоки.

ЗЫКИНА (*кокетливо утирая глаза платочком*). Да, я тогда была молодой канарейкой... Да вот, канарейкой... В желтом платышке с голубым ободочком...И в нашем городе еще тогда кооператива не было, этой вот клетки. И вот приехал Тульчаков Андрей Вадимыч... нет, Фролович, царство ему небес-

ное (*взглядывая на портрет Тургенева*), он заметил мое желтое платье и создал наш кооператив и принял меня, тогда еще девочку, в платьице желтеньком выше колен... на работу...

Садится и плачет теперь уж навзрыд, голосит, опять-таки подбираясь к песне «Вот кто-то с горочки», но с другого боку – со стороны, все заметили, Ртищева.

ЖЕРЕБИЦЕВ. А слезы-то, слезыньки горьки-я-я!

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*сочувственно*). Тени прошлого – живые воспоминания... А ты, Жеребищев, посиди, помолчи... Слово предоставляется заслуженному деятелю, многоуважаемому в городе, нашему человеку в науке, магистру наук Мухобоеву.

МУХОБОЕВ (*делая уточнение*). Я теперь у вас Присягаев, это в науке я Мухобоев.

ЖЕРЕБИЦЕВ. Ты и у нас Мухобоев, а там, в науке, то же самое Присягаев. А Петуршацкий теперь, когда делать не хрена, мух не бьет в кабинете, а давит... По окнам-то...

МУХОБОЕВ (*не обращая внимания*). Двадцать пять лет – великая дата. Двадцать пять лет наших мук и страданий в творчестве, ожидании книги, читательского интереса, признания. А если все это напрасно, к чему тогда все это – мук, бессонные ночи? Вот Петурхо-Петуршацкий, батеньки-матеньки, изволил выразиться о Зарецком, что он за речкой. И хорошо, что за речкой. Помните, у Достоевского? Так вот, «бесам» этим и быть где – за речкой, а где же еще? Не висеть же у нас над головой топором – со своим прытким, бессовским пером... Хотя, с другой стороны, во всяком цивилизованном обществе, правовом государстве должна существовать и нормальная конструктивная оппозиция. Более того, хочу вам сказать, из личных наблюдений и соображений, такую оппозицию, зло, но в известной степени культивируют даже, предпочитая бороться с известным, зная методы, как с ним бороться, чем бороться с неизвестным, которое тут же возникнет на месте уничтоженного известного зла. Такова диалектика, мои первые ощущения... Глядите, пейте, да не в речку, а ха-а, туда – за

речку...

Аплодисменты. Возгласы. Мухобоев важно присаживается.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Ум, честь и совесть! Наша эпоха! Спасибо тебе, дорогой и испытанный друг, Мухобоев! А теперь слово не менее уважаемому жителю нашего города, скромняге этакому, директору предприятия... никогда не откажет ни в машине, ни в какой-нибудь баньке, в куске кирпича... слово чистому прозаику, как вы поняли, Сла... Сабецкому Алексею Петровичу, тоже нашему другу, хе-хе, он недавно паспорт подтер, зато в парке перед ветеранами на гармошке играет. И это говорит о том, что он, хе-хе, со слабостями, с маленькими человеческими, я бы сказал, даже своими грешками близок, черт побери, простому человеку, он же художник слова, не закослел, не очерствел... и это Сла... Сабецкий, как вы поняли, Алексей Петрович... Аплодисменты, аплодисменты!.. Мне и ему, кому же еще?..

Сабецкий отказывается от слова.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*сияя, в административном восторге*). А теперь, когда создалась уже солидная картина... слово гостю из Москвы, нашему высокому гостю Ртищеву Лиру Григоричу!

РТИЩЕВ (*стараясь быть скромным*). В Японии скорость поездов общеизвестна – монорельс, на магнитной подушке. А люди ждут поезда сутками. Что же, выходит? Технический прогресс налицо, но ради чего – где человек? В агрессивной среде не могут проходить ни экономические, ни политические реформы, создаваться шедевры. У меня все.

Небольшая заминка. Петурхо-Петуршацкий предлагает тост за присутствующих. Зыкина, наконец, дорывается до своей песни «Вот кто-то с го рочки...» Сидит в середине уже не Трех бухов, а Двух духов -- Бранникова и Батманова, положив руки на сердце.

Появляется Отрок, муж Зыкиной.

ОТРОК (*жене укоризненно*). Вчера из кафе едва вытащил, от лиц кавказской национальности. Сегодня тут гуляешь с поэтами. А кто с внуком сидеть будет? Иди домой, бесталмашная! Иди, иди, Зыкина...

Уносит ее на плече. В отворенную дверь врывается протрезвевший Рюма.

РЮМА (*Петурхо-Петуршацкому*). Родной мой! Захарыч! Отец нации! Вишь, как стеклышко я! Пробрало там, на холоде! Все, молчу, тишина. Пусть вам теперь Жеребищев ребра считает.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*довольный*). Ну вот видишь? Без тебя тут все по пути. Мир, как говорится, без драк, без аннексий и контрибуций.

РЮМА (*смеясь, восторженно*). Да ты что! Ты Бранникова не знаешь? Погоди маленько, сейчас в нос кому-нибудь заедет... Нет, не Сабецкому. Сабецкий – фигура, директор, а Бранников к директорам не цепляется. Если не ко мне, то к Жеребищеву. Но тот физически сильнее его, тот ему чайник начистит...

И тут же звенит посуда. Это падает блюдо из рук чистого поэта Бранникова. И Бранников, уже с кулаками, стоит навтыяжку перед Жеребищевым.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Застолье все в разговоре. Бой часов. Удары Судьбы, шаги Командора. В дверь просовывается все так же лукавая физиономия сторожа Вавы Судницына.

ВАВА СУДНИЦЫН. А Талант-то опять прошел...

Тут же в соседней комнате раздается сиповатый крик молодого петуха. Петурхо-Петуршацкий вздрагивает, прислушиваясь к чему-то в себе, и он уже под шафе.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*сам себе*). Слышали? Талант прошел мимо. А ведь Рюма прав, проходит мимо Эпоха! (*загораясь, с горечью*). Да нет, не мимо прошла она, наша Эпоха, - огненным колесом прокатилась... О люди, люди – исчадие ада, отродие крокодилов! А мы – отродие из отродий, мы же штучный товар, каждому надо быть самому по себе, а мы все вместе, кучей – «черные шары» Аполлончику кинули. Да, он молод, способен, он же нас зако-

пает. книжки наши – чего они стоят?.. Чему за жизнь научились, тигры вы полосатые, – друг на друга кидаться, служить, пресмыкаться, как собаки дворовые, бросаемся, на кого нам укажут (*трезвея*)... О, люди, люди! И кому же мы мстим – за серость свою, нищету, свою неудачную жизнь? Бог мой, взгляните хоть, что за окном. Все в мире осознают себя, встают за права, а нас на куски раздирает. И корыта уж нет, а мы все корысти ради, все блудим и каемся, и я вас, заблудших, люблю. Да вы же забыли, что такое ласка, успех настоящий, в конце тоннеля немеркнущий свет, хотя и служили своей Мельпомене, и клали себя на алтарь по частям... И что же случилось со мной, что во мне обломилось, когда? Когда не придал впервые значения тому, что кто-то положил ладонь на свечу, потом не заметил на коже коготь... И где сама свеча, спрашиваю?! Жеребищев, ты ее сунул в карман себе?.. Противно жить, потемнело в глазах, опустились... И этот Ртищев сидит, дышит в ухо, торчит гвоздем в шее...

РТИЩЕВ (*поднимаясь из-за стола*). Я выйду. Мне надо сделать один звоночек.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*возвращаясь в реальный мир, провожая Ртищеву до двери*). Пожалста. Вот сюда. Звоните из моего кабинета.. отсюда...

Пауза. Застолье. Все поют, выпивают, закусывают. Отрешиенно как-то сидит перед всеми Петурхо-Петуршацкий.

МУХОБОЕВ-ПРИСЯГАЕВ (*ведущий застолье вместо Петурхо-Петуршацкого*). Слово предоставляется народному художнику Лудакову, нашему дорогому соседу по Дому кооператива.

ЛУДАКОВ (*возлагая картину к столам Петурхо-Петуршацкого*). А это вам, Захар Захарыч, на добрую память. Кооператив ваш «Тургеневский бережок» и эта картина, как видите, под таким же девизом... Мне всегда казалось, что литераторы – народ сильный, особый, а у нашего председателя – особый талант. Работая над диафрагмой, просто физически ощущал эти тонны, которые подымать приходилось. Но как бы ни было тяжело, я думал, а вам вот труднее... желаю, Захар Захарыч, вам в творчестве новую ноту...

РЮМА. Молодец, луноход! Тебе, как космонавту, это личит. Спасибо, спаси бог!...

Дверь резко распахивается. В двери, весь какой-то включенный, стоит сторож Вава Судницын. Манит к себе Петурхо-Петурицацкого. Взволнованно, жестами показывает, как он подслушивал сейчас там кого-то по параллельному телефону. Петурхо-Петурицацкий тут же ныряет за ним.

Застолье продолжается. Через стенку слышен смех, громкий голос Ртищева.

В дверях возникает Петурхо-Петурицацкий. Стоит, схватясь за голову, упершись взглядом в стену, на которой – портреты. Один из них уходит во тьму и тут же из тьмы возвращается Призраком. Петурхо-Петурицацкий, отступая: «Чур, чур, меня! Это ты, ты все – Зарецкий?!»

РЕПЛИКИ С МЕСТ (в зале). А это ты, ты, ты, Неумывако? Давно не видели! Ну, и как там у вас в театре «Глобус»?

НЕУМЫВАКО. Разжалован, получен расчет.

Подходит к Петурхо-Петурицацкому, наклоняется, отчаянно жестикулируя, что-то шепчет на ухо. Петурхо-Петурицацкий подавленно кивает ему головой. А из соседней комнаты все слышен смех громовой голос Ртищева..

И крики из застолья. «Захар Захарыч! Где ты, куда ты пропал?!»

Петурхо-Петурицацкий никак не может сдвинуться с места.

ПЕТУРХО-ПЕТУРИЦАЦКИЙ (как бы говоря сам с собой и в то же время со зрительным залом). Слышали? (зрителям). Это он, этот Ртищев, излагается перед Вепринцевым по телефону! А ты иди слушай его из сторожки, от Вавы, сколько влезет, по параллельному телефону. Вон как хохочет над нами, как в красках расписывает... Ну, с чего мы взяли, что он какой-то Посланник, тем более Президента?! Артист всего-то, действительно, Ртищев, актер! И все это – режиссура, интерпретация Веприщева... Черт меня подери! (опять зрителям: *Вы же все знаете меня! А из зала: «Знаем, знаем! жуликоват, прохиндей!»*). Сколько сам своих пьес написал, сколько сам их поставил. Гоголевского «Ревизора» от и до, вдоль и поперек, а тут попасться на элементарном! Сколько

поколений сменяется, столько на крючок и попадаетея. Воистину – когда небо хочет посмеяться над собой, оно забирает ум и талант. Одурел, остарел, одни амбиции. Вишу, трепыхаюсь на крюке, экая туша! Как они тебе, эти прохвосты – новые люди, артисты и режиссеры! А ты-то разбрехался, разоткровенничался и с кем – с каким-то заезжим актеришкой! Носом, фибрами его не почуял. Да ведь и играет так себе. Одно только слово и запомнилось из всего: «Эпоха!» Сует, куда попадая, как шлею под задницу, кобыле под хвост. Полжизни с актерами, вагон хлеба на сцене съели, а не понял, не раскусил – эко пень глухомятный, пентюх – петух, пора тебе и в ошип, на пенсию, что ли, не топчешь мух -- уступи другим, кто талант...

Чего доброго, дойдет до Астралова. (*Из зала опять же: «Ну, и уступи, не держись!»*) Тот же Вепринцев не преминет донести. Скажет, так, мол, и так. так и этак. Дурак, мол, этот Петуршацкий, и Астралов возьмет и отключит жизнеобеспечение. Зачем, скажет, мол, тратить деньги на это гнездо мышиное, разве когда только на выборах поддержат да с врагами общими через печать расквитаются? Кошмарная глупость, и во сне не приснится: одних бухгалтеров трое. Как любовницы, по одной на каждого. В самом деле, мафией пахнет, больше бы свежего ветерка...

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. А Талант прошел мимо.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*продолжая*). И этот Ртищев хорош! Еще развернет всю подноготную перед Зарецким, а тот шелкопер – бумагомарака такую пародию гроханет – вот что, канальство, заманчиво! А вы думали что – все это фантазии, да? Что раз Гоголя на нас нет или Щедрина, то некому и на крючок подцепить, вывести на чистую воду, на солнышко вывесить?.. Тупеем, недокумекиваем, мозги пересохли, Стишата годами читаем одни и те же, забываем, путаемся перед людьми. Как у Элочки Людоедки, всего тридцать слов в башке только и держится. Показывали по телевизору попугая из Подмосковья, из Лобни, так куда нам до этого попугая. Тот шпарит периодами, с выражением: «Берегите попугая – это птица дорогая...»

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Вот попугай-то к нам в город и явился, сюда - на

спектакль!

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ. Надо же! Посланник самого Президента! Бей, барабан! Гримите, фанфары! Несите по свету, пусть знает народ честной, как режиссер одурчил режиссера! Как режиссеры всеми нами дергают за веревочки, мы все заложники сцены, актеры в большой и малой игре... Но точка еще не поставлена, нет! Вы, видите, люди, мне плохо. О плевриоз – дождь гробовой, дождь зимний лупит по мне...

С трудом Петурхо-Петуршацкий проходит к большому дубовому, «рыцарскому» столу с закругленными углами. Садится в его головице, сидит, подперев щеки руками. За спиной его собираются все члены известного кооператива.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА.

ПЕТУРХО-ПЕТУРШАЦКИЙ (*обращаясь к залу*). Друзья! Вынужден вам сообщить (*делая усилие*)... Этот, так называемый высокий гость из Москвы, перед которым мы все тут (*оборачивается, обводит глазами всех членов «Тургеневского бережка»*), все без исключения... мы все тут распинались... (*Пауза. И снова обращаясь к зрителям к залу*) вовсе никакой не Посланник, тем болес Президента, а актер Ртищев, так сказать, лицедей, служитель Мельпомены. И как явствует теперь из компетентных источников за подвиг свой он только что зачислен в труппу театра «Глобус». Вместо артиста Печумываки. И - это фарс, диплом Ртищева, его проходной балл. И вот я стою перед вами – дубина стосеровая, старый набитый дурак!! А ведь был когда-то в том же в театре – сам главным, шпаяете, режиссером!..

Пустая сцена. Из двери кабинета появляется Ртищев. Рюма первню включает магнитофон, раздается голос Зыкиной «Вот кто-то с горочки»... И татыкается. И тут же вслед за криком молодого петуха раздается гомерический, совершенно идиотский смех Жеребищева. «Г'а-га-га, ги-ги-ги! – и! – и!..» – как будто катятся пустые бочки с небес.

Застыв, слушают этот гром среди ясного неба актеры, билетеры. осветители. Индивидуалы и интеллектуалы. Вся сцена. Вся труппа театра. Весь город за сценой. Мельпомёна кривится в смехе откуда-то сверху.

Медленно-медленно опускается занавес.

12.12.93г.,

г.Орел

ЛИРИКА

ЦИКЛЫ СТИХОВ

ФРОНТОВОЙ ГОРОДОК

БОГАТЫРСКАЯ ПЕСНЯ

«Зело крепок орешек».

О Козельске – хан Батый.

Из летописи

Жили в России, поле косили,
Русскую речь берегли.
Грянули вороны – черные оргии
И до истоков дошли.
Малоархангельск, Малоархангельск
Встал за Россию – горой!
Малый Архангельск, Малоархангельск –
Малый наш город – герой!
Встали свободные силы народные,
Люди великой страны.
Центром мы были, ворога били
В самом горниле войны.
Семь километров огненных ветров,
Подвига наших солдат,
Где нас обагряли – семь месяцев брали
(Да так и не взяли!) –
Малый наш Сталинград.
Вот он красуется – важен, рисуется
В центре Железной дуги.
В прахе и пепле мы только окрепли,
И – до Победы шаги!
Хлебный, красивый - в сердце России,
Дух богатырский живой.
И обелиски по-прежнему близки,
Подвиг с седой головой.
Малый Архангельск, Малоархангельск –
Мал золотник, да дорог.
Дорого стоил Малоархангельск,
Наш героический город!

Как и Козельск, один ж одному,
Чтит Мурашихинский лес
Малоархангельск, слава ему!
Высшая почестъ с небес!

30 мая 2005г.,
Малоархангельск,
Орловщина

НА МАЛОАРХАНГЕЛЬСКИХ ВЫСОТАХ

Тут, на высотах, сражались они,
В центре Железной дуги.
Память о них в сердце храни,
Их имена береги.
Припев: Здесь был войны той апофеоз,
Здесь погибали тогда.
Их, молодых, хоронили без слез
В шенотах русских берез.

Тихие плиты. Вечный покой
Ангел послал на века.
Слезы святые смахните рукой
В центре всего городка.

Матери ваши с великой страны
Подпюпочке лежат.
Спите спокойно, герои войны.
Помним вас, наших солдат.

Тут, на высотах, сгорали они
В центре Железной дуги.
Память о них в сердце храни,
Их имена береги.

Припев: Спите, родимые, спите!
Вас хоронили без слез.
Голову, люди, склоните.
В шепотах русских берез.

Апофеоз в грохотах грез,
В шорохах русских берез.
Апофеоз, апофеоз,
В шепотах русских берез.

30 мая 2005г.

ПЕСНЯ ПРО ЛЕЙТЕНАНТА

Майору Лисунову, капитану Евдокимову,
которых помню с детства, с тех огненных дней

«Тихо вокруг».
Высотки покрыты мглой.
Город во храмах приснится вдруг,
Лучший мой город земной.
«Письма твои получая»,
Штемпель на них полевой.
И в адресочке одни только точки,
Город страды боевой.
«Черная ночь».
Только пули в степи и снуют.
Плакать не в мочь,
Завтра, наверно, убьют.
Только ветры свистели по ржи.
Только танк в той степи догорал...
Соловей, соловей, Расскажи!
Как танкист - лейтенантик сгорал!
Как проклятья гремели врагу,
Как парнишка рыдал... Не могу!
Как услышу на том берегу,
Все к тому лейтенанту бегу.

«Тихо вокруг».
Высотки покрыты мглой.
Каждый погибший - друг!
Город во храмах – живой.

1 июня 2005 г.

КАПИТАН

Капитан пришел без плащ-палатки,
Суть не по газетам объяснил:
- Жили тут язычники, рябятки,
Наши предки... в общем, дед наш жил...
Не велел степи нам отдавать
Если враг нагрянет к нам любой.
Поднимайся, дедовская рать!
- Ну, а дед чего бы мог сказать
Перед тем, как лечь под вражий танк?
- Не велел язычник помирать.
Танк, мол, остановите и так.
Вот! – взмахнул рукою капитан.
И швырнул гранату навека.
И окутан черным «Фердинанд»,
И от смерти тянется рука.
- Дед! Язычник! Что сказал еще?! -
Паренек-солдатик тряс плечо.
- А еще, - дыхнул он, - не тужить!
Встреть Победу и останься жить.

3 июня 2005г.

ПИСЬМО ИЗ ОКОПА

«Милая, любимая, родная!
Мне в атаку, солнышко встает.
Страшно будет, точка огневая
Всех нас до последнего возьмет.

Просто так засыплют у дороги,
Звездочку жестяную прибьют.
Схоронили так уж очень многих,
Тут перед окопом и убьют.
Тридцать верст всего-то между нами,
Хоть денек у взводного прошу,
Говорит, возьмешь в атаку знамя...
В общем, если подвиг совершу...
Совершу и, значит, в землю лягу.
Говорят, мол, попаду в музей...
Приготовь мне, Маша, стопку, флягу
На помин души моих друзей.
Просто так лежат перед окопом –
На чужой, нейтральной полосе.
Как бежали, так и ткнулись боком,
Пулеметом ссаженные все.
Милая, любимая, родная,
Ты хоть будь! С сыночком ты живи!
Вот за вас и знамя поднимаю,
Крикни напоследок, позови.
Милая, любимая, родная!
Нам пора уж знамя по рукам.
Мне дают. Вот надо мной взлетает!
Падают последние сто грамм...»

3 июня 2005г.

КАТЮША

В домике малом девчонка жила,
В центре всего городка.
Вот и война аж досюда дошла -
Мало – ар – хан – гельска.
Там же в садочке «зисы» появились,
Тайну скрывал в них брезент.
Четко стояли при них часовые,
Чтобы никто не глазел.

Воле крутилась Луиза – девчонка,
Пела им песни свои.
Все про «Катюшу» душевно и звонко,
Как и поют соловьи.
Песня девичья на алом закате,
Дня довоенного миг.
Так и прозвали Луизу ту Катей
С легкой руки часовых.
Катя-Катюша поет, только слушай
С хором смертельной пурги.
Песня девичья – нежная, птичья,
В центре Железной дуги.

3 июня 2005г.

ЕЛЕЦКАЯ ТРОЯ

Оккупация. Наши разведчики
На уголке сквера
Двое парнишек и девушка.
Шли они под руки, пешие.
Чаши любви к Родине –
Полная мера!
Кто они, чьи? Имена
Долго не знали. Но – трое.
Девушка с перебитыми ногами – одна,
И парни бок о бок с ней – двое.
Все трое, они – из Ельца.
Наша Англичаная Троя.
Под автоматами согнаны мы –
Жители городка, дети войны.
Будь она проклята, боже!
Крест на ней отсюда и до Костромы.
И дальше, дальше – вдоль всей страны!
И поперек тоже!

3 июня 2005г.

ПОДПОЛЬЩИКИ

Самая большая роскошь –
это роскошь человеческого общения.

Сент-Экзюпери.

Подполье было в Протасово
Так, для отвода глаз.
Копилось все это классовое,
Стало всеобщее в нас.
Все говорят – не было,
Все говорят – никого.
А что же бомбам требовал
Гитлер не падать в него?
А самолеты летели,
Чечнева наша вела.
Да прямо по общей цели,
По Гитлеру цель брала.
Подпольщики через траншею
Ходили туда, за фронт.
Хоть падали бомбы на шею,
А все ж задавали тон.
Подпольщики через город
Делали сообщенья.
Вот чем мне наш город и дорог,
Что был тогда в центре общенья.
Поныри и Глазуновку
В линию они спаривали,
В шорах своих держали,
А тут наши кашу заваривали
И в котелок потом клали.

2 июня 2005 г.

СЛОВО ПАМЯТИ

(верлибр)

Геннадию Ефремову – другу моему,
участнику боя под Сабурово

Стал бы Есенин поэтом,
Если бы не откос на Оке,
Не церковь напротив – Казанская Божья Матерь?
Стал бы слуга ваш покорный,
Тоже при этом,
Писателем
С аурой белою, а не черной?
Если бы не эта битва народов
За Малоархангельск;
Если бы не семья друзей моих –
Володи и Гены Ефремовых,
С дворянским корнем, в книгах вся, в знаниях;
Если б не били нашу семью под дых,
Семью краснозвездную, погибших
И позже и ранее, -
Если бы не был рядом магазин книжный «когиз»,
Где прямо на полу были книги расстелены
На вчерашних газетах;
Если бы не бегал туда по сто раз я на дню.
«Гамлета» прочитал – во втором,
В третьем – «Дона Кихота» Сервантеса,
Вот томище-то!
И тут же за ним Есенина...
Вот на что толкала война,
Испытанная не в атмосфере какой-нибудь ангельской,
А в тихом городке,
В богатырском городке,
В сожженном войной городке –
В нашем Малоархангельске!

3 июня 2005г.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Гене Монастыреву, Толику Маркову,
Толику Харскому – друзьям моего детства,
взорвавшимся на mine.

Дети войны – те же фронтовики.
Те же бомбежки и мины.
Только в атаку нельзя – мальки
И жидковаты спины.
Плит минометных некуда класть,
Нету сил раненых вынести.
Всего остального накушались всласть,
Что только можно вынести.
Гена, два Толика – переулочек Косой,
Какого уж нет и в помине.
И я чуть сзади – с лопатой, босой –
Как будто знал: грохнутся вот-вот на mine!
Взрыв был тихохонек. Промолотило.
Пыль оседала в траву.
Крылатка красивая, что ж ты натворила!
Всех наповал к Покрову!
Из школы тогда мы шли вчетвером,
Полы кирпичом настилали.
Конюшня в классе! Была она в нем,
Где мы бузиною писали.
Шел сорок третий.
Кругом тишина. И белые, белые лица.
А нас на повозках все возят в больницу,
Для нас продолжалась война.

4 июня 2005г.

ТРОФЕЙНОЕ КИНО

Песни по городу мчатся с душой,
Их не забудешь вовек.
Митя Самойлов – язычник большой,
Очень большой человек.
Слышен движок! Как будто князек,
Митя сидит, тарахтит.
- Трофейное кино! Трофейное кино!
Из довоенных, «Дилижанс» оно! –
На весь Малоархангельск он кричит.
«Эх, путь – дорожка фронтовая!
Не страшна нам бомбежка любая!
А помирать нам рановато,
Есть у нас еще дома дела».
Песни, что вы творите со мной!
Ставит пластинки язычник.
«Зою» показывал левой одной,
Плакал майор – пограничник.
Плакал весь город, плакали все,
Дети погибших отцов.
И ненавидели зло, подлецов –
Не голодавших, свои «лампасе»
Жравших на смерти наших отцов.
«Эх, путь – дорожка фронтовая!
Не страшна нам бомбежка любая!
А помирать нам рановато,
Есть у нас еще дома дела!»
Митя Самойлов, – в трофейном кино
Мы навидались всего!
Митя Самойлов, – как было давно,
Крутит кино! Крутит кино!
Пятый сеанс уж. Что же оно
Нам не покажет его!

4 июня 2005г.

МОЙ РЮКЗАЧОК

Читателям

(рондо)

Сонеты пишу, давненько грешу
И я, ваш покорный слуга.
Мои рюкзачки, где клубничку нашу,
Замкнули свои берега.
На Вечность улыбчив мой добрый сонет
И я, ваш покорный слуга.
В моем рюкзаке – сто тысяч лет
Замкнули свои берега.
Пространство мне шьет мое ателье
И я, ваш покорный слуга.
В моем рюкзачке – что тысяч лье
Замкнули свои берега.
Молчат пирамиды, не спит Колизей
И я, ваш покорный слуга.
В моем рюкзачке – что тысяч друзей
Замкнули свои берега.
В моем рюкзачке летают «раи»,
Ударилась ритмы в бег.
С тех пор как в сонете клубнички мои,
Слуга я покорный всех.

28 мая 2005г.

БЕЛЕНЬКОЕ

А название это давненькое.
Ловись, рыбка, большая и маленькая!
Из Орла несутся в электричках,
Чтобы посидеть по берегам,
Рыбный суп сварить себе на спичках,
Походить к Приволью тут и там,
По Малоархангельским прудам.
Бело-бело-Беленькое,
Беленькое, Беленькое,

То глубокое, то меленькое,
Чистое, залиvistое.
Дело-дело-дельное,
Дельненькое.
А война пришла, так это Беленькое
Сделалось вдруг рыжим, чернооким,
Стало все провальным и глубоким.
Вывозили ночью на расстрел
И своих, и наших. Тут под боком,
На краю у города, где бел –
Бело-бело-Беленькое,
То глубокое, то меленькое,
Илистое, залиvistое.
Дело-дело-дельное,
Местушко печальное,
Расстрельное.
Лишь зимой оно бывает Беленькое.
Мчись на лыжах с горки, ива тоненькая!
Где с весны всегда она зеленая –
Ивушка с заливушка, холсная,
Выросла береза черноокая.
Из Орла несутся в электричках,
Чтобы посидеть по берегам,
Рыбный суп сварить себе на спичках,
Походить к Приволью тут и там,
По своим излюбленным местам,
По Малоархангельским прудам.

30 июня 2005 г.

«СПАСИТЕ РЕФОРМЫ!»

И все миражи, миражи, миражи.
Да есть ли на это какие-то нормы?
А вы не воруйте, не стройте свои этажи,
Потом не вопите: «Спасите реформы!»

А все молодежь, молодых и в бомжи.
И все шито-крыто, по форме.
А вы не волнуйтесь, не стройте свои этажи,
Потом не вопите: «Спасите реформы!»

С швейцарскими банками вусмерть дружи,
Пускай заграница нас кормит.
Все целите авиа за рубежи,
А сами вопите: «Спасите реформы!»
29 мая 2005г.

ДЕРЕВЕНСКИЙ АКЦЕНТ

Вначале венчали, на бога стучали,
Шло задом все наперед.
А сами кричали, костями бренчали:
- Да здравствует русский народ!
Горят в поле спички, пусты электрички,
Ж/д ничего не везет.
А в думе одно – немое кино:
- Да здравствует русский народ!
В деревне две мухи, три зуба в старухе
Да черный улизливый кот.
Орут молодухи Маклаю Миклухе:
- Да здравствует русский народ!
Село, значит, Радово чем нас порадовало?
А сорок первый босой
В три годика к мамке
По снегу – по пьянке
Рванул в город за колбасой.
Село наше Радово еще чем порадовало?
Погоста последний отчет.
Один тут явился, в портреты вlepился:
- Да здравствует русский народ!
Село наше Радово совсем нас обрадовало.

Сказали: «А в вуз поступайте!»
И вот три старухи – ползуба на мухе –
Встречают нас: «Бэн энд уайте!»
Ну где еще «инглишу» так повезет?
- Да здравствует русский народ!

28 мая 2005г.

САБУРОВСКОЕ ПОЛЕ

Сабуровское поле у высот,
На подступах к Малоархангельску.
Тут птицы останавливают лёт,
Когда летят, кричат над ним по-ангельски.

Тут тысячи легли в одной атаке,
Смертельная их жатва догнала.
И алые сабуровские маки
Весною встали, где она была.

Один цветок – загубленная жизнь,
Стеной соборной размахнулось поле.
Постой же, жаворонок, поддержишь!
Они легли, чтоб вы летали вволю.

Все здешние - штрафбаты, хлебобобы!
Они пахали многие поля.
Но это вот, в Сабурово, особо,
Особо перепахана земля.

Какую рожь тут собирали годы!
Какой собор печальный на крови!
Они лежат тут, многие народы,
И эти маки – дань земной любви.

Печаль проходит, память остается.
За Красной Зорькой Солнце западет,
Увидишь звезды тут, на дне колодца,
И каждый раз дух кровью обольется,
А сердце остановится, замрет.

3 июня 2005г.

КИТЕЛЬ РОКОССОВСКОГО

После Сабурово – фронта Хозяин
В Малоархангельск нагрязнул.
Был я мальчишкой, рот свой раззявил,
Не оторвался, как глянул!
Был он высок и красив, в сапогах.
В кителе, сшитом Филиппом.
Был тут такой у нас – Лаушкин, маг,
Специалист по клипам.
В кино хоть полководца снимай –
Вылитого артиста –
Дань Рокоссовской фигуре отдай!
Видел, стоял очень близко.
Мы, пацаны, сквозь оцепленье
Как-то пробрались. В кругу
Трость проявляла особое рвенье, -
По сапогу, по сапогу!
Алый околыш, белые лица, -
Мог бы любого в окоп!
Я же на китель не мог надивиться.
Ажник он треснул под мышкой,
Сроду не видел, это уж слишком.
У генералов трескалось чтоб.
В кителе, сшитом Филиппом,
Встал Рокоссовский у школы старой.
Бил Рокоссовский по клипам,
Сразу по всем кошмарам.
Я бы, напротив, музею

Отдал те клипы следом,
А тут бы у школы поставил Расею
В кителе, сшитом соседом.
Я бы поставил памятник тут,
Сделанный фронтовиком.
Тоже сосед мой!
Годы идут,
Не успокоюсь на том!

* * *

Все говорят, мир – из идей.
Крутится шарик, неистов.
«Филипп» с латыни – любящий лошадей,
А Рокоссовский когда-то был кавалеристом.
3 июня 2005г.

«НЕ ПИЩАТЬ!»

Лежали мы на кирпичном полу
И на газетах учились писать.
А по единственному столу,
Поставленному на попу: «Не пиццать!»

Учительница наша,
Нина Борисовна Ермакова,
Мелом писала для нас из Макаренко:
«Не пиццать!» Ну, будь здорова,
Мать моя-мать,
Проталина и проталинка!

Сколько же можно снегам выпадать,
Страна моя континентальная!
И все нам Макаренко, все «Не пиццать!»
А как кто пискнет, так «Не пуццать!» –
Вот наша участь ментальная.

5 июня 2005г.

ОТЕЦ МОЙ СОЛДАТСКИЙ

Танк привели в ремонтную часть,
Вырванный прямо из боя.
Там у них утром, из дому умчась,
Я колдовал над собою.
Этот шурупчик – палец оторван,
Кровь по броне изнутри.
Сколько сгоревших – какая-то прорва! Но –
Черных, промасленных, - зри!
Что там внутри? Глянь, посмотри,
Что у кого оторвано!
Вечером чистым на Тихой Сосне,
Сидя у костерка,
«Теркина Васю» читали и мне,
Пели чуть-чуть, слегка.
Утром туда пятьдесят ушли,
А возвратился один,
Палец отдельно... Горело внутри!
Кровь запеклась, поди!...
И дядя-ремонтник, мне дедушка,
Какой научил читать,
Сказал мне: «Сынок!
Ты смог бы все это людям потом рассказать?»
- «Смогу! – ответил я, глядя на небо. -
Дали бы скибку хлеба».
Такая эпоха! Привыкли страдать.
Все бьюсь, как рыба о лед, как и бился.
Спасибо, бойцы научили читать,
Писать я и сам научился.
Отец мой солдатский - доньне отец!
Я тоже людей защищаю!
Он танк направляет: «Спасайся, подлец!
Я живо таких укрощаю!»

6 июня 2005г.

САМЫЙ ПЕРВЫЙ САЛЮТ

(верлибр)

Первый салют был не в Москве
За Орел и Белгород.
Самый первый был тут у нас,
В Малоархангельске. И в июле,
А не Пятого августа.
Когда в страшном бою перемогли,
Назад покатались орды,
Перелом наметился,
Привезли в Малоархангельск
С линии фронта погибших.
И, опуская в землю,
Военные
Стали вдруг
Салютовать
Из всех видов оружия
За героев-товарищей, за Победу,
За город несданный.
Салют был стихийный, неожиданный!
Потом уже произведут в Москве
За Орел и Белгород
Двадцатью артиллерийскими залпами!
Будет потом и в Берлине,
Как только возьмут рейхстаг...
Под салютом те желтые пятки в гробах
В Малоархангельске
Видятся мне и поныне.
Снится салют тот первый,
Вижу его, как сейчас,
На переломе побоища
Из железной пурги,
В нашем городке богатырском,
В центре Железной дуги.

2 июня 2005г.

ВЕЩАЯ ПТИЦА

(былина)

Появилась птица вещая,
Птица – сыч, крыло ночное.
Обещала нам зловещее,
Нехорошее, сычное.
А потом все будет тягостней,
Все кудрявее, кровавее.
Кровь-водица, эта влага с ней,
Все бездонней, православее.
Все бои за землю Русскую,
За ее освобождение.
Раздождилось небо буское,
Разнуздалися видения.
Что грядет к нам горе-горькое,
Что рекой прольется кровушка.
Объявилась птица вещая,
Птичья вдовья, птица-вдовушка.
Ты туда б летела, вещая,
Там бы им свое кричала.
Затаилася, зловещая,
И накликала начало.

* * *

Шел сорок третий. Все лето сперва
Совы над школой ухали.
Вот как природа – мать – вдова
Горе пророчила слухами.
Так вызревало побоище –
То еще! То еще! То еще!

3 июня 2005г.

СТОЛИЦА БЕЛОЙ ГЛИНЫ
(Малоархангельск)

Нечаянно открыл: живу в столице!
Даже не хлеба скифского, а глины.
В столице Белой Глины Русь коренится,
Наш городок старинный.

Адам – из «глины человек»,
Так в переводе,
А Ева – из ребра его.
Все человечество навроде
В девонских глинах от него.

Я с детства чувствовал, тут в недрах
Таится что-то от Творца.
Дает луне, погоде ведра,
Болезни гонит, хмарь с лица.

Стоит за Правду, за Свободу!
Как мы, как будто человек.
Победу тут дала народу,
Перемогла двадцатый век.

Но, как бывало, в сорок третьем
И кровь впитав, не стала рыжей,
А самой белою на свете
Так и осталась, к тайнам ближе.

Когда везут в ВИЛОР отсюда
И украшают ею всех,
Я знаю, что такое чудо!
Оно от нас, из недр, откуда
И самый первый человек.

Влетит в Москву какая птица,
Крылом трепещет, в окна бьет.
- И мы, - скажу, - живем в столице,
Где человечество живет!

22 сентября 2005 г.

РУСЬ СКИФСКАЯ

«Да, скифы мы!»

(А.Блок)

(Рукопись, найденная под кроватью)

«Вив, деревня!»

Не был я ни в Ницце и ни в Каннах,

Не купался там у них взахлеб.

Жанна Д'Арк, единственная Жанна,

Птицей упала мне на лоб.

С детства брежу этой самой птицей.

Как она крылами на пурпур!

Франция! Ты все же за граница.

Русь моя! Разброд и каламбур.

Голос мне, француженка в саду –

Сдвоен, строен образ, ассонанс.

В сердце обожженное кладу –

«Вив, моя деревня!» «Вив, ля Франс!»

Жанна! Ты одна в костре такая.

Леонард! И ты один такой.

На войне, нас в лужах полоская,

Тут они – у Волги, за Окой.

Жанна Д'Арк! Страна не на подносе,

Русь ведь тоже вольная страна.

На костре стоим! В огонь нас сносит

Та неиссякаемая осень,

Та малоархангельская осень.

Что еще? Когда тебе хана.

Жанна Д'Арк! Оставь мне у костра

Тут месточко рядышком с собой.

Стременная Русь моя, дыра:

Вот и я туда же за тобой!

Не бываю в Ницце или в Каннах,
Караваны слов пию взахлеб.
Жанна Д'Арк, единственная Жанна, -
Мой костер! Мой маленький набоб!
22 марта 2006 г.

* * *

Погибает Русь, а не хочу!
Во всю глотку об этом кричу!
В наши ностальгические нивы
Шлю богам приветы и призывы.
Хата развалилась на бугре.
Прорвалась трубища и течет.
Боже мой! Какой еще дыре
Есть такой приглядец и почет.
Все в моей душе изнемоглось:
Эти крыши сдавленные, с ферм,
Этот кем-то недострелен лось,
Слава тебе хоть не насовсем.
А булаты на кого точить?
За сапог закладывать «финяк»?
Где мне зубы, Рось моя, лечить?
Гладить чем замызганный пиджак?
Эти тут, а те уже далече,
Под окно к тебе уж не придут.
Плачи сов, не высказаны речи.
В окнах тень крест накрест там и тут.
Ребятишки редкие мелькнут
И исчезнут где-нибудь у школы.
Освежат на несколько минут,
А затем навалится тоска.

Говор баб да хохот перепелки.
И скрипит, качаясь, не доска,
А в тебя вонзенные иголки.
Ель стоит. А ферма уж лежит.
Пруд, как и обычно, неподпружен.
А тропинка все-таки бежит,
И большак кому-то еще нужен.

22 марта 2006 г.

МОЯ БЕЛЬКАНТИЯ

Опять они за нас взялись!
С другого края к нам заехали!
То за порогом мразь и слизь,
То колея набита вехами.
То привидения не те,
То школа тут и даже церковь.
А то крапива в немоте,
Где вечерок ломался мелко.
Какие грубости! Эстет,
Скорей всего, с того поморщится.
Но мило все с тех самых лет,
Любая черточка топорщится.
Пройдусь я мимо тех крапив,
Где люди прятали бутылки.
Вот я не пил! Вот я-то жив!
Пия молочное от Милки.
Не прятал, братцы, питье,
Все выставляя на показ!
Вот жизнь, такое житие!
Вот класс! Уж в первый некого сейчас!
Уйду за рощу, что за школой,

Паду на землю, уревусь.
В изменах девицы дебелой
Спит ностальгическая Русь.
То просто грань, то птичьи «вичи»,
Чуть пригреваемый, стою.
- Чего орете?! – крикну в голос,
Во всю «белькантию» свою.
«Латино воча!» «Латино воча!» -
Кого пугать из-за бугра?
Вот эта память, между прочим,
И пьет колодец из ведра.

ПРО КУСОК МЫЛА

Памяти зримые вехи
Тихо ушли в окоем.
Отмолотили орехи!
Отхолодел и наш дом!
Грянуло книжное детство
В Рабиндранатов Тагор.
Немец приехал, аж сердце
Заколотилось в забор!
Кто-то когда-то кого-то
Тут уязвлял до поры.
Граяли под пулеметы
Наши рода и миры.
Ведь что ни день, то дивизия
Гибла тут под Протасово,
На «малой» дуге.
Очень ценилась провизия,
Туфли на разной ноге.
В самом пылу сражения

Жизни дороже вода.
Боже! От поражения
Нас отведи сюда.
Где-то кого-то искали,
Кто-то рождался от немца.
Сколько тут прозаседали,
Столько бы индальгенций!
Немец достал кусок мыла
И оказал свою пруть:
- Господи! Все, как и было!
Негде и руки помыть.

БРОДИТ БАЯН

Отбродила свое гармонь,
И баян теперь, нью – заботы.
Доно-донюшка, моя донь –
Степь бездонная, без работы.
Тридцать в эту сторону пройдено,
Тридцать – в другую, пешком.
Вот что такое сегодня родина,
Посох, накрытый горшком.
Кто-то последнее следом
Вносит в русскую речь.
Скиф мой! Внутренне ведом,
Весь в Запорожскую сечь!
Вот и Гомер на пороге!
Голос, рапсод и аэд.
Что же мы, скифские Боги,
Вещий не ценим концерт!
Скифская песня, брeнная песня!
Жар песнопевческий, миф!

Кто победил-то в войне, если честно?
Наш креатив? На скифский мотив!
Миф вдохновенный, актив.
Каждому это известно.
Лег, дерзновенный,
В золото русских полян.
Что из поэта
Вы тянете где-то?
Голос пшеничный
В думах столичных,
Плюс деревенский баян!

* * *

Напрошусь дегустировать каши
К вам туда – во Кремлевской стене.
И живые, и мертвые – дно,
Все в одно, все одно, все одно,
Их попробуй сподобь-ка!
С Нюрой ходим к усопшим в кино,
Выживаем с покойным Володькой.
Мир ушедший укреп и расцвел.
Мы – туда, он – сюда, как живой,
Не такими-то гирями мечен
И умен не такой головой.
Перетянуты вервием низко -
Косопузые, все на погост.
Бродит близко судьба – одалиска,
Проверяет ромашку на ГОСТ.

ОТЛЕТАЛИСЬ ГОДА

Отлюбились года, отлетались,
Отзвенело треклятое лето.

Подзабыли деревню малость
Господа – города, из совета.
Как грибы – так туда,
Как гробы – так сюда.
Как поляны из ягод, орехи,
Так сюда же, где скифы, где вехи.
Оборву образа, оттого – отсего,
Обломаясь на суку, на прорехе.
Не хватает тут главного самого:
Лишь во сне и приснятся успехи.
Я в орехах сижу,
Я в орешник гляжу,
Проживаю, как рыцарь, в доспехах.
На базарчик пойду,
Руки лишь разведу,
Запою с придыханьем, как Пьеха,
И у цен умираю от смеха.
Как сундук с сундука,
Так фундук с фундука –
Молодыми за так их, бывало,
Наша брашка девочкам таскала.
О, «хрущобы» – бетонное эхо домов!
Обложили сундук, обложили!
Деревянных уже не хватает гробов,
Все б вытягивать жилу по жиле.
Все б гоняли крестьянство туда и сюда,
Все б оттуда... Ответ, в общем, прост.
И везут же опять деревенских куда?
Под ракитовый веток ухлест –
На родной деревенский погост.

С ОДНОЙ РЕКИ

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!»
Своего не нашлось у них, что ли?
Я – орловский, отсюда – извне
Все пою о Есенинской доле.
Не устану провозглашать
О Руси уходящей, забытой.
Как язык позволяет врать,
Называя себя элитой!
Да все так оно, так, близнец!
Мой отец! Вы оба – от жита!
Вы – ровесники, вы – поэты!
Ты позвал в голубые жути,
И ташу из себя я приметы.
Из нутра своей скифской сути,
Как мигрень, извлекаю кометы,
Из себя золотые памфлеты.
В совпадения, что ли, извне
В окна памяти бледной стучи!
«Шаганэ ты моя, Шаганэ!»
Про рязанское не молчи.
Я – орловский, отсюда – извне,
Столько спел о Есенинской доле.
Проведу-ка к рязаночке я
До откоса свою орловчанку.
Око в око! Твоя и моя!
Посажу их к себе на тачанку!
Чем еще удивлю глухаря?
Подарили ему мы сына,
Самого же ни свет ни зря

Провожу до раKITного тына.
От верховий моих Оки,
Где я глoх, но с пути не сбивался,
Мой товарищ! С одной мы реки.
Око в око! Таким и остался.
Память в память!
Лесная замять -
Все видения из-под руки.

В ШИРАЗЕ

В Персию в низовье ухожу!
По Оке через Рязань к Хафизу!
Даст Есенин где-то ниже визу,
С тем душевно с ним и посижу.
Он пронзил, а вытягнул народ,
Натянув витийственные струны!
Все искал в Испании, и вот
На Ширазе обнажились руна.
Там у них персидские напевы,
А у нас тут скифские мотивы.
Там – голографические девы,
Тут-модельно-гейшевые дивы.
От Оки к Ширазу возвращен,
Все так неосознанно, печально.
Прометей где-то там нашел
На Скале свободной, изначальной.
И змея, как это помню я,
Выдала строку мне, и еще.
Головы под топоры суя,
Понимал я скифа хорошо.
С Богом вместе крест несем в завет –

За страдания вечные людей.
Мой отец! Ведический поэт!
В чувствах исходящий из идей!
В Персиях есенинских брожу,
Что-нибудь с Хафизом запою,
На Оку как погляжу оттуда,
Даже ад мне кажется, зануда,
Будто расположенным в раю,
Если посмотреть на нас оттуда.

МАДОННА И КОНИ

Рыжие, рыжие кони!
Белые, белые гривы!
Скифы сверкнул по иконе –
Выпячены, игривы.
Скифы падут на стены,
Раня копытом высь.
Нет ни одной Галины,
В святости не вознеслись.
Но не пусты иконы,
Есть у них имена.
И колокольные звоны,
И ордена, ордена.
Веры, Надежды,
Марины
Так же нет ни одной.
Непостоянны «ины»,
Нет ни одной Галины,
Нет ни одной Марины
С этой волны морской.
Только земные кони,

Только скифские гривы,
Да Богоматерь в иконе
Держит в руках дите.
И колокольные звоны
Защищают иконы,
И Богородицы оны
Переплетают звоны,
Грудю кормят мадонны
Золотое шитье.
Рыжие, рыжие кони!
Белые, белые гривы!
Вот-вот промчатся те кони,
А на конях – братье.
Скифа смахнут на иконе,
Диво смахнут на иконе,
Золотое шитье,
Держит мадонна дите.

ДУХОВ ДЕНЬ

Прикорну у дороги,
Как выбитый сноп.
И прислушаюсь к речи
То как к звуку картечи,
То как к скифскому вече
На встрече моей человечесьей.
Одноглазый циклоп,
Я – талант, я – талант,
Из персидской сирени сноп,
С розой смешанный
Вариант.
Прикорну у дороги,

Как выпитый сноб.
И увижу, как зерна
Во мне прорастают,
Как снега в моем будущем тают;
Как язычество
Снова к себе возвращают
Эти хлебы, «околки» березовых рощ.
Дух, спрессованный в мощь,
Окисленна почва и хвощ.
Это хитрый Велес,
Это лес,
Это бес,
Это вождь.
Поднимусь у дороги –
Прорастая в окоп,
С выражением ярким
Сегодняшний сноб.
Нас Велес научил
Лить сырую
На дорогу свою.
Мой Велес,
Умный, мудрый, премудрый Велес,
Этот ловкий, преловкий Велес –
Этот лес,
Этот бес,
Этот вождь,
Солнце, ветер и дождь.
В Духов день
Я – воскрес!

АНОМАЛИЯ

Я присел на Землю,
Встать же не могу.
Скифов не приемлю,
Все от них бегу.
Так ушел в болота, -
Этакий маразм,
Не свободен что-то –
Афедрон угряз.
Подо мной – магниты,
Красная руда.
Все я, как пришитый,
Все, как с пня, вода.
Жаркие мониста
На моей груди -
Килограммов триста,
Поноси, поди!
Так и просидели
До утра вдвоем.
Под антенны пели
На кресте моем.
От Москвы до Бреста
Тянет нас «килдим»,
Вот такое место!
Хорошо сидим!
Расскажи, Италия,
В мистике весны,
Как нас аномалия
Держит за штаны?
Как бросает Скифия,
Гривами звеня,
(Мы ребята тихие)
На добра коня.

ВЕЛЕСОВО ПИСЬМО

Нашлось письмо за иконой –
Какое-то скифское.
Промыли слегка белладоной, -
Может, парижское?
Решили, что тут оно близкое,
А не оттуда, не скифское.
И давай читати,
Что написано кстати.
Несомненно, в письме, что за иконой, -
Есть что-то удивительное, веское.
О земле – что сказано нашей иконой, -
Может, что-нибудь половецкое?
Буквы мотаются, цифры.
А сколько вина-то выпито, браги?
И сколько чего пролито за всякие флаги? –
Невообразимые мифы,
Цифры какие, шифры!
Что, если бы живы все были, -
Так бы одни тут скифы
Скрозь у нас бы и жили.
Да, но куда-то они все же делись?
Ведь были же, были!
И что там у нас за иконой?
Вот письмо это взяли туда и поместили
Впук бабкин – этот Велес,
Этот шарм, этот бес,
С братом своим – Леней.

ВЕСНА, РАВНОДЕЙСТВИЕ

Как поехала крыша со Скифа,
Ехала-ехала и приехала. Тихо.
Даже смешно, как капель падает с крыши,
Градус повышен.
О, Господи! Весна,
Весеннее равнодействие,
Значит, зиме хана.
Единственное, может быть, бедствие –
Хлеба вымокли,
Сад вымерз.
Такие заботы!
Скиф печку себе
Топит да топит.
Умаяя Солнцу работы,
Да весна добавляет,
Копит
В Скифе силы-силушки.
Вот опять поехала крыша со Скифа,
Ехала-ехала и приехала. В Лужки.
Где тоже тихо.
Сено там – копешка
Еще с прошлого лета.
Пришла медичка к Скифу:
- Ну, и как крыша у тебя, Скифа,
Из твоего мифа?
- Да ничего, - говорит. – Было лихо,
А теперь крыша обратно приехала.
- А яйца, - говорит, - у тебя есть?
- Какие?
И она список подает Скифу -

Длинный, длинный.
По почте еще, сказала, пришлю.
Чтобы крыша куда зря
У тебя не ездила, когда снег уже тает.
Я, говорит, Скифа люблю,
Когда он Солнце творит высокое, зрящее,
А не какое-нибудь низко сидящее.
Как в Китае –
Из красной сковороды состоящее.

22 марта 2006 г.

ПЕСЕНКА ПРО СКИФА

Песня, трали-вали,
У гитары – гриф.
Скифа расстреляли,
Потому что Скиф.
Целились недолго,
Прямо в этот гриф.
Все бы пел про Волгу,
Потому что Скиф.
Кабы пел другие
Песенки про них,
Не согнул бы выю,
Потому что Скиф.
Все сказал он в песне
На словах своих.
Тем и интересен
Этот самый Скиф.
К этой самой песне
Сочинил он стих.
Нет его известней,
Потому что – Скиф!

Называют «Лева»,
Если – хорошо.
Вспомним Гумилева
И других еще.

СКИФ, ЕДУЩИЙ НА ТРАМВАЕ
Оттуда, из Скифии, смотрит в меня
Сквозь пелену времен, -
Кто это, кто это там без коня,
Как без коня тут он?
Транспорт – автобус,
В транспорт – пешком.
Скиф, как и все, тут в тайне
То обскакал бы десять раз глобус,
Хоть молодой, да ранний.
А то Скиф – пехота, ничей,
Всадник в пехотном ключе.
Чаша полна у этого Скифа,
В общем, полный набор:
Шашка на стенке, гитара без грифа,
Винчестер, Манчестер, топор и мотор,
И много другой всякой всячины.
Хоть степью скачи, а хоть прерией,
С собакой хоть, а хоть с саламандрой.
Он самый из всех обозначенный
Полнейшим царским доверием, –
Хоть в скифах живи, а хоть в олеандрах.
Свобода – когда и кого из чего выбирают:
Хоть то, а то хоть это, смежное!
Скиф скачет по городу с утра на трамвае,
До самого, самого рая
Везет в себе слово нежное.

А вечером ноги помое,
Всунет в свои стремена,
Какие у него имеются, то есть,
Да и к себе, к своим скифам,
В повесть, в свои пламена.
Нырнет под гитару все туда же, без грифа,
На струны себя наложит,
Отдельно пальцами перебирает,
Песню поет про Белую Скифию,
Лихо так исполняет.
А трамвай за конем грохочет в мифы,
Что, значит, всюду скифы.

* * *

КРАСНОЕ ВИНО

Носову Е.И.,

Детям войны.

В Сталинграде солдат жил сутки,

Командир взвода – трос,

Командир роты – неделю.

Из статистики.

Отстонала Русь. Отбеловала.

Выпивали, не были слабы.

Там Москва им всем салютовала,

Оформляла тут у нас гробы.

Слаба богу, не убиты, нет,

Те, кому сегодня в первый класс.

Хлебца чуть, печеньица «привет»,

Чтобы мы не перемерли враз.

А пришли оттуда – как нассли

На жратву, жилье, на должность!
Остальные с голоду косели,
На веревках лошади висели,
Вымирали в целом областя.
А иным оттуда среди дня
Барахла так целые вагоны.
Остальная бось и солдатня
К зажигалкам камушков, огня,
Да иголки – все в одной горсти,
Чтобы было можно унести.
Что везли с проклятой стороны?
Чем там возмещались потери?
Стаканами били в стаканы,
Костылями – в морды, в окна, двери
Инвалиды – в каталажках Берии.
Празднуя сквозь слезы, трали-вали,
Красное вино победы пили.
В общем, так: в Москве там хоронили,
Тут еще их до-о-олго поминали.
До сих пор торчат их костыли,
Как деревья, зубья из земли.

14 января 2004 г.,

г.Орел

* * *

Как сыч, сию я в четырех углах,
А пятый – в глубине себя ищу.
Темны слова, припухлость на губах,
Под нос себе бравурное свищу.
Туманно утро. Демоны витают.
Мелодия вот-вот сорвется с уст.

Признаться не романсов не хватает,
А облика, предвосхищенья чувств.
Ее портрет на столике из мраков,
Косит в меня живой овал лица.
Признаться, мне глаза твои, заплавав,
Пророчат ощущение конца.
Туманы слов, как гимн чужой в оконце.
Из пятен Солнце. Метеопрогноз.
Нас, как волков, теснят к флажкам японцы,
Но дух Свободы режется всерьез.

ДВЕ ПТИЧКИ-СИНИЧКИ

(песенка)

Мне надо в Москву в электричке, -
В новенькой, сверхскоростной.
Влетели две птички, две птички-синички,
В вагон удивительный мой.
На Курский вокзал! На Курский вокзал!
Едем вдвоем без билета –
Зиму и лето, зиму и лето.
Мы как две птички, две птички-синички,
На Курский вокзал! На Курский вокзал!
Кто это? Кто это? Что это?
Брови нахмурил в своей электричке,
'Это сказал ревизор:
- Где тут две птички? Птички-синички?
'Это же зайцы! Позор!
- Что вы! - сказали ему две синички. –
Разве мы зайцы? Гляди,
Уши у зайцев длинней электрички,

С красной морковкой в груди.
Мы же синички, две птички-синички,
Завтра у нас выходной.
Надо в Москву нам, на электричке.
- На электричке?
- Да, самой сверхскоростной!
Мне надо в Москву в электричке...
Все!

* * *

Я весь в соловьях, чеканящих с неба сонеты,
Под божьем перстом, родными людьми окружен, -
Чеканю и я свои золотые монеты,
Как Пушкин, Есенин, Гомер и Овидий Назон.

За тонны поэм и даже романы в стихах,
За душу, насквозь озлащенную словом,
Господь подарил мне фамилию как бы в рублях,
В золотое окрасил, назвав меня Золотаревым.

Однако, покамест наш доблестный мир,
Жирея на деньгах, играет в натуре игру,
Я чист, как стекло, нет порой на кефир,

Чтоб хоть вечерком подпоить соловья.
А как что-то издать, обращаюсь к Петру,
Есть такой сердолик – на букву одну, как и я.

25 мая 2005 г.,
г.Малоархангельск.

ИЗ ПРЕЖНЕГО

ЛОСЬ

Красавец лось опять пришел в леса.
День выветрился на краю деревни,
Лось вышел и поймал в ней голоса
И задрожал – литой - среди деревьев.

Качался в синих сумерках фонарь,
Маячила высокая ограда.
Лось острыми ноздрями слышал гарь
И там, за камнем, дремлющее стадо.

Он помнил, как спасли его бега,
Как на подругу злой огонь наткнулся.
Лось кинул на плеча свои рога
И затрубил на звезды, и качнулся.

Он диким с год скитался по лесам
И отоцал – огромный и суровый,
Тоскуя по лосихиным глазам,
А тут, в щели, гляди оно: корова.

И он отбросил дверь тугим плечом!
Коньто в жом! Парок с губищи виляя.
Лось ткнулся о дощаник маслаком
И перед рогом вдруг остановился.

НА БАМЕ

«Под мостом Мирабо
Тихо Сена течет

И уносит нашу любовь...»
В общежитии, в койку,
Сеня плачет рябой.
Новорочавшись за день гробов.
Ностальгически Сеня
И давал бы по пять,
Нормы Сене
Всегда ни по чем.
Только Клавдия с инженером опять,
Как по пальцам
Тяжелым ключом.
Лес шумит-богатырь,
Лос копытом гребет,
И кругом травостой-перестой.
А у них, за границей там,
Сено течет –
По реке, верста за верстой.
С интересом читала
Про мост Мирабо.
Сеня, скажем, не лыком и сам.
На кладбище идет,
Тихо Сена течет
Сбитым пальцем по нежным строкам.
Эх, как горло-то жжет!
Как бы крутят тобой!
Вроде просто. Куда там, из слов...
В общежитии, в книжку,
Сеня плачет рябой,
Наворочавшись за день дубов.
«Под мостом Мирабо

Тихо Сена течет
И уносит нашу любовь»...

ПАМЯТИ ВИКТОРА ХАРЫ

Откуда берутся убийцы,
Ведь каждый с рождения чист?
Тот лирой потом насладится,
А этот - потопом убийств.
Мне Чили не Чили – с зенита
Кровавую саблю, как стон.
Поэзия саблей убита,
Поэта хлестали хлыстом.
Ломали гитару и пальцы,
Свинцом забивали рот.
От пули поэты валяются
И тем поднимают народ.
Все люди приходят в движенье,
Когда по поэту хлыстом.
В поэте людские моленья,
Что лучшее в них, то и в нем.
Фашизм начинается с поэтов,
Кончается разгулом и тьмой,
Но сам на прицеле у света
Истории нашей людской.
У Тихого океана
Прав только названием тих.
Грядут в тишине ураганы,
Всплывают молнии в них.
Еще мы услышим гитару,
За валом накатится вал.

Поем мы - за Виктору Хару,
Я братство свое осознал!
И движусь я нервной планетой
Под пули, на пытки, на бой.
Фашизм начинается с поэтов,
Врывается в пламень и мой.

ТАГИНЯНКА

Я возрастал прозрачно и сурово
Вблизи села, где грянул ураган.
Запомнил: Александра Чернышева,
По мужу Муравьева, из дворян.

Запомнил, и сегодня в сердце ломится.
Свершилась казнь, но, нет, не в монастырь, -
За мужем в ссылку, как орлица-вольница,
Отправилась – святейшая – в Сибирь.

Порог прошла. Послание поэта
Везет в Сибирь сама Россия, Русь.
Как на ней молились в копиях где-то,
Так я на эту женщину молюсь.

Мне от нее любовью мир увенчан,
Я сыну своему ее внушил.
Ищу, ищу в сегодняшних из женщин
Хоть краткий отблеск той святой души.

Они проходят – статные и гордые,
Блестит крахмал в плиссе – колоколах.

Красивые, такие супер-модные,
Как Александра в юности была.

Есть женщина, которой нежный памятник
В себе навеки вечные воздвиг.
Как совесть всех, окошко в снежной замяти,
Ее мне светит благородный лик.

60-е XX века, Орловщина.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕОПАЛИМЫЕ (роман в стихах, третья книга)	4
ШЕСТАЯ КОЖА ЗМЕИ, ИЛИ ТУРГЕНЕВСКИЙ БЕРЕЖОК (комедия)	346
ЛИРИКА. ЦИКЛЫ СТИХОВ	427
ФРОНТОВОЙ ГОРОДОК	428
Богатырская песня	428
На Малоархангельских высотах	429
Песня про лейтенанта	430
Капитан	431
Письма из окопа	431
Катюша	432
Елецкая Троя	433
Подпольщики	434
Слово памяти	435
Дети войны	436
Трофейное кино	437
Мой рюкзачок	438
Беленькое	438
«Спасите реформы!»	439
Деревенский акцент	440
Сабуровское поле	441
Китель Рокоссовского	442
«Не пицать!»	443
Отец мой солдатский	444
Самый первый салют (верлибр)	445
Вещая птица (былина)	446
Столица Белой Глины (Малоархангельск)	447
РУСЬ СКИФСКАЯ (рукопись, найденная под кроватью)	448
«Вив, деревня!»	448

Погибает Русь...	449
Моя Белькантия	450
Про кусок мыла	451
Бродит баян	452
Когда замечает дорогу	453
«Напрошусь дегустировать каши»...	453
Отлетались года	453
С одной реки	455
В Ширазе	456
Мадонна и кони	457
Духов день	458
Аномалия	460
Велесово письмо	461
Весна. Равнодействие	462
Песенка про скифа	463
Скиф, едущий на трамвае	464
Красное вино	465
«Как сыч, сижусь»...	466
Две птички-синички	467
«Я весь в соловьях»... (песенка)	468
ИЗ ПРЕЖНЕГО	469
Лось	469
На БАМе	469
Памяти Виктора Хары	471
Тагиинка	472

ББК 83.3
(2-Рус)
9
380
ISBN 58991-006-3

Автор: Леонард Михайлович Золотарев

Неопалимые

(3-я книга романа-эпопеи в стихах «Арсений Чигринев»)

Ответственный редактор:

Осмоловский Олег Николаевич – доктор филологических наук,
профессор

Технический редактор: Ветров Николай Владимирович

Корректурa автора

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии Территориального органа
Федеральной службы государственной статистики по Орловской области
(пер.Воскресенский, 24, индекс 302001)

Подписано к печати 15.07.2006 г.

Формат 60x80. Печать офсетная.

Усл.п.л.33. Заказ №21

Тираж 500 экз.

